

ISBN 978-5-4386-0881-3

НАУЧНОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

МАТЕРИАЛЫ XXXIV
ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КУРБАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
(25–28 НОЯБРЯ 2014 ГОДА)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»
2016

КУРБАТОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

Материалы XXXIV всероссийской
научной конференции
«Курбатовские чтения»
(25–28 ноября 2014 года)

УДК 94(100)“05/...”

ББК 63.3(0)4

П 78

Редакционная коллегия:

д. и. н. А. Ю. Прокопьев (отв. редактор),
к. и. н. В. В. Шишкин, Г. А. Шмидт, К. В. Перепечкин,
Е. Г. Тишунин (отв. секретарь)

*Рекомендовано к печати решением научной комиссии
Института истории СПбГУ от 15 января 2016 г.*

П 78 **Проблемы истории и культуры средневекового общества.** Материалы XXXIV всероссийской научной конференции «Курбатовские чтения» (25–28 ноября 2014 года) [Электронный ресурс] / под ред. А. Ю. Прокопьева. — Электрон. текстовые дан. (1,9 Мб). — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2016. — 374 с.

ISBN 978-5-4386-0881-3

УДК 94(100)»05/...»

ББК 63.3(0)4

© Коллектив авторов, 2016

© А. Ю. Прокопьев, Е. Г. Тишунин, составление 2016

© «Свое издательство», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы историографии Средних веков и раннего Нового времени

<i>Слядзь А. Н.</i> Трагическая судьба выдающегося византиноведа (к 140-летию со дня рождения В. Н. Бенешевича)	11
<i>Вахромеева О. Б.</i> Исследования И. М. Гревса в области тургеневедения	17
<i>Абрамова А. В.</i> Петербургские историки-медиевисты на историческом факультете Новгородского государственного университета	23
<i>Лихоманов К. В.</i> Концепции «картины мира» и «модели мира» как часть методологии исследования культуры в научном наследии А. Я. Гуревича	29

Проблемы средневекового права

<i>Куракин С. Е.</i> Королевство Мерсия в системе англосаксонской гептархии в середине VII – начале IX вв.	37
<i>Борисов Г. И.</i> Денежно-весовые единицы в Lex Frisionum и их значения	44
<i>Поляков С. А.</i> Политика королевской власти по отношению к церкви по материалам «Законов короля Кнута»	50
<i>Долкова Е. А.</i> Особенности политико-правового статуса Валлийской Марки	57
<i>Зайцева А. В.</i> Функции дьявола в трактате Бартоло да Сассоферрато «Processus satanae contra genus humanum»	64

Религия и церковь в Средние века и раннее Новое время

<i>Горбунова Ю. А.</i> Вопрос о добродетели в трактате св. Мартина Бразского «Formula Vitae Honestae»	71
<i>Бояринцева У. С.</i> Вопрос богопознания в трактате «О рае» Никиты Стифата: опыт прочтения через Дионисия Ареопагита	74
<i>Мокрополова А. Д.</i> Процесс принятия христианства в Норвегии (по данным королевских саг)	81
<i>Дикарева М. А.</i> «Vita Secunda» Фомы Челанского: образ святого Франциска Ассизского в контексте орденских конфликтов	88
<i>Абрамова Е. Ю.</i> Представления об экзорцистских практиках в XIII веке на примере конструирования образа святого Франциска	94
<i>Терентьева Е. А.</i> Национальные церкви и религия в восприятии французских эрудитов и английских антиквариев (на примере наследия Андре Дюшена и Уильяма Кэмдена)	100
<i>Адамова Н. Э.</i> «Святые», «избранные» и исключительные? Самоидентификация пуритан в раннеюжартовской Англии	107
<i>Князев П. Ю.</i> Религиозный аспект «Декларации о причинах» Вильгельма III Оранского 10 октября 1688 г.	114

Проблемы источниковедения Средних веков и раннего Нового времени

<i>Никитин К. С.</i> Функция библейских цитат в хронике Фредегара	121
<i>Сможженко А. Г.</i> Документы по ранней истории Парижского университета в издании Генриха Денифле «Chartularium Universitatis parisiensis»(1889–1897)	125
<i>Ухов И. В.</i> «Священное бракосочетание Святого Франциска с Господней Бедностью» как исторический источник	131

<i>Наумов Н. Н.</i> «Книга императора Сигизмунда»	
Эберхарда Виндеке: проблема жанра	137
<i>Тишунин Е. Г.</i> Король и королевство в «хронике» Эдуарда VI	144
<i>Мигунова А. В.</i> Корреспонденция как источник по истории Рупрехта Пфальцкого	151

Проблемы итальянской средневековой истории

<i>Канупа А. С.</i> Становление внешней политики Венецианской республики (V – начало XIII вв.)	159
<i>Гурская Н. В.</i> Венеция: версии происхождения	166
<i>Денежкин М. Г.</i> Студенческая жизнь на материалах «Риторики» Бонкомпаньо да Синья	173
<i>Белькова Е. А.</i> Механизмы влияния семейства Медичи на политическую жизнь Италии в XV в.	179

Проблемы раннесредневековой истории

<i>Пикин А. В.</i> Римляне на службе варваров в конце V – начале VI вв.: вопросы внешнеполитического общения	186
<i>Манукян Э. М.</i> Сидоний Аполлинарий и Луп Труаский. Эпизод из истории взаимоотношений представителей церковной аристократии Галлии V века	191
<i>Прогунова Ю. М.</i> Административные функции англосаксонской аббатисы VII – начала VIII вв.	198
<i>Лапунов А. А.</i> Образ варвара в трудах патриарха Фотия	205
<i>Домский М. В.</i> Поэма «Спаситель» (Heliand): как писалось «Саксонское Евангелие»	212

Искусство Средних веков и раннего Нового времени

<i>Игина Ю. Ф.</i> Чинкведеа с гербами Каниджани и Медичи из собрания Государственного Эрмитажа	218
--	-----

<i>Лапишов П. Н.</i> Кутногорское горное дело по материалам изобразительных источников	224
<i>Ушакова В. Г.</i> Маски, атланты, капители: о некоторых аналогиях в декорации романских церквей Южной Италии и миниатюрах рукописей оттоновского периода	231
<i>Попова Я. А.</i> Код куртуазности: визуализация любви в «Кодексе Манессе»	238
<i>Прохорцова М. М.</i> Библия Полиглота издательства Кристофа Плантена. История создания и художественное оформление	244
<i>Костыря М. А.</i> Власть и общество в творчестве Питера Брейгеля Старшего	250

**Власть и общество в Средние века:
теория и практика взаимодействия**

<i>Слядзь А. Н.</i> Константин Мономах и конец классической Византии	257
<i>Васильева О. С.</i> Категория «рабство» в социально-политических взглядах Иоанна Дунса Скота	264
<i>Гончарова Е. С.</i> К вопросу о расстановке политических сил вокруг Анны Болейн в 1528–1529 гг. (по материалам личной переписки)	270
<i>Пономарева М. А.</i> «Спор между священником и рыцарем...» как исторический источник	277
<i>Медведь А. О.</i> Шмалькальденская война в зеркале биографии Себастьяна Шертлина фон Буртенбаха	284

**История средневековой ментальности:
мифы, образы, идентичности, символы**

<i>Гайворонский И. Д.</i> Христианский элемент образа власти в Средние века: от Константина Великого до Хлодвига	295
<i>Костин Н. О.</i> Антропологические идеи Максима Исповедника	301

<i>Сиротина М. П.</i> Институт куртуазной любви в системе средневековых отношений	307
<i>Михеев Д. В.</i> К вопросу о целях Португальской экспедиции 1589 года	314
<i>Бутучел Р.</i> Язык и идентичность населения дунайских княжеств и Трансильвании в раннее Новое время (XVII – начало XVIII вв.)	318
<i>Лурье З. А.</i> Катехизис на сцене: некоторые особенности сценографии школьного театра XVI–XVII столетий	324
Аннотации	332
Summaries	349
Сведения об авторах	365
List of authors	370

I.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ
СРЕДНИХ ВЕКОВ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

**ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА
ВЫДАЮЩЕГОСЯ ВИЗАНТИНОВЕДА
(К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Н. БЕНЕШЕВИЧА)**

В нынешнем году исполнилось 140 лет со дня рождения Владимира Николаевича Бенешевича — выдающегося византиниста, палеографа, историка церковного права, профессора Петербургского (Ленинградского) университета, члена-корреспондента Академии наук СССР. В. Н. Бенешевич — безусловно, одна из самых трагических фигур в отечественной науке [1, С. 339], интерес к которой не ослабевает уже не одно десятилетие (см., наприм.: [2; 3]), а память сохраняется и за рубежом [4]. Его богатый жизненный и научный путь достаточно хорошо известен, и настоящая статья призвана лишь напомнить основные вехи биографии замечательного ученого, оставшегося верным делу несмотря ни на какие драматические перипетии судьбы.

В. Н. Бенешевич родился 9 (21) августа 1874 г. в городе Друя Дисненского уезда Виленской губернии (ныне пос. Браславского района Витебской области) в семье обрусевшего белоруса, работавшего судебным приставом [5; 6, С. 338; 7]. Очевидно, род деятельности отца пробудил у Владимира Николаевича интерес к правоведению, проявившийся еще до завершения обучения в I Виленской гимназии (1893). Окончив в 1897 г. с дипломом первой степени юридический факультет Петербургского университета, В. Н. Бенешевич был оставлен при кафедре церковного права [5] для приготовления к профессорскому званию. Последовавшие четыре года Владимир Николаевич (первоначально на собственные средства) провел в Германии, где занимался историей права в Берлине, Гейдельберге и

Лейпциге под руководством Г. Еллинека, К. Фишера, Р. Зомы, Э. Фридберга, В. Вундта и А. фон Гарнака [7].

В 1905 г. В. Н. Бенешевич защитил магистерскую диссертацию («Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 года. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви»), а в 1914 г. — докторскую («Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика: К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви» [7]). Обе диссертации, в которых Владимир Николаевич впервые за время изучения указанных сборников привлек и проработал весь сохранившийся материал, были изданы отдельными книгами и удостоены Уваровской премии [5].

Заметим, что труды В. Н. Бенешевича посвящены преимущественно византийским, южнославянским и древнерусским источникам церковного права [7]. Как позднее указывал сам Владимир Николаевич: «мои научные интересы сосредотачиваются в следующих главных направлениях: 1) Народы СССР в византийских памятниках; 2) Византия в отношении к южным славянам и Древней Руси; 3) История источников византийского права; 4) История источников древнерусского права; 5) История византиноведения в России» [6, С. 341].

Изучение некоторых памятников древнеславянского и древнерусского права привело В. Н. Бенешевича к мысли о необходимости детальной и самостоятельной разработки истории греко-римского права. После многократных поездок на Афон, Синай, в Египет, Малую Азию и Палестину (в 1901–1908, 1911, 1912 гг. [5]), а также работы в Петербурге и Москве у Владимира Николаевича оказалось огромное собрание рукописного материала, большое количество снимков манускриптов [2, С. 335]. Им был переработан и практически заново составлен каталог греческих рукописей библиотеки Синайского монастыря («Описание греческих рукописей монастыря святой Екатерины на Синае». Т. I–III. СПб., 1911–1917) [7].

В течение 35-летнего кропотливого труда В. Н. Бенешевич собрал столь значительное количество материала, что, по его словам,

хватило бы для работы целому институту [6, С. 341]. Владимир Николаевич предполагал постепенное научное издание всех значительных памятников византийского, славянского и русского права до XVIII столетия, т.е. создание корпуса юридических текстов с их параллельным исследованием [7]. Скопировав и описав огромный рукописный материал, необходимый для проверки и новой постановки изучения юридических памятников, он приступил к осуществлению грандиозной и сложной (в силу разбросанности и фрагментарности материала, а также ввиду недостатка критических исследований) задачи по воссозданию истории греко-римского права, особенно в части происхождения и собирания древнейших источников, получивших каноническое значение в церкви. Данное направление стало основной темой его творчества [5].

С 1905 по 1921/22 гг. основным местом работы В. Н. Бенешевича являлся Петербургский университет, в котором он последовательно состоял приват-доцентом, экстраординарным и ординарным профессором. В 1905–1910 гг. Владимир Николаевич вел занятия по греческой палеографии и истории Византии на историко-филологическом факультете, а с 1910 г. читал курс церковного и государственного права на юридическом факультете [5]. Хотя в послереволюционные годы В. Н. Бенешевич лишь эпизодически читал лекции по византийской истории в Ленинградском университете, тем не менее, он первым из советских византинистов организовал преподавание греческой палеографии [2, С. 238]. Среди его учеников были тогдашние аспиранты Публичной библиотеки А. В. Банк и Е. Э. Гранстрем [5], а также С. В. Юшков. Владимир Николаевич уделял внимание и учебно-методическим вопросам: в помощь студентам в 1912–1915 гг. под его редакцией вышло четыре выпуска «Очерков по истории Византии», где собраны различные справочно-библиографические материалы по социально-политической и церковно-культурной проблематике. Кроме этого «Очерки» содержат переведенные на русский язык статьи ведущих византинистов того времени — Г. Гельцера, Д. Б. Бьюри, К. Крумбахера [8].

В 1922–1928 гг. В. Н. Бенешевич участвовал в работе Русско-византийской комиссии при Академии наук в качестве товарища председателя (академика Ф. И. Успенского), а затем (1926) — ученого секретаря [6, С. 340]. Одновременно с 1925 г. он трудился в Отделе рукописей Публичной библиотеки, занимаясь описанием греческих манускриптов и изучением палимпсестов [7]: будучи мастером фотографирования и фотокопирования Владимир Николаевич уже в первый год работы в библиотеке организовал в ее стенах фотокабинет. Среди многого в эти годы в соавторстве с Ф. И. Успенским был подготовлен значительный источниковедческий труд, посвященный социально-экономической истории Византии: *«Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XII–XV веков»* (Л., 1927) [2, С. 242].

Вскоре после смерти Ф. И. Успенского [6, С. 340], незадолго до кончины выдвинувшего кандидатуру Владимира Николаевича к избранию в действительные члены Академии наук [9, С. 72], в ноябре 1928 г. В. Н. Бенешевич был арестован и сослан на Соловки на три года [5]. Лишенному поддержки Ф. И. Успенского — «могущественного и, пожалуй, единственного покровителя в академических кругах» [9, С. 72], — В.Н. Бенешевичу инкриминировались «нелегальные» связи с русской эмиграцией, «контрреволюционной организацией “Евразийцы”», а также шпионаж в пользу Ватикана, Германии и Польши [9, С. 72, 78, 80-81]. В 1930 г. Владимир Николаевич был возвращен в Ленинград и привлечен уже к «Академическому делу» [10], по которому «проходил» как претендент на пост министра вероисповеданий в правительстве академика С. Ф. Платонова [6, С. 340-341; 9, С. 77]. Будучи приговорен в августе 1931 г. к пяти годам заключения в Ухта-Печерском лагере [5], в марте 1933 г. он был досрочно освобожден по ходатайству В. Д. Бонч-Бруевича [6, С. 341; 9, С. 77]. Во время ареста и обысков оказались почти полностью уничтожены плоды многолетней и интенсивной деятельности по сбору копий древних манускриптов, которые посчитали шифрованными посланиями [5]: пропали описания греческих рукописей 46 библиотек (из 49) и более 2000 фотокопий, разорена специально

подобранная библиотека, погибли материалы для многих работ и почти готовые труды [6, С. 341].

Тем не менее, В. Н. Бенешевич не оставлял научной и преподавательской деятельности: в 1933–1937 гг. он работал на воссозданной кафедре истории Средних веков ЛГУ им. А. С. Бубнова и в Публичной библиотеке [7].

В мае 1937 г. в Мюнхене вышел первый том издания уже упоминавшейся «Синагоги» константинопольского патриарха Иоанна III Схоластика (565–577) — итог четвертьвекового исследования [3, С. 335]. 10 октября 1937 г. Владимир Николаевич был отстранен от профессуры [9, С. 78], а 26 октября в «Известиях» появилась анонимная статья «*Антисоветский поступок члена-корреспондента АН СССР В. Н. Бенешевича*» [3, С. 336] о предательстве ученого, издавшего труд в нацистской Германии [5]. Месяц спустя 27 ноября В. Н. Бенешевич был арестован, обвинен в шпионаже, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 27 января 1938 г. [3, С. 337; 9, С. 79].

Пройдя школу лучших русских и немецких специалистов по истории церковного права, изучив рукописи в полусотне библиотек Европы и Ближнего Востока [6, С. 339], В. Н. Бенешевич является крупнейшим научным авторитетом в своей области, определившим облик современной ему науки выработанной методикой, охватом материала и важностью выводов [3, С. 335]. Несмотря на то, что очень многое из задуманного не удалось осуществить, а в высшей степени трагический жизненный финал сделал его имя если не запретным, то, во всяком случае, не желательным для упоминания, громадное наследие В. Н. Бенешевича, до сих пор не утратившее актуальности, остается одним из самых значительных «взносов» в копилку мировой византистики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Медведев И. П.* В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 339–381.

2. Гранстрем Е. Э. Владимир Николаевич Бенешевич (к 100-летию со дня рождения) // Византийский временник. Т. XXXV (60). 1973. С. 235-243.
3. Шапов Я. Н. Полный текст «Автобиографии» В. Н. Бенешевича // Византийский временник. Т. LXIV (89). 2005. С. 335-337.
4. *V[ur]gmann* L. Hommage à Vladimir Nicolaevič Beneševič // Rechtshistorisches Journal. Bd. VII. 1988. S. 3-12.
5. Вольфшун Л. Б., Шварц Е. М. Бенешевич, Владимир Николаевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. I–IV. [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека. URL: <http://www.nlr.ru/ar/staff/beneshe.htm> (последнее обращение: 24.11.2015).
6. Бенешевич В. Н. Автобиография / публ. Я. Н. Шапова // Византийский временник. Т. LXIV (89). 2005. С. 338-342.
7. Герд Л. А., Шапов Я. Н. Бенешевич, Владимир Николаевич // Православная энциклопедия / Под ред. патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. IV. [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия: электронная версия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/78078.html> (последнее обращение: 24.11.2015).
8. Очерки по истории Византии / под. ред. В. Н. Бенешевича: В 4 вып. СПб., 1912-1915.
9. Медведев И. П. Письма в защиту В. Н. Бенешевича // Проблемы всемирной истории. Сб. статей в честь А. А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 72-82.
10. Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. №5. 1989. С. 117-129.

ВАХРОМЕЕВА О. Б.

Санкт-Петербургский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЯ И. М. ГРЕВСА В ОБЛАСТИ ТУРГЕНЕВЕДЕНИЯ

С писателем Иваном Сергеевичем Тургеневым И. М. Гревс познакомился еще будучи студентом Санкт-Петербургского университета, когда присутствовал на встречах, устраиваемых Литературным фондом. Его привлекали в Тургеневе сила, благородство, красота, ум и талант. Юношеское благоговение и любопытство переросло в общечеловеческий интерес и биографическое исследование. Биография Тургенева, наряду с монографией о Таците, была последней творческой работой, которой Гревс занимался на закате жизни [1, С. 18].

«Опыт истолкования души» Ивана Сергеевича заключался у Гревса в длительном и внимательном собирательстве образа личности великого писателя, являвшего собой преемственную связь между временами. Историк был убежден в необходимости создания такого образа для русской культуры, который содействовал смыканию веков передач в будущее лучшего, что создано прошлым. Гревс именовал Тургенева не иначе как великим русским писателем, поэтом, драматургом, рассказчиком, романистом, превосходным художником слова, замечательным изобразителем жизни и носителем высокого общественного и нравственного идеализма [1, С. 29-30].

Оживление литературы о Тургеневе было вызвано празднованием столетия со дня рождения писателя 9 ноября (28 октября по ст. ст.) 1918 г. По мнению И. М. Гревса, именно тогда был заложен фундамент тургенеvedения, как особой отрасли или главы науки о нашей литературе.

В 1925 г., собрав исчерпывающую литературу о писателе, профессор отмечал, что для изучения Тургенева наука еще сделала немного,

хотя литература о нем многочисленна. Он считал, что «обработка и опубликование всех произведений Тургенева — настоящая задача историков литературы (К. К. Истомина, Н. М. Гутьяра, П. Н. Сакулина, А. Е. Грузинцева, Н. К. Пиксанова, Ю. Г. Оксмана и др.) [2, Л. 10 об.]».

Сам Гревс активно включился в литературскую деятельность и в 1925 г. написал статью о М. П. Драгоманове и Тургеневе, в которой анализировал воспоминания украинского общественного деятеля, публициста Михаила Петровича Драгоманова, лично знавшего Тургенева [3, С. 113].

Первым большим опытом Гревса можно назвать обращение к теме Италии, близкой и Ивану Михайловичу, и Тургеневу. В Ленинграде в 1925 г. вышла книга «Тургенев и Италия». После чего у него вырос общий замысел незаконченного труда под названием «Италия в истории русской интеллигенции» [4, Л. 1], в котором он представлял Италию как лучшую школу гуманности. Труд сразу же нашел отклик. Основатель «Тургеневского общества» А. Ф. Кони в письме от 16 марта 1925 г. сердечно благодарил Ивана Михайловича «за высокое наслаждение», доставленное ему книгой [5, С. 313].

Особое внимание историк обращал на эпистолярное наследие писателя, поэтому в начале 1930-х гг., будучи в переписке с А. В. Луначарским, тогда директором Пушкинского Дома, настаивал на издании полного собрания писем Тургенева; сообщал о подготовительной работе членов «Общества любителей Российской словесности» при Московском университете и издании каталога выставки в 1900-е гг. [1, С. 27-28].

Возможность знакомиться с эпистолярным и биографическим наследием И. С. Тургенева появилась у Ивана Михайловича во второй половине 1920-х гг. Из переписки с бывшим учеником, историком и философом Г. П. Федотовым, жившим во Франции, выяснилось, что французский исследователь Мазон, имевший доступ к архиву русского писателя и читавший в *Collège de France* о Тургеневских рукописях, желая сделать из курса семинарий, не мог

уделять архиву должного внимания; кроме того, из-за недоговоренности между наследниками, архив был закрыт для третьих лиц. Тем не менее, Мазон был готов к сотрудничеству с Гревсом [5, С. 312].

В письме своей бывшей ученице по Бестужевским курсам Е. Я. Рудинской от 4 мая 1926 г. профессор высказывал сожаление о своих ограниченных возможностях: «Сегодня получил письмо от *Мазон*, к котором он сообщает, что хотя есть много писем Тургенева к Виардо еще не напечатанных, но в них нет ничего, как он выражается конфиденциального или открывающими нечто. С общей моей точкой зрения, насколько я сообщил ее ему, он согласен. Сам он письма все читал, но думает, что получить доступ к ним для другого лица (кроме него), будет трудно (может быть, он оберегает свою монополию) <...>» [5, С. 317].

И. М. Гревс определил свои занятия творческой биографией Тургенева как «состояние тургенелюбия». В статье «*О влиянии Тургенева на меня и о соприкосновении с ним*» он отмечал: «по справедливости занялся большой работой — замыслил восстановить “биографию его сердца”, постараться очистить его память от клеветы и перетолкования его отношения к Виардо. В течение 1925 г., отчасти 1926 г., я написал книгу (листов около 10) “*И. С. Тургенев и Полина Виардо, история одной любви*”. Мне предложила напечатать ее московская фирма “*Современные проблемы*”. Теперь я ожидаю корректуры, но что-то затягивается. Очень жду появления этой книги, думаю, что в ней немаловажное исправление картины жизни Ивана Сергеевича» [5, С. 315-316].

В 1927 г. долгожданная книга, «*История одной любви И. С. Тургенев и Полина Виардо*», вышла, а в 1928 г. была уже переиздана, поскольку тираж в две тысячи экземпляров быстро разошелся. Издательские возможности были крайне ограничены, поэтому часть материалов, не вошедших в книгу, хранится в архиве ученого.

Занятия Тургеньевым во многом придавали жизни И. М. Гревса смысл, были отдушиной его израненного сердца. Вынужденный уйти из Петроградского университета в начале 1920-х гг., занявшись

делом краеведения, он много ездил по России, встречался с краеведами, участвовал в работе местных краеведческих съездов, активно печатался, был одним из организаторов Экскурсионного института. Краеведческое изучение культуры увлекало его, но не позволяло проявить всю полноту творческой личности, к тому же «надобность в краеведении скоро отпала».

Он писал Е. Я. Рудинской в январе 1925 г.: «Мало ощущаю в себе мужества, и тяжело от этого делается на душе, но трудно пережить падение многих самых дорогих ценностей». Лишь занятия «другими этюдами по Тургеневу» давали ему «умение быть твердым в необходимых страданиях» [5, С. 311-312].

Тургеневский период ученого был крайне продуктивен, совпав с непростым этапом его жизни. В 1927 г. Иван Михайлович закончил 580-страничную рукопись под названием «*Религиозная драма Тургенева. (Опыт истолкования души)*», которая до сих пор не издана и хранится в архиве. Летом 1928 г. он, посетив Спасское и Орел, занялся важной работой «*Спасское и Россия в творчестве Тургенева. (Очерки по истории его мирозерцания)*». Спасское для Гревса — это основа миропонимания русского писателя, давшее начало таким темам, как «Тургенев и природа», «Дворянская культура» и «Крестьянский мир». В том же году он написал сочинение «*Тургенев и Спасское*», которое постигла участь предыдущего творения [1, С. 36]. В 1933 г. Гревс прочел доклад в Доме литераторов на тему «Тургенев и музыка».

Большая часть объемных трудов Гревса о Тургеневе писалась в стол. Писателя, как отмечал историк в своих «тургеневских дневниках» «классифицируют чуть ли не как крепостника и контрреволюционера. Критики и литераторы очнулись только в 1938 г., осенью (к 120-летию со дня рождения писателя — О. В.)» [1, С. 37-38].

Невостребованность наследия писателя на родине и равнодушные читатели тяготили Гревса-литератора. Он, ранимый и замкнутый, часто еще больше уходил в себя, без объяснения причин, что близкий друг историка со времен Ольденбургского братства князь Д. И. Шаховской называл «спасением бегством» [5, С. 323].

В начале 1930-х гг. Гревс не «спасался бегством», занимаясь тургеневедением, скорее он выжидал благоприятную возможность для реализации своих проектов. В 1931 г. он вел мучительную переписку с издательством «Север» об издании книги *«Женские образы в жизни Тургенева»*. Но пройдя многочисленные испытания, он получил окончательный отказ: «В чем дело, спросите Вы? Комитет никаких объяснений своим решениям не дает, однако, после переговоров с заместителем председателя Комитета можно было уловить, что тема книги не относится к тем, на которые надо выделять бумагу при ее теперешнем недостатке» [1, С. 40].

Кроме того, в эти годы ученый при содействии академика Н. К. Пиксанова, много переводил и комментировал, так для издательства «Academia» он работал над мемуарами Сен-Симона, *«Божественной комедией»* Д. Алигьери.

К 1934 г. Гревс закончил писать биографию Тургенева. Больше прежнего он проводил время над перепиской писателя, иногда отодвинув в сторону все прочие переводы и комментарии. Этим он вновь вызвал неудовольствие Д. И. Шаховского, который справедливо полагал, что такая сосредоточенная работа связана с его уединением и не имеет границ [5, С. 325].

Первую половину 1934 г. Гревс был погружен в творчество Тургенева не меньше, чем прежде, однако, те стесненные обстоятельства жизни, в которых он и его близкие были вынуждены выживать, не позволили историку открыто поддержать тургеневскую работу в «Academia» и Пушкинском Доме. Семья ученого (и его обширная библиотека) буквально ютилась в небольших комнатах коммунальной квартиры на Васильевском острове. Иван Михайлович, Мария Сергеевна и Екатерина Ивановна Гревсы испытывали постоянные трудности с соседями. Е. И. Гревс страдала расстроеными нервами. Старики-Гревсы жили в большой печали [1, С. 42].

В сентябре 1934 г. И. М. Гревса пригласили на только что открытый исторический факультет Ленинградского университета для работы с аспирантами. Со следующего учебного года он был профессором всеобщей истории на кафедре Средних веков. Это был

долгожданный период «профессорского счастья». Учебные занятия «оттеснили» его от «тургеневских штудий» [5, С. 332].

Padre преподавал в Ленинградском университете до конца жизни. В день своего ухода, 16 мая 1941 г., и накануне от диктовал Марии Сергеевне «Тацита» и вносил исправления в биографию И. С. Тургенева. Восторженное поклонение и огромную любовь вызывает человек, преданный своему делу.

Близкая ученица профессора И. М. Гревса, Т. Б. Лозинская писала Н. П. Анциферову 19 мая 1941 г. из Ленинграда: «Мария Сергеевна старается работать — переписывает Тацита; решала, что отдаст перепечатать на машинке его воспоминания и статьи о Тургеневе. Пушкинский Дом просил рукописи, но нельзя же отдать, не перепечатав» [5, С. 352]. Ученики, считавшие, что жизнь *Padre* закончилась в светлый момент, помогали М. С. Гревс с рукописями. Но до тургеневского наследия учителя дело не дошло, началась Великая Отечественная война. Семья Ивана Михайловича умерла в блокадном Ленинграде в 1942 г. Рукописи хранились в квартире уже без хозяев [1, С. 47].

Занятие творческой биографией Тургенева вылилось у И. М. Гревса в публикацию книг и статей. При этом большая часть материалов, в основном в форме эссе и записок, осталась неизданной. Они хранятся в персональном фонде ученого (Ф.726) Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вахромеева О. Б. И. М. Тургенев глазами Ивана Михайловича Гревса. СПб., 2014.
2. ПФР РАН. Ф.726. Оп.1. Д.258. 10 л.
3. Гревс И. М. М. П. Драгоманов о Тургеневе (из вновь найденных материалов) // Былое. 1925. Кн. 3. С. 113-130.
4. ПФА РАН. Ф.726. Оп.1. Д.235. 225 л.
5. Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860-1941) / автор-составитель О. Б. Вахромеева. СПб., 2004.

УДК 930.1(091)

АБРАМОВА А. В.

Новгородский государственный университет

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ ИСТОРИКИ-МЕДИЕВИСТЫ
НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В 2012 г. исторический факультет Новгородского государственного университета отметил 80-летний юбилей. На протяжении нескольких десятилетий наш город оставался одним из региональных центров высшего исторического образования, где сформировалась своя особая научная школа. Забота о сохранении ее традиций — задача не менее важная, чем другие «злободневные» проблемы современной исторической науки. История образования начинается с малого — с истории провинциальных вузов, их жизни, как научной, так и повседневной. Именно эти стороны формируют особое «живое» восприятие событий прошедших лет. Новгород в силу своего географического положения исторически находился в сфере влияния одной из старейших научных школ — петербургской. Выпускники и преподаватели петербургских вузов работали на новгородском истфаке в разные периоды его истории. Эта связь не прервалась с течением времени, и ее сохранение — одна из приоритетных задач нового поколения новгородских ученых-историков.

Период становления высшего исторического образования в Великом Новгороде начинается с 30-х гг. XX в. и связан с работой Новгородского государственного педагогического института им. М. Н. Покровского (НГПИ), образованного в 1932 г. в здании бывшей духовной семинарии Антониева монастыря. С 1934 г. институт стал носить название Новгородского государственного учительского института (НГУИ). Нехватка опытного кадрового состава во вновь открывшемся учебном заведении приводила к необходимости

обращаться к иногородним специалистам, среди которых подавляющее большинство составляли ленинградские историки.

В Государственном архиве Новгородской области есть материалы, дающие сведения о деятельности исторического факультета (приказы по институту, личные дела преподавателей и студентов, списки личного состава, ведомости успеваемости студентов). Над их изучением долгое время работал ряд новгородских историков (Р. П. Макейкина, И. Л. Григорьева, Н. В. Салоников, П. С. Александров). Исследование документов фонда новгородского пединститута продолжается и в настоящее время, поскольку не все его материалы на сегодняшний день обработаны и введены в научный оборот.

Первым медиевистом в Новгороде был Николай Николаевич Розенталь, ученик И. М. Гревса, окончивший в 1914 г. историко-филологический факультет Петербургского университета по специальности «История Запада». Первоначально он занимался историей духовной культуры, в частности, проблемами языческой реакции в годы правления Юлиана Отступника. Однако расцвет марксистского учения не обошел стороной и начинающего ученого. Н. Н. Розенталь увлекся новой наукой и активно участвовал в выявлении «врагов марксизма», но очень скоро и в его адрес посыпались обвинения в «псевдомарксизме». Он отрекся от своих прежних работ и отдал предпочтение в научной деятельности вопросам становления и развития феодализма [1].

Преподавать в НГПИ Н. Н. Розенталь начал с 1933 г. В его ведении находился курс истории Средних веков, а также курсы по истории промышленного капитализма и, вероятно, истории Нового времени [2]. В переписке с руководством института Н. Н. Розенталь обговорил и условия своей работы: «...буду приезжать к Вам в конце каждого месяца, — конечно, если не сложатся чересчур уж неблагоприятные обстоятельства...» [2]. Однако период преподавания Н. Н. Розенталя в Новгороде длился недолго. В июне 1934 г. он был назначен заведующим кафедрой истории Средних веков Ленинградского университета, но, проработав чуть менее года в этой должности, был уволен в связи с арестом.

На смену Н. Н. Розенталю в Новгород приехал Николай Сергеевич Масленников. Его преподавательская деятельность началась в 1926 г. Выпускник ЛГПИ им. А. И. Герцена, он в течение четырех лет работал учителем в 1-й Советской школе в Ленинграде, затем преподавал историю на рабфаке Ленинградского финансово-экономического института, параллельно обучаясь в аспирантуре Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). В 1935 г. Н. С. Масленников, окончив аспирантский курс по специальности «западноевропейский феодализм», был направлен на работу в НГУИ, где начал вести курс истории Средних веков [3]. В ГАНО сохранились документы, позволяющие осветить особенности преподавания истории Средних веков в этот период [4]. По программе Всесоюзного Комитета по делам высшей школы лекционный курс читался студентам только на первом курсе без последующей сдачи зачета. Практические занятия начинались на втором курсе и носили источниковедческий характер. Учебной программой предполагалось только чтение и комментирование источников. Н. С. Масленников проводил занятия в форме дискуссии. В течение всего учебного года он давал консультации, которые, по его собственному замечанию, плохо посещались студентами [4]. Он предлагал в 1938/1939 учебном году лекционные занятия по курсу истории Средних веков проводить параллельно с практическими, на которых не только знакомить студентов с источниками, но и готовить доклады. Кроме того, Н. С. Масленниковым был организован студенческий театальный кружок, в котором он наравне со студентами исполнял наиболее сложные роли в постановках. Его уход из НГУИ в 1940 г. был во многом связан с необходимостью завершения работы над диссертацией, а также с ухудшением состояния его здоровья [5]. В Ленинграде он стал работать на кафедре всеобщей истории ЛГПИ им. А. И. Герцена.

В 1940 г. в Новгород приехал Борис Яковлевич Рамм. Ученик О. А. Добиаш-Рождественской, он в 1918 г. поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, который в 1921/1922 учебном году был преобразован в факультет общественных

наук (ФОН), общественно-педагогическое отделение которого он окончил в 1924 г. С 1935 по 1937 гг. он учился в аспирантуре ЛГУ, а в 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: *«Светские и церковные начала в культуре раннего Средневековья»*. После окончания аспирантуры Б. Я. Рамм был направлен в Воронежский государственный педагогический институт им. М. Н. Покровского, где читал курс истории Средних веков [6], а затем в 1939 г. заведовал кафедрой истории Древнего мира и Средних веков ЛГПИ им. М. Н. Покровского. В 1940/1941 учебном году он вел курс истории Средних веков в НГУИ, однако с началом Великой Отечественной войны ему на время пришлось оставить эту деятельность. Второй раз он вернулся в НГПИ только в 1949 г. Ему было поручено чтение лекций и ведение практических занятий по истории Древнего мира и Средних веков. В 1951 г. Б. Я. Рамм вернулся в Ленинград, где был принят на работу в Музей истории религии и атеизма в качестве научного сотрудника.

Еще одним ленинградским медиевистом, работавшим в Новгороде, был Владимир Ильич Райцес, выпускник исторического факультета Ленинградского университета и ученик А. Д. Люблинской, палеограф, блестящий специалист по истории Франции XV–XVI вв. В 1968 г. он защитил кандидатскую диссертацию *«Восстание в Аже-не (Южная Франция) в 1514 г. (по материалам муниципального архива)»*, которая получила высокую оценку оппонентов как первое в советской медиевистике исследование, почти целиком основанное на материалах французских архивов. С осени 1969 по 1972 г. он читал курс истории Средних веков в НГПИ. Как знаток своего дела, В. И. Райцес вел свои лекции в свободной форме, часто они переходили в беседы. Он читал также курсы Новой истории стран Европы и Америки, Азии и Африки и курс методики преподавания истории [7]. В январе 1972 г. его пригласили на должность старшего научного сотрудника лаборатории «Научные основы использования телевидения в обучении» при ЛГПИ им. А. И. Герцена, где он работал до выхода на пенсию в 1990 г.

С 1976 г. эстафету новгородских медиевистов приняла Инна Львовна Григорьева, ученица А. Н. Немилова. В НГПИ И. Л. Григорьева была ведущим преподавателем по истории Средних веков, читала основной курс по этой дисциплине и ряд спецкурсов по истории культуры Средних веков и эпохи Возрождения, вела занятия по латинскому языку. Также она принимала участие в работе Комиссии по изучению культуры эпохи Возрождения при Совете по истории мировой культуры РАН, участвуя в различных издательских проектах Комиссии. В 1998 и 1999 гг. она проходила стажировку в Отделении медиевистики Центрально-Европейского университета в Будапеште, а в 2005 г. повышала квалификацию при центре Западноевропейского Средневековья Института всеобщей истории РАН в Москве. В 1997 г. И. Л. Григорьевой при кафедре всеобщей истории была создана научно-исследовательская группа по изучению истории образования и книги в Великом Новгороде, получившая в 2001 г. организационное оформление в виде научно-исследовательского музейного центра «Лихудовский музей». И. Л. Григорьева являлась секретарем, позднее и председателем регионального отделения Российского общества интеллектуальной истории, принимая активное участие в его работе как ученый-исследователь, занимающийся проблемами исторической компаративистики.

Для многих преподавателей в советские годы исторический факультет НГПИ оказался единственной возможностью найти работу по специальности. Несмотря на недолгие сроки преподавания в Новгороде, на «выездной» характер работы, каждый из них внес свой вклад не только в профессиональную подготовку студентов НГПИ, но и в развитие отечественной медиевистики. Воспоминания о них до сих пор хранят некоторые работники нашей кафедры.

Сохранившиеся архивные материалы позволяют нам проследить становление и развитие отечественной исторической науки «в лицах» и для дальнейшего исследования по данной теме необходимо продолжать поиск документов в местах, связанных

с преподавательской и научной деятельностью отечественных медиевистов. И, конечно, необходимо продолжать традицию сотрудничества с ведущими вузами страны, в частности, с нашими северными соседями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лебедева Г. Е., Якубский В. А.* CATHEDRA MEDIÆ Aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930-1950-х годов. СПб., 2008.
2. *Салонилов Н. В.* Историки ленинградской школы в Новгородском государственном учительском институте (1932–1941 гг.) // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: Труды международной науч. конф. СПб., 2009. С. 405.
3. *Александров П. С.* Преподавание истории Древнего мира и Средних веков в НГУИ в 1937/1938 учебном году // Материалы Первой научно-практической конференции молодых ученых-гуманитариев. С. 90-95.
4. ГАНО. Ф. Р-3577. Оп. 1. Д. 9. Л. 2-5.
5. ГАНО. Ф. Р-3577. Оп. 1. Д. 716. Л. 2.
6. ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 1917-41. Д. 848. Л. 30.
7. *Александров П. С.* Историк средневековой Франции в Советской России: судьба В. И. Райцеса // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. Челябинск, 2006.

**КОНЦЕПЦИИ «КАРТИНЫ МИРА» И «МОДЕЛИ МИРА»
КАК ЧАСТЬ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ
КУЛЬТУРЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А. Я. ГУРЕВИЧА**

Когда ученые обращаются к проблемам прошлого, то зачастую их главной ошибкой является модернизация мыслей и мировосприятия людей, отделенных от нас веками. В течение долгого времени историки не ставили вопросы об особенностях мышления людей прошлого. Кризис исторической науки начала прошлого века показал ограниченность старой методологии — в ней не отводилось место живому человеку, который, собственно, и был творцом истории. Перед историками встал новый вопрос — отличались ли наши предки от нас по самому стилю своего мышления, и каким они видели окружающий мир?

Когда мы говорим о людях прошлого, необходимо абсолютно четко понимать, что они имели совершенно иной взгляд на мир, не такой, как у нас. В массе своей люди прошлого, в частности, нас интересует Средневековье, не имели никакого образования, а носители культуры сосредотачивали свое внимание на совершенно иных проблемах, нежели люди современности. Жители далекого прошлого не имели того представления об окружающем мире, которое характерно для нас. Те люди, которые не имели отношения к письменной культуре своего времени были лишены даже этой крупинки знаний об окружающем. Конкретные знания о материальном мире были заменены целым комплексом представлений совершенно иного рода, которые в своей сложности ничуть не уступают современным аналогам естествознания. Мышление человека Средневековья сложно и мало понятно для нас, людей современности. Чтобы понять, что скрывается в памятниках культуры ушедших поколений,

необходимо отказаться от приписывания им собственных взглядов, стремясь углубиться в специфику их мышления, и осознать, каким они видели мир вокруг себя. Этот вопрос впервые был поставлен французскими историками М. Блоком и Л. Февром в первой половине прошлого века, однако его разрешение требовало новых методов исследования. В начале 70-х гг. советский историк А. Я. Гуревич употребляет понятие «картина мира», с применением которого начинается комплекс исследований, посвященных изучению социологии и культуры эпохи Средневековья.

Наша задача — выявить, каким образом А. Я. Гуревич совершил переход от историка социально-экономических отношений к исследователю культуры Средневековья, а также охарактеризовать его оригинальную методологию исследования «картин мира» с помощью «моделей мира», позволяющих, по мнению ученого, проникать в самую суть мировоззренческих установок, и показать, каким образом они были реализованы на практике.

Напомним, что Арон Яковлевич Гуревич (1924–2006) — историк-медиевист и культуролог, специалист по аграрной истории раннего Средневековья, исследователь народной культуры и один из основоположников исторической антропологии в современной России. Ученик Е. А. Косминского, он долгое время преподавал в Калининском педагогическом университете (1950–1966), а с 1966 г. являлся сотрудником Академии наук, сначала Института философии (1966–1969), а затем — Института всеобщей истории, где с 1989 г. возглавлял «Центр исторической и культурной антропологии», где им был основан альманах «Одиссей».

В качестве историографических источников стоит выделить, прежде всего, фундаментальные «Категории средневековой культуры» (1972) [1], где наиболее полно были раскрыты термины «картина мира» и «модель мира», а также показано на практике, каким образом А. Я. Гуревич их использовал для построения своей методологии исследования культуры. Также в наше поле зрения попадают несколько статей историка, ставшими этапными для формирования этой методологической концепции [2; 3].

Как ученик двух виднейших представителей советской аграрной школы, Гуревич в первые годы своей научной деятельности занимался, прежде всего, социально-экономическими отношениями раннего западноевропейского Средневековья. Однако постепенно ученый стал обращаться к проблеме культуры, и вплотную встал вопрос о методологии исследования. В марксистской историографической традиции методов изучения теории и истории культуры, по существу, не представлено.

Генеральная линия марксистской идеологии отводила культуре место надстройки, дополнения к сменяющимся в истории материалистическим способам производства. Однако Гуревич не удовлетворился такой ролью культуры в отечественной науке. Для того чтобы найти методы исследования, историку пришлось обратиться к дореволюционной историографии, где наиболее видно влияние Л. П. Карсавина и П. М. Бицилли. От Карсавина Гуревич позаимствовал принцип целостности изучения средневековой культуры, комплексного изучения «высокой» и «низшей» ее форм [4, С. 2], от Бицилли — представление о том, что мышление человека Средневековья невозможно изучать без погружения в текст того времени, в понятийный аппарат эпохи, изучая этимологическое значение слов для людей прошлого [5, С. 107].

Много лет занимаясь проблемами аграрного строя средневекового социума, Гуревич пришел к пониманию условности языка исторического источника [2, С. 98-99], неопределенности понятий «право», «собственность», «государство» и т. д. Исходя из этого, не в последнюю очередь под влиянием комплексного изучения скандинавских экономико-правовых источников и памятников норвежской и исландской литературы, Гуревич понимает явную недостаточность их классических интерпретаций. Он считал, что *«язык экономических категорий... не обладал автономией — он в свою очередь оказывался “наречием” некоего “метаязыка” культуры, в котором понятия и термины экономики, богословия, права не расчленены»* [1, С. 33].

Сначала нам следует решить вопрос о том, когда и каким образом А. Я. Гуревич решил вырабатывать универсальный инструмент для изучения культуры разных эпох.

Параллельно с изучением развития норвежского феодализма в конце 60-х гг. он пишет ряд статей, посвященных особенностям изучения истории, в том числе подходя и к специфическим методикам изучения культуры. В статье 1969 г. «*Об исторической закономерности*» Гуревич пытается разобраться в том, что же представляют собой законы истории, и как они работают. Признав существование общих закономерностей общественно-экономического развития, историк, тем не менее, уточняет, что любая формация состоит из отдельных структурных элементов, которые важны сами по себе в силу крайней абстрактности формационных обобщений: «*Структурный подход к социальной действительности требует установления функциональных отношений между структурами, являющимися компонентами данной общественной системы, и изучения ее как целостности, что ни в коей мере не исключает осознания противоречий, в которых она движется*» [3, С. 67]. Отсюда следует, что Гуревич, признавая формацию неким явлением высшего порядка, глобальным социальным законом, выделяет целый ряд структур иного порядка, являющихся частью общей системы, но живущие по своим законам. Что является основной составляющей этих систем?

Наиболее полно этот вопрос Гуревич разбирает в своей основной работе — «*Категории средневековой культуры*». Подводя к мысли о методологии исследования, историк ставит вопрос о его объекте: «*любые социальные движения — это движения людей, мыслящих, чувствующих существ, обладающих определенной культурой, витавших в свое сознание определенные идеи. Поступки людей мотивированны ценностями и идеалами их эпохи и среды*» [1, С. 27]. Итак, объект исследования — не формы деятельности людей, а их психология, и их представления об окружающем. Пытаясь выразить эту совокупность представлений, Гуревич вводит понятие «картина мира» — «*в разные эпохи и в различных культурах люди воспринимают и осознают мир по своему, на собственный манер организуют*

свои впечатления и знания, конструируют свою особую, исторически обусловленную картину мира» [1, С. 27]. Следовательно, «картина мира» — это некая совокупность представлений о мире, и в этом плане Гуревич вовсе не предлагает ничего нового — в целом, как уже говорилось, это понятие было хорошо известно в философских науках. Однако автор «Категорий средневековой культуры» одним из первых употребил его в качестве объекта исследования конкретной исторической действительности. Именно понятие «картина мира», как считал Гуревич, поможет нам понять, «каким видели свое собственное время люди прошлого» [1, С. 34].

В качестве инструмента изучения средневековой «картины мира» историк вводит понятие «модель мира», которое служит инструментом для задания определенной «системы координат», позволяющей сконструировать образ представлений о мире, характерного для той эпохи. Поясним, что Гуревич изначально не стремился абсолютизировать воссозданные им «модели мира», говоря о них как об инструментах исследования («*рисуемая нами “модель” культуры — скорее “идеальный тип”, нежели по возможности точное воспроизведение действительности» [1, С. 41].*

Гуревич достаточно емко и полно определяет понятие «модели мира»: «*“Моделью мира” складывающейся в данном обществе, человек руководствуется во всем своем поведении, с помощью составляющих ее категорий он отбирает импульсы и впечатления, идущие от внешнего мира, и преобразует их в данные своего внутреннего опыта. Эти основные категории как бы предшествуют идеям и мировоззрению, формирующимся у членов общества и его групп, и поэтому, сколь бы различными не были идеология и убеждения этих индивидов и групп, в основе их найти можно найти универсальные, для всего общества обязательные понятия и представления, без которых невозможно построение никаких идей, теорий, философских, эстетических, политических или религиозных концепций и систем» [1, С. 35]. Итак, несмотря на то, что здесь еще не звучит термин «ментальность», в основе построения «модели мира» лежат именно бессознательные мировоззренческие установки. Отсюда*

выявляется необходимость комплексного исследования всех составляющих культуры. Согласно методологии Гуревича, каждый памятник письменности и образчик художественной культуры, пришедший из Средневековья, является результатом «моделирования» взглядом на мир их авторов.

В своих «Категориях средневековой культуры» Гуревич попытался применить методологию «модели мира» на практике, выделив определенные комплексы понятий для построения «системы координат». Ученый разделил эти понятия на три группы «категорий»:

1. Глобальные (Пространство (дуализм микрокосма-макркосма) и Время);
2. Социальные (Право, Обычай, Сословия);
3. Экономические (Дар, Богатство, Труд, Собственность).

Каждая из этих категорий подвергается тщательному анализу, выявляются общие мировоззренческие установки, характерные для всех сословий и регионов Европы. Примечательно, что «Категории...» лишены послесловия как такового. Несмотря на то, что определенная система координат была выстроена, Гуревич не сделал далеко идущих выводов из выявленной в ходе исследования «картины мира». Можно предположить, что, работая над «Категориями...», ученый рассматривал их, прежде всего, как способ применения новой для него методологии. В более позднее время им были написаны монографии «Проблемы средневековой народной культуры» (1981) и «Культура и общество средневековой Европы глазами современников» (1989), где ученый на примере конкретных источников («exempla», «visiones», проповеди и т. д.) при помощи методологии «модели мира» воссоздавал отдельные элементы «картины мира».

Эта концепция являлась, фактически, одним из самых самобытных явлений в отечественной историографии советского периода, отчасти являясь и возрождением традиций дореволюционной школы культурологических исследований, и учетом наработанного школой «Анналов».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры // Избранные труды. Т. II. М.; СПб., 1999.
2. *Гуревич А. Я.* Язык исторического источника и социальная действительность: средневековый билингвизм // Труды по знаковым системам. Вып. 7. Тарту, 1975.
3. *Гуревич А. Я.* Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
4. *Карсавин Л. П.* Культура Средних веков. Пг., 1918.
5. *Бицилли П. М.* Элементы средневековой культуры // Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М., 2006.

II.

ПРОБЛЕМЫ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРАВА

**КОРОЛЕВСТВО МЕРСИЯ В СИСТЕМЕ
АНГЛОСАКСОНСКОЙ ГЕПТАРХИИ
В СЕРЕДИНЕ VII – НАЧАЛЕ IX ВВ.**

В современной отечественной медиевистике история раннесредневековой Англии только начинает активно изучаться. Между тем, исследования, посвященные данной тематике, склонны к обобщениям и выделению общих тенденций в политическом развитии крупнейших англосаксонских королевств. Поэтому нам представляется важным рассмотреть конкретный случай политогенеза на примере королевства Мерсия, чтобы увидеть особенности развития отдельной политической единицы.

Выбор этого королевства в качестве объекта изучения продиктован его гипотетической ролью объединителя Англии. Интерес к Мерсии еще более актуализируется в свете имеющейся источниковой базы: не сохранилось судебных мерсийских королей; сведения «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного сдержанны и отрывочны; Англосаксонская хроника (далее — АСХ) также немногословна в отношении мерсиев. Однако в нашем распоряжении имеется корпус англосаксонских грамот, которые проливают свет на некоторые события и процессы в истории Мерсии. Такую скудость сведений о королевстве можно объяснить тем, что центры, где создавались главные нарративные источники, были жертвами мерсийской агрессии. Примечательно, что ни один мерсийский король не вошел в список бретвальд, хотя на протяжении почти двух веков Мерсия имела политическое влияние на каждое королевство семикоролевия [1, С. 64].

Очагом, вокруг которого развивалась Мерсия, стала долина р. Трент. Этноним *Mierce* означает «народ пограничья» [3, Р. 40].

В VII в. территория Мерсии составляла 12 тыс. гайд [2, III, 24]. Под пограничем, вероятно, подразумевалась граница с бриттским миром.

Беда, рассказывая о смерти Пенды в 655 г., упомянул о разделении на северных и южных мерсиев, водоразделом для которых служила р. Трент [2, III, 24]. Местом расположения мерсийского епископства был Личфилд на южном берегу среднего течения р. Трент; два других ранних центра мерсийских королей — королевская вилла Тэмворт и монастырь Рептон — находятся в окрестностях. Поздние грамоты определяют все три центра на территории *Tomsaete* (р. Тэйм) [3, P. 102].

На историческую арену Мерсия выходит в период правления короля Пенды (ум. 655). Известно, что Пенда погиб во время сражения у р. Уинвэд в 655 г., но время его восшествия на престол неизвестно. Согласно АСХ Пенда взошел на трон в 626 г. и «держал его 30 лет, и было ему 50 лет, когда он унаследовал королевство» (последняя часть утверждения маловероятна) [1, С. 53]. Первую победу он одержал против нортумбрийского короля Эдвина в сражении при Хэтфилд Чейс в 633 г [1, С. 53; 2, II, 20]. При нем же Мерсия проявляла активную агрессию в отношении Восточной Англии, в результате чего погибли такие короли, как Анна, Сигеберт и Эгрик [2, III, 18]. Беда характеризует Пенду как *vir strenuissimus*. Нортумбрийский монах говорит, что Пенда доминировал над южными королевствами ко времени битвы на р. Уинвэд [2, III, 24].

После смерти Пенды в его королевстве на короткое время наступает кризис, сменившийся восстановлением и укреплением власти под началом Вулфхере (658–675). В отличие от отца Вулфхере был христианином и контролировал процесс христианизации Мерсии и ряда подчиненных областей [1, С. 54].

Наследником Вулфхере стал его брат Этельред (675–704). Его победа над Эгфритом в битве на р. Трент 679 г. положила конец доминированию Нортумбрии, провинция Линдсей перешла в сферу влияния Мерсии [2, IV, 21].

Утверждение Ф. Стентона о том, что южные королевства в период правления Этельреда испытывали незначительное влияние Мерсии, отражает факт соперничества с возросшим влиянием Уэссекса при Ине и Кедвалле [3, Р. 50-52]. Мерсия и Уэссекс соперничали за южные королевства: в 680-е гг. оба королевства пытались установить главенство над Кентом (АСХ: 676 г. Этельред разорил Кент; 686 г. — тогда Кедвалла с Мулом разорили Кент и остров Уайт; 687 г. — тогда Мула сожгли в Кенте, и еще 12 человек вместе с ним; в тот же год Кедвалла разорил Кент [1, С. 56]).

Вторая половина VII в. характеризуется усилением влияния Мерсии на другие англосаксонские королевства. Косвенным подтверждением тому является спорный документ под названием «Tribal Hidage». Наиболее распространенное объяснение смысла данного документа — необходимость выделить список данников Мерсии времен Вулфхере [4, Р. 112-113]. Список начинается с Мерсии, оцениваемой в 30 000 гайд. Все остальные области указанные в документе рассматриваются как отдельные политические единицы, которые должны платить дань или что-то другое, для чего они также оцениваются в гайдах.

К концу VII в. можно говорить о сложившейся особенной системе управления в Мерсии. Образовалось два типа зависимых от Мерсии территорий: провинции-сателлиты (например, Магонсэт или Хвикке), находящиеся в ближайшем поле зрения мерсийских правителей, а также королевства, признавшие главенство королей Мерсии и вынужденные, вероятно, платить им дань [5, Р. 106-107].

Известно несколько местных правителей Хвикке. Беда упоминает двух братьев Эанфрита и Эанхере, правивших в Хвикке около 675 г. Им, вероятно, наследовал Осрик. Обычно Беда использует титул «гех» для обозначения независимых правителей, но в описании о возникновении Глостерского аббатства, Осрик и его брат Освальд именуется двумя *ministri regii* короля Этельреда [6, №51; 3, Р. 45]. Около 700 г. некий Осахере имел титул короля Хвикке; архиепископ Кентерберийский назвал же его комитом Этельреда [6, №52-53; 3, Р. 45].

Методы влияния королевства мерсиев на зависимые территории довольно разнообразны: военное вмешательство (в 661 г. Вулфхере сражался с уэссекским королем Коенбертом и одержал победу, разорив территорию Уэссекса до Эшдауна и захватив о. Уайт. Впоследствии Вулфхере даровал этот остров в управление королю Суссекса [1, С. 55]), заключение династических браков (Пенда выдал замуж свою сестру за уэссекского короля Кенвалха, но в 645 г. после расторжения брака мерсийский король смог отобрать трон у ненавистного зятя, [1, С. 54]), покровительство монастырям и утверждение культа святых (земельные пожалования монастырю Малмсбери (гр. Уилтшир) [6, №71, 73]; решив посвятить себя Богу, король Этельред и его жена Осфрит уходят в монастырь Бардни в обл. Линдсей, отвоеванной у Нортумбрии [1, С. 56-57]).

VIII век — период максимального могущества Мерсии, приходящийся на правление Этельбальда (716–757) и Оффы (757–796). Возможно, в это время провинции-сателлиты утрачивают самостоятельность (стираются следы династии Магонсэт, усиление зависимости Хвикке), а вассальные короли должны были координировать свои действия в соответствии с позицией мерсийского короля (пожалование земель в боклэнд, привилегий монастырям осуществлялось с санкции короля мерсиев [6, №86, 88]).

В одной из грамот, датированной 736 г., король Этельбальд именуется «король не только мерсиев, но и всех провинций, называемых Южная Англия» [6, №86]. В другой грамоте он обозначает себя как *rex Britanniae* [6, №89]. В ней король Мерсии жалует земли у р. Стоур на территории Ворчестершира, которая относится к области Хвикке. В грамоте стоит подпись Этельрика, имеющего титул «subregulus et comes». Велико было влияние Этельбальда на Лондон. В 732–748 гг. им выпущена серия грамот, освобождавших от наложения пошлин корабли, проходившие через порт Лондона [6, №86-88, 90-92]. Этельбальд даже имел право жаловать земли на территории северного Уэссекса. Сохранилась грамота, подтверждающая эту привилегию, скрепленная подписями уэссекского короля

Кюневульфа, а также епископов Винчестера и Шерборна [6, №96]. Архиепископ Бонифаций, известный своей критикой деятельности Этельбальда, в одном из своих писем написал о мерсийском правителе: «ты подавляешь грабежи и неправодеяния, клятвопреступления и насилие своей сильной рукой; ты прославился как защитник бедных и вдов; ты упрочил мир в своем королевстве» [4, Р. 100].

Убийство Этельбальда на его вилле в Секингтоне в 756/7 г. привело к смуте, в которой Беорнред на короткое время одержал победу, но вскоре и он был смещен Оффой, ведущим свое происхождение от брата Пенды Эовы [1, С. 61]. В ряде грамот он именуется себя *rex Anglorum* [6, №104]. Однако власть Оффы не была бесспорной. В сражении при Отфорде в 776 г. Оффа потерпел поражение от кентцев [1, С. 61]. Примерно на 10 лет он потерял контроль над Кентом. В грамоте 778 г. король Эгберт делает пожалование епископу Рочестера без санкции короля Мерсии [6, №35]. В 784 г. другой кентский король Эалхмунд сделал аналогичное пожалование в пользу церкви Рекульвер [6, №38]. Однако уже на следующий год Оффа восстановил контроль над Кентом, а серия кентских грамот прервалась до момента, когда Кутред, брат мерсийского короля Кюневульфа, занял кентский престол. В 805 г. он от имени кентского короля выпустил грамоту [6, №39].

Взаимоотношения Уэссекса и Мерсии носили напряженный характер. В 733 г. Этельхерд, преемник короля Ине, потерял Сомертон в конфликте с Этельбальдом, который тем самым стал напрямую управлять значительной частью территории Уэссекса [1, С. 58]. В VIII в. между Мерсией и западносаксонским королевством возникали пограничные конфликты. Так, например, погодная запись 741 г. АСХ сообщает нам: «Тогда умер Этельхеард, и Кутред стал королем Уэссекса; он правил 16 зим и яростно сражался с Этельбальдом»; В 752 г. Кутред сражался с Этельбальдом у Курганного брода; в 779 г. Кюневульф и Оффа сражались у Бенсона [1, С. 59-61].

С разных сторон можно подойти к оценке совместных военных походов мерсийских и уэссекских королей. В 743 г. Этельбальд

и Кутред совместно организовали поход против валлийцев [1, С. 59]. Поскольку отсутствуют грамоты и договоры, которые бы могли пролить свет на историю Уэссекса в рассматриваемый период, данное событие можно рассматривать или как союз двух равных по статусу королей, или как обязанность правителя Уэссекса подчиняться приказаниям мерсийского «оуверлорда». Нельзя точно объяснить и смысл династического брака между королем Уэссекса Беорхтриком и дочерью Оффы Эдбургой. В АСХ упоминается, что Беорхтрик помогал Оффе в изгнании Эгберта; хронисты назвали причиной участия уэссекского короля в совместных действиях с мерсийским правителем именно династический брак [1, С. 62].

В конце VIII – начале IX вв. наметился кризис королевства мерсиев, обусловленный группой внешних (усиление позиций Уэссекса) и внутренних факторов (пресечение линиджа, исходящего от Эавы, политическая чехарда). Особенно отчетливо эта проблема стала проявляться после правления Коенфульфа (796–821). «Тогда у Кеолвульфа отняли его королевство», — констатирует погодная запись 823 г. В 825 г. Король Беорнвульф был убит в Восточной Англии. Всего две зимы правил мерсийский король Лудека, убитый в 827 г. вместе с пятью своими элдорменами [1, С. 63]. Мерсия начала приходить в упадок по той же причине, что и Уэссекс в VIII в.

Таким образом, королевство Мерсия ворвалось на политическую арену благодаря военным амбициям его предводителя Пенды в первой половине VII в. На протяжении второй половины VII в. политика мерсийских королей менялась, методы их управления существенно обогатились, однако весь рассматриваемый период существования Мерсии доминирующей чертой королевства оставалась активная военная политика. Именно на опыте мерсийских королей мы впервые наблюдаем пример значительного приращения территорий англосаксонским королевством. Успешные методы влияния и контроля приводят к возвышению статуса мерсийских королей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Англосаксонская хроника / пер. с др.-англ. Метлицкой З. Ю. СПб., 2010.
2. *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Beda/frametext1.htm> (последнее обращение: 28.09.2015).
3. *Stenton F. M.* Anglo-Saxon England. Oxford, 1947.
4. *Sawyer P. H.* From Roman Britain to Norman England. L., 1998.
5. *Yorke B.* Kings and kingdoms of Early Anglo-Saxon England. L., 1990.
6. ASChart [Электронный ресурс]: anglo-saxon charters. URL: http://www.aschart.kcl.ac.uk/idc/idx_sawyerNo.html (последнее обращение: 28.09.2015).

ДЕНЕЖНО-ВЕСОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В LEX FRISIONUM И ИХ ЗНАЧЕНИЯ

Записи обычного права германских племен служат одним из наиболее важных письменных источников по истории денежно-весовых единиц раннего Средневековья. Солиды, денарии, другие монеты и меры веса встречаются почти в каждой правовой статье *leges barbarorum*. Однако интерпретировать эти данные довольно сложно: необходимо учитывать и историю текста, и историю рукописи, и менявшиеся в зависимости от времени и места ее создания денежно-весовые единицы. Важную роль играл в то время принцип «старого, доброго» права, согласно которому авторитетно лишь древнее право и любые изменения в нем (в том числе и в размере штрафов) подрывают доверие к нему [1, S. 3-6; 2, P. 170-172]. Без учета этих данных данные варварских законов вступают в противоречие с действительностью и приводят к неверному пониманию данных источника. Анализ изменения денежных сумм в текстах *leges* еще не проводился из-за слабой изученности рукописной традиции законов. Многие из них записывались в разное время и на разных территориях, а следовательно, значения упоминаемых в них денежно-весовых единиц могут различаться. В данной работе я делаю первый шаг в осмыслении особенностей бытования денежно-весовых единиц в раннем Средневековье в целом и в Законе фризов в частности. Предметом исследования станут термины, применяемые для обозначения денежно-весовых единиц в *Lex Frisionum* и их соответствие средствам платежа на практике.

Считается, что запись *Lex Frisionum* была произведена в рамках законодательной реформы Карла Великого в 802 г. [3, S. 368-369].

Текст закона дошел до нас только в издании XVI в. [4, P. 131-148] и имеет ряд особенностей. Это черновая, неоконченная запись на латинском языке правовых обычаев племени фризов, живших на территории современных Нидерландов по берегам Северного моря. Манера записи правовых статей, относящихся, преимущественно, к уголовному праву, неисправленные ошибки и «проговорки» в тексте свидетельствуют о том, что после записи его не редактировали. Территория Фризии, ограниченной с востока рекой Везером и с юго-запада заливом Звин, внутри делилась на западную, центральную и восточную части, разделяемые реками Фли и Лаубах [4, P. 131]. Это же деление прослеживается и по другим источникам, например, по свидетельствам Беда Достопочтенного [5, S. 107-114]. В Законе отчетливо прослеживаются различия в правовых обычаях трех регионов Фризии. В первую очередь они касаются судебных ритуалов, числа соприсяжников, необходимых для принесения совместной клятвы, правового статуса и стоимости раба, размеров штрафов, но в наибольшей степени различия трех регионов видны в используемых денежно-весовых единицах. По Закону фризов нам известны три типа солидов, фунт, унция, «новые» и «старые» денарии, простые денарии и «фризские» денарии [4, P. 131, 138, 147]. Вес их неизвестен, а упоминания в тексте отрывочны и далеко не всегда согласуются друг с другом. Разнообразие этих денежно-весовых единиц смущало исследователей и вызвало большие дискуссии в историографии.

Ученые XIX в. исходили из предположения, что на территории Франкского королевства существовала единая система денежно-весовых единиц, унаследованная от поздней Римской империи. Ее основой был золотой солид, состоявший из 40 серебряных денариев [6, С. 88, 102]. Позднее, при Каролингах, в солиде насчитывалось уже 12 денариев; сам солид считался 1/20 частью фунта. Монетой из них были только денарии, солиды и фунты превратились в единицы счета [7, P. 322]. Однако в Законе фризов указано, что в западной Фризии солид составлял 2,5 денария новой монетой, в

центральной — 3 денария (также новой монетой), а в восточной — два новых денария [4, P. 147]. Такие различия в стоимости солидов и денариев, равно как и разнообразие терминов, применявшихся в Законе фризов для выражения суммы штрафов, ученые объясняли проведением монетных реформ и наложением позднейших редакций [8, S. 87ff; 9, S. 67-68]. При этом ученые оставались в убеждении, что в каролингской Европе золотой солид имел довольно регулярное хождение. В 1928 г. К. А. Экхардт первым в отношении *Lex Frisionum* высказал предположение, что речь идет о черновой записи, не все данные в которой были согласованы [10, S. 345]. Однако его гипотеза не получила дальнейшего развития и разнообразие денежно-весовых единиц в Законе фризов осталось необъясненным [3, S. 232-265]. Нумизматические исследования последних 30 лет заставили пересмотреть систему денежного обращения в каролингское время. Золотая монета в это время не чеканилась, а само понятие «солид» применялось уже не к монете, а к неясной единице веса [11, S. 313-315].

Неисправленные ошибки, несогласованные предложения, противоречия между правовыми нормами в тексте *Lex Frisionum* убеждают нас в том, что текст после записи не редактировался и в нем также могли отразиться различия между частями Фризии в денежно-весовых единицах. Если отойти от понимания солида как единой на всей территории державы Карла Великого меры веса, и тем более, монеты, то картина становится более ясной. Большие различия имелись между романизованными и слабо романизованными, а также не совсем испытанными влияния римлян регионами. Вероятно, что термины, применявшиеся к денежно-весовым единицам, использовались на небольших территориях слабо романизованных областей, какими были все три части Фризии. Значения этих терминов были различны для каждого региона и денежно-весовые единицы действовали только в нем. В восточной Фризии вергельды выражаются в фунтах, солидах и старых денариях. Цена знатного человека составляет 106 солидов и два денария, простого свободного

53 солида 1 денарий, а лита 26,5 денариев и половину тремисса [4, Р. 131]. Приведенное ниже соотношение вергельдов в фунтах полностью соответствует этой пропорции вергельдов: 4:2:1 — 11 фунтов, 5 с половиной и два фунта 9 унций, но в «старых» денариях [4, Р. 138]. Цена раба с фиксированным вергельдом, но не указанная в первом случае, равна половине цены лита. В центральной и западной Фризии соотношение вергельдов отличается от схемы 4:2:1, а цена раба произвольна и определяется хозяином. В другом месте закона указано, что в восточной Фризии солид составляют два новых денария, в центральной — два с половиной, а в восточной три [4, Р. 147]. Без привлечения нумизматического материала определить вес этих единиц едва ли возможно, однако видно, что весовое значение солидов в разных частях Фризии различалось, как различались по весу и виды денариев. Бросается в глаза тот факт, что кодификаторы не считали нужным соотносить денежно-весовые единицы разных областей Фризии друг с другом. Вероятно, это не было целью предварительной редакции и в записи отразились локальные денежно-весовые единицы, принятые в разных частях Фризии. Термины солид и фунт, как меры денежного обращения, во время правления Карла Великого и Людовика Благочестивого в разных регионах империи имели местные значения, не обязательно выраженные в драгоценных металлах. У саксов, например, одновременно существовало два солида — большой и малый. Большой солид применялся только для уплаты штрафов за убийство и составлял стоимость 16-месячного быка, а малый солид использовался для уплаты всех остальных штрафов и приравнивался к цене за годовалого быка [4, Р. 126]. В собрании капитуляриев аббата Ансегиза утверждается, что фунт можно было уплатить золотом, серебром, железными орудиями, кусками ткани, лошадьми, быками, коровами или же имуществом [4, Р. 318-319].

Изучение денежно-весовой системы Закона фризов еще только предстоит. Мне бы хотелось акцентировать внимание на следующие выводы. Каждая из областей Фризии, указанная в законе,

была относительно небольшой и обособленной в политическом, правовом и социальном отношении, областью проживания нескольких знатных родов и в каждой такой области были свои денежно-весовые единицы. Наиболее крупную из них обозначали латинским термином *solidus*; денарием, старым, новым или фризским, чаще всего называли серебряную монету, вероятно разного веса. Помимо солидов и денариев, в зависимости от региона, использовали и другие меры: фунты, унции тремиссы, вес и значение которых установить на данном этапе сложно. В тексте закона фризов нет попытки унифицировать эти меры веса. Таким образом, данные Закона фризов о разнообразии понятия солид в каролингской империи не являются исключительными и позволяют зафиксировать в момент записи закона несколько денежно-весовых единиц в соседних небольших областях Фризии и заставляют внимательнее присмотреться к особенностям уплаты штрафа в обычном праве раннего Средневековья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kern F. Recht und Verfassung im Mittelalter // Historische Zeitschrift. 120. 1919. S. 1–79.
2. Clanchy M. T. Remembering the Past and the Good Old Law // History, 1970. Vol. LV. P. 165–176.
3. Siems H. Studien zur Lex Frisionum. Ebelsbach, 1980 (Abhandlungen zur Rechtswissenschaftlichen Grundlagenforschung, 42).
4. Originum ac germanicarum Antiquitatum Libri. Basileae, 1557. Lex Frisionum.
5. Fritze W. Zur Entstehungsgeschichte des Bistums Utrecht. Franken und Friesen (690–734) // Rheinische Vierteljahrsblätter, 35. 1971. S. 107–151.
6. Беляков А. С. Нумизматика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990. С. 81–146.
7. McKormick M. Origins of the european Economy. Communications and Commerce, A.D. 300–900. Cambridge, 2001.
8. Heck Ph. Die Entstehung der Lex Frisionum. Stuttgart, 1927 (Arbeiten zur deutschen Rechts- und Verfassungsgeschichte, 6).

9. *Scholten C.* De munten in de Lex Frisionum // Jaarboek van het Koninklijk Nederlandsch Genootschap voor Munt- en Penningkunde. Bd. 30–32. 1943–1945. S. 1–68.
10. *Eckhardt K. A.* Die Entstehung der Lex Frisionum von Ph. Heck // Göttingische Gelehrte Anzeigen, 7. Göttingen, 1928. S. 343–346.
11. *Kluge B.* Karolingisches Münzwesen // Reallexikon der germanischen Altertumskunde, Bd. 16. Berlin, NY., 2001. S. 314–317.

ПОЛИТИКА КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЦЕРКВИ ПО МАТЕРИАЛАМ «ЗАКОНОВ КОРОЛЯ КНУТА»

Церковь занимала исключительно важное место в структуре средневекового общества Западной Европы. Она была одним из немногих институтов, имевших четкую вертикаль власти, организацию, централизованную систему управления на огромной территории. Англия неизменно играла значительную роль в судьбах римской Церкви. Достаточно отметить в этой связи тот факт, что именно с миссионерской миссии Августина в 597 г. в Британию началось распространение власти Папы в Европе [1, С. 64].

Средневековые правители всегда рассматривали церковь как один из важнейших инструментов поддержания своей власти. Не составляет исключения в их ряду Кнут Великий (1016–1035).

Завоеватель Англии, он продолжил дело своего отца, Свейна Вилобородого, короля Дании, сумевшего на короткое время завоевать Англию. После его смерти власть англо-саксонских правителей была восстановлена, и Кнута пришлось снова вступить в борьбу с англичанами. Выйдя из этой борьбы победителем, он стал правителем в стране, где его воспринимали как чужеземца и поработителя. Ему пришлось предпринять ряд целенаправленных действий, чтобы укрепить власть и обосновать свои права на английский престол.

Решая эти задачи, он, прежде всего, попытался заручиться поддержкой Церкви.

Будучи скандинавским конунгом, которого можно с уверенностью назвать «викингом», он воспитывался в среде язычников. Кнут отличался жестокостью, и можно предположить, первоначально жил и мыслил в рамках языческого культурного кода. Однако

известно, что он был крещен еще до того, как стал королем, и принял имя Ламберт [2, С. 120]. Понимая, как важно заручиться поддержкой Церкви в начале своего правления, он всячески оказывал ей свое расположение и старался задобрить ее материально.

Среди источников, дошедших до нас от времени его правления, имеются «Законы короля Кнута», которые являются важной ступенью эволюции английского права. Данный источник был создан в последние годы правления короля, с 1030 по 1035 гг., иногда даже указывается точная дата его создания: Рождество 1029 г. [3, Р. 311]. Так или иначе, свод законов был создан на вершине могущества Северной империи короля Кнута, когда у ее создателя, продолжавшего завоевания и отражавшего многочисленные внешние угрозы, оставалось время и для созидательной деятельности, в частности для составления законодательства для Англии — главной части владений Кнута.

Уже первое знакомство с источником показывает, что положению и защите прав Церкви здесь отведено значительное место: законы неравномерно разделены на две части — законы церковные и законы светские. Однако законы, связанные с церковью, встречаются и «светской части». Идеологическое обрамление законов имеет религиозный характер: король призывает повиноваться его власти под страхом божьего суда, сама его власть является прямым продолжением божественной, в статьях используются ссылки на Библию, а конец разделов обозначается словом «Аминь».

Первой задачей, которую решает королевское правосудие, является защита особого статуса Церкви, ее имущества и ее священнослужителей. Такое положение возможно только при полной лояльности королевской власти, о чем говорится в первой статье Законов Кнута [4, Р. 358–425]. Прежде всего, защищается неприкосновенность Церкви от любых посягательств (статья 2), наказание крайне сурово: преступник теряет имущество и жизнь. Убийство, совершенное в стенах церкви, подлежит королевскому суду и называется двойным штрафом. Нарушение мира и спокойствия

без убийства также подлежит наказанию, при этом оговариваются размеры штрафов в зависимости от статуса той церкви, где было совершено преступление. За правонарушение в соборе следовало заплатить 5 фунтов (в Кенте плюс к этому 5 ф. королю и 3 архиепископу), приходская церковь как место совершения преступления оценивается в 120 шиллингов, более мелкие (часовни?) — в 60 и 30 ш. (статья 3).

Идеологически обосновывается особый статус священнослужителей, их роль в жизни общества и основание для тех привилегий, которыми они пользуются (статья 4). Далее описывается процедура снятия обвинений со священнослужителей, согласно их сану; текст законника свидетельствует о том, что и черное и белое духовенство может очиститься от обвинения, если приведут на суд свидетелей, представителям же низшего чина приходится проходить ордалию (статья 5). За участие в убийстве или кровной мести, что само по себе показывает степень благочестия священнослужителей той эпохи, они должны платить компенсацию или пройти освящение. Важное дополнение — вступив в лоно клира, священник терял свой вергельд и не мог требовать компенсации с убитого родственника, так как он оставлял все свои связи с миром. Если же человек по причине доказанного преступления изгонялся из Церкви, он мог восстановить свой прежний социальный статус при условии выплаты компенсации и отправления обряда очищения.

Один из законов оговаривает условия, при которых священники могли получить милость от королевской власти. Помимо безупречного благочестия и служения богу, настойчиво повторяется запрет сожительства с женщинами (что заставляет задуматься о реальном положении дел в церковной и монастырской среде). Священнослужитель, не замаравший себя в каких-либо проступках, получает весьма щедрое дарение — звание тэна, однако без возможности передачи его по наследству. Закон 7 на первый взгляд не связан с Церковью, однако крайне важен для распространения власти и авторитета христианства. Языческие порядки в области

семьи и брака продолжали сохраняться, к тому же постепенная интеграция в англосаксонский этнос скандинавов приводила к серьезным проблемам, связанным с их языческой ментальностью (при формальном христианстве). Запрещался инцест (на эту тему есть отдельный закон в светском разделе), брак более чем с одной женщиной, с вдовой, в том числе родича, брак с монашками. Судя по многочисленным отсылкам к целомудрию во всех фрагментах источника (например, церковные законы 23, 24), запреты такого рода оказывались, как правило, недостаточно эффективными [4, Р. 375].

Проблемы налогообложения крайне остро стояли как для Церкви, так и для государства (статья 8). Устанавливались три постоянных налога: налог на плуг, десятина и «плоды земли». Нарушитель, не вносивший вовремя платежа, карался крайне сурово: он был обязан заплатить двойную десятину (вернее, необходимо было заплатить девятую часть), и помимо этого, половину восьмой части, которую забирал епископ: «и пусть восьмая часть делится на два, и пусть землевладелец берет половину, половину епископ, будь это человек короля, будь это человек тэна». Помимо вышеуказанных налогов, был еще один, совершавшийся ко дню святого Петра (29 июня), являвшийся податью, которую местные церкви отправляли в Рим. Штраф составлял 31 пенни епископу и 120 шиллингов королю, что являлось огромной суммой для крестьянина. Кроме того, существовал нерегулярный налог зерном, штраф за неуплату которого также составлял 120 шиллингов (10). Кроме того, имелся налог на свечи: половина пенса с одной гайды, три раза в год. От налогов не были освобождены и тэны: они обязаны были отдавать церкви, находящейся на дарованной им территории, либо треть десятины, если же церковь была небольшой, то девятую часть и помогать материально (11). Помимо этого, при погребении умершего также выплачивалась определенная сумма [4, Р. 383].

Законы регламентировали также отправление основных христианских праздников, постов, богослужений, причем подчеркивался особый статус воскресенья (14). В этот день была запрещена

торговля, какие-либо собрания (за редким исключением), охота и другая работа (15). В дни церковных праздников запрещались ордалии и произнесение клятв, а также оплата штрафов и других платежей по решению судов (17). Разумеется, как и во многих других средневековых текстах, всячески подчеркивается необходимость мирян строго следовать христианским проповедям и жить воздержанно и смиренно. Обязательно упоминание жертвы Христа и последующее воздаяние за земные страдания на небесах. Христианин должен хранить клятвы и причащаться три раза в год (19), однако самое необходимое качество — это верность господину (20). Не забывала церковь и о просвещении мирян: в законах Кнута звучит призыв к образованию, к пониманию основ религии и знания основных молитв, главной из которых является Отче наш (22). Главное, к чему должен стремиться человек — готовиться к Страшному суду, осознавать свою греховную природу и неминуемость наказания за все грехи (25).

Церковные законы завершаются анализом духовной роли епископов (26). Она заключается в поддержании и укреплении своей паствы и защите ее от происков нечистого.

Отсылки к христианству и Церкви, в той или иной форме, встречаются почти в каждом законе светской части законов Кнута Великого. В частности, закон 2 оговаривает сострадание правосудия к христианину, закон 3 упоминает о недопустимости возрождения язычества в народной среде. Колдуньи, ворожеи, предсказатели объявлялись вне закона и не могли находиться в обществе — их надлежало либо изгонять, либо убивать (4). Отдельный закон был посвящен языческим обрядам, где давалась подробная классификация тех действий, который подпадали под эту категорию (5). В очередной раз светские законы напоминали, что преступления должны наказываться более сурово, если они были совершены в церковные праздники, штрафы должны платиться вовремя, в особенности знатными людьми (38).

Поскольку светские законы в массе своей имели уголовную природу, то преступления, связанные с нанесением вреда церкви,

оказались в сфере внимания законника. В частности, убийство священника (в тексте сказано «служитель алтаря», возможно, имелся в виду нижний чин либо представитель духовенства вообще) наказывался очень сурово: изгнание из рода и из страны, либо длительная процедура очищения, для которой необходимо количество поручителей, равное вергельду. Даже в том случае, если очищение происходило успешно, необходимо было также заплатить штраф (39). Если кто-либо наносил священнослужителю побои, ему необходимо заплатить штраф церкви (епископу) и королю (42) [4, Р. 401]. Помимо этого предусматривались телесное наказание, плата в размере вергельда и конфискация всего имущества (по-видимому, градация наказаний зависела от сана священника) (50). Законы предусматривают и обратную ситуацию: священники того времени могли и сами представлять угрозу для окружающих, убийцы и другого рода преступники встречались и в их среде. В этих случаях наказания отличались суровостью: изгнание и ссылка по указанию Папы, либо уплата штрафа и тройное очищение. Если же ни то, ни другое не исполнялось, такой человек объявлялся вне закона и подлежал смертной казни. Во время судебного разбирательства преступник должен был находиться под стражей под наблюдением епископа (41, 43). Если преступник бежал из церкви и был схвачен, он должен был заплатить штраф в размере своего вергельда (67).

Законы вводили ответственность за несоблюдение норм христианской морали, неисполнения обрядов. Строго наказывалось несоблюдение праздников и постов. В праздничные дни запрещалось работать и свободным, и рабам, а также совершать казнь над преступником. За нарушение поста выплачивалась, по всей вероятности, денежная компенсация, за нарушение Великого поста требовалась двойная компенсация, раб расплачивался за это преступление своей жизнью. Законы о запрете прелюбодеяния и инцеста, сожительства с любовницей появились только благодаря церковным установлениям на этот счет (51, 52, 55).

Законы фиксировали статус короля, согласно которому он являлся верховным судьей и исполнителем правосудия, право на

которое ему дано непосредственно от Бога (69). Законы Кнута заканчиваются пространным рассуждением о благочестии и необходимости вести праведную жизнь, дабы спастись от мук, приготовленных грешникам в аду (85) [4, Р. 425].

Таким образом, значительная часть законов Кнута Великого была направлена на защиту и обеспечение интересов Церкви. Важно отметить, что королевский законник пытается регулировать жизнь самой общины священнослужителей. Из общего числа законов — 111 — к Церкви, так или иначе, (включая установления об отношениях между полами) относятся 40, однако эта цифра приблизительна, поскольку христианская доктрина и этика пронизывали все сферы жизни средневекового общества, так же, как и этот памятник средневекового права.

Это обстоятельство было, по-видимому, связано с тем, что Кнут рассматривал церковь как важнейшую опору утверждения своей власти в Англии.

Помимо этого, свою роль сыграло также то обстоятельство, что в условиях неразвитости институтов государственной власти в раннесредневековом обществе Церковь выполняла целый ряд жизненно важных функций регулирования общественных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глебов А. Г. Англия в раннее средневековье. СПб., 2007.
2. Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви. II, 50: school. 38 / пер. Л. В. Разумовской // Славянские хроники. М., 2011.
3. Larson L. M. Canute the Great, 995–1035. NY; L., 1912.
4. Ancient laws and institutes of England. L., 1840. P. 358–425.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ВАЛЛИЙСКОЙ МАРКИ

Марки как пограничные военно-административные территории были характерны для эпохи Средних веков: в период правления Карла Великого существовали Испанская, Бретонская, Датская, Восточная марки. Они представляли собой буферные области, которые создавались после завоеваний для охраны границ и колонизации земель, принадлежавших соседним народам. На острове Британия марки также были созданы на пограничных с кельтским населением территориях, однако, самой первой из них была образована Валлийская Марка.

До нормандского завоевания западные границы Англии постоянно подвергались нападениям со стороны крупных валлийских государственных образований: Дехайбарта, Поуиса, Гвинеда. Ситуация в пограничном регионе оставалась нестабильной и после завоевания Англии в 1066 г. [1, Р. 14], поэтому для укрепления позиций норманнов в данной области Вильгельм Завоеватель пожаловал владения на границе с Уэльсом трем лордам: графом Херефорда стал Уильям Фицосберн, графом Шрусбери — Роджер Монтгомери, графом Честера — Гуго д'Аванш. Подобное разграничение трех сфер влияния позволяет условно разделять Марку на Северную (с центром в Честере), Центральную (с центром в Шрусбери) и Южную Марки (с центром в Херефорде) [2, Р. 45-60]. Кроме того, после ее создания произошло деление Уэльса на три части — Исконный Уэльс (находившийся под властью валлийских династий), Коронный Уэльс (земли, принадлежавшие английской короне) и земли Марки, которые стали управляться англо-нормандскими лордами [3].

Каждый из лордов был наделен большим и компактно расположенным владением, в отличие от земель других англо-нормандских лордов, что позволяло им создавать плацдармы для защиты приграничных территорий и будущих завоеваний валлийских земель, в том числе и при помощи многочисленных вассалов. При этом влиятельные лорды Марки, обладая особыми правами на завоевание территорий Исконного Уэльса, вели военные действия по собственному почину чаще, чем по приказу короля [4, Р. 63].

Деятельность лордов Марки и их вассалов как на начальном этапе ее создания, так и впоследствии, в первую очередь была связана со строительством замков на пограничных территориях для создания системы защиты этих земель от валлийцев. На юге был реконструирован разрушенный прежде Эвиас Харольд, построены замки в Клиффорде, Монмуте, Уигморе, Чипстоу, в центральной части Марки был возведен замок Монтгомери, на севере — замок Честер [5, Р. 273].

Избегая чрезмерного усиления лордов Марки Вильгельм I в 1081 г. принял оммаж Риса ап Тюдора, правителя области Дехайбарт, и создал своеобразный баланс сил, который позволял удерживать и валлийцев, и лордов Марки от решающего столкновения. Вероятно, по этой причине он сохранил независимость валлийским государственным образованиям Морганнуг, Гвинллуг и Брихейниог, которые служили «буферными» территориями [6, Р. 79-80]. Сохранению установленного Вильгельмом I порядка способствовала несколько условий: безоговорочная преданность вассалов и наделение лордов Марки привилегиями, связанными непосредственно с военным характером их службы на границе. К тому же, соблюдение такого порядка обеспечивалось авторитетом самого Вильгельма I.

Активная экспансия вглубь валлийских земель началась после смерти Вильгельма I: первым валлийским владением, попавшим под власть норманнов, стал Брихейниог в 1093 г., захваченный Бернардом де Нефмарше. После завоевания Нефмарше не просто раздавал земли своим вассалам-норманнам, но и старался привлечь на свою

сторону некоторых валлийских правителей. В результате в этих владениях, как и в остальных землях лордов Марки впоследствии, стали соседствовать и взаимодействовать две социокультуры со своим особым экономическим устройством: валлийская и нормандская. На нормандской, восточной части Марки, классическим устройством хозяйства стала триада замка, монастыря и города [7, Р. 209]. Норманизация региона была ограничена долинами, пригодными для земледелия, где подобные триады и маноры формировали экономическую основу общества. Гористая местность на западе, где валлийцы по-прежнему могли заниматься скотоводством, находилась под управлением вассалов из числа валлийской знати [4, Р. 65]. Таким образом, формировалось основание для расширения сферы нормандского влияния в горных районах либо силой оружия, либо путем смешения с кельтским населением и его колонизации.

Лорды Марки обладали обширными привилегиями, которые были связаны статусом ее земель, формально не входивших в состав Английского королевства. Однако бароны на протяжении всей истории Марки оставались держателями земли от английской короны (пусть и с минимальными вассальными обязанностями). Поэтому король, чьи указы (*writ*) не действовали на территории Марки, все же имел возможность вмешиваться во внутреннюю политику и устройство Марки. Инструментом влияния и способом изменения географии Марки стала конфискация земель за участие в восстаниях, которые поднимались довольно часто; более того, английский король использовал династические браки и иногда в своих интересах вмешивался в порядок наследования владений Марки, чтобы изменять расстановку сил на ее территории.

Однако, несмотря на данные исключения, лорды Марки представляли собой самостоятельную политическую силу, влиявшую на политическую обстановку как в Уэльсе, так и в Англии. Показательный пример взаимодействия и противопоставления сил Уэльса, Валлийской Марки и английской короны можно увидеть в начале XIII в., когда на политической арене Уэльса появилась фигура

Лливелина Великого, который сумел создать противовес силе лордов Марки. Он продолжал сохранять дружественные отношения с Иоанном Безземельным до тех пор, пока не заключил союз с выступившим против короля лордом Марки Уильямом де Браозом. Впоследствии Лливелин аб Йорверт вместе с лордами Марки принял участие в восстании против короля, завершившееся подписанием Великой Хартии Вольностей в 1215 г. Именно в этом документе (п. 56) впервые за полтора века существования Марки официально закрепляется ее исключительный статус, особая юрисдикция и наличие собственного права, отличного от английского и валлийского — Обычай Марки [8, Р. 36].

Наличие в землях Марки обособленного права — Обычай Марки — как системы правовых обычаев, норм и прецедентов напрямую зависело от политико-правового статуса ее лордов. Обычай Марки, «сохраняемый в памяти», никогда не являлся *jus scriptum*: отсутствуют как официальные, так и неофициальные сборники и записи материальных и процессуальных норм, составлявших Обычай Марки. В то же время, существуют два вида источников, позволяющих частично восстановить содержание права Марки и составить общее представление о нем. К первому виду относятся записи о пожалованных населению графства привилегиях и свободах, а также отдельные решения лордов Марки по различным вопросам правоприменения. Вторую группу источников составляют судебные решения приграничных графств.

На основе судебных решений графства Даффрин Клуид [9] и нормативных актов лордов Марки можно сделать вывод о том, что Обычай Марки являлся своеобразным синтезом нормандских, валлийских и английских правовых норм. Нормандское право оказывало как прямое, так и косвенное влияние на развитие Обычая Марки. Прямое воздействие было связано с заимствованием правовых норм нормандского общества, как это происходило с правом нормандского города Брейтеля в XI–XII вв., которое было впервые установлено в Херефорде Фицосберном, правителем сеньории

Брейтель в Нормандии [10, Р. 173], а затем стало распространенным образцом городского права и в других городах Марки.

Косвенное влияние нормандского права на формирование Обычая Марки связано с заимствованием элементов кутюмно-го права, господствовавшего на Севере Франции: Обычай Марки был неписанным сводом обычаев, хранителями которого выступали лорд Марки, судебные прецеденты и народная память. Кроме того, Обычай Марки сложно рассматривать как единую правовую систему — это была совокупность разнородных обычаев и прецедентов каждой области.

После смерти Вильгельма I и начала активной колонизации земель Уэльса лордами Марки, в их владениях стало происходить взаимодействие валлийского и нормандского обществ, что, безусловно, сказалось на развитии Обычая Марки. Исконный Уэльс, в отличие от приграничных владений англо-нормандских лордов, обладал уже сформированной и более совершенной системой права, основанной на Законе Хауэла Доброго [11]. Кроме того, сохранение самоуправления на валлийских территориях в составе Марки в некоторых случаях было связано и с дозволением использования валлийского права при разрешении дел, участниками которых выступали валлийцы, проживающие в данных землях.

В свою очередь, английское право также оказало влияние на развитие Обычая Марки. Лорды Марки являлись держателями земель от Короны, а их судебные чиновники зачастую имели значительный опыт работы в английских судах. Поэтому представляется вполне логичным тот факт, что к XIV в. процедура принятия решения по наиболее распространенным видам дел мало чем отличалась от судебного процесса в Англии.

Таким образом, Валлийская Марка представляла собой характерный для Средневековья феномен: милитаризированная зона с устойчивым феодальным устройством общества, границы которой постоянно изменялись, она не входила в состав Англии и имела особый политико-правовой статус. Валлийской Марке были присущи

такие процессы, как норманизация, активная субинфеодация и постепенная колонизация бывших валлийских земель, что в итоге приведет к формированию на приграничных территориях особой камбро-норманнской социальной культуры. Подобный генезис двух укладов общества отразится впоследствии на системе управления и на правовой сфере, причем как во владениях нормандских лордов, так и в самом Уэльсе. После завоевания Уэльса в 1282 г. и издания Хритланского статута в 1284 г. [12, Р. 2-27], определившего новый статус и устройство Уэльса, Марка постепенно утрачивает свое значение в качестве буферной территории между валлийскими территориями и Англией. Однако привилегии лордов Марки и, как следствие, особое политико-правовое положение самой Марки, не претерпевает значительных изменений вплоть до правления Генриха VIII, упразднившего исключительный статус данной территории. Согласно изданному им *Act of Union* 1535 г. [12, Р. 75-93], земли Марки были включены в состав новых валлийских графств, Обычай Марки перестал действовать, и был заменен нормами английского права, а лорды Марки утратили соответствующие их исключительному военному статусу привилегии. Упразднение Марки было связано с утратой необходимости в ее военной функции, кроме того, *Act of Union* отразил отмирание Марки, которой уже не было места в условиях создания национального государства в эпоху Нового времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Williams A. The English and the Norman Conquest. Woodbridge, 1997.
2. Edwards O. M. The Story of Nation. Wales. L., 1912.
3. Кобрин К. Р. Политический XI в. в Уэльсе (1039-1100). [Электронный ресурс]. URL: http://www.cymraeg.ru/unfed_canrif_ar_ddeg.html (последнее обращение: 07.10.2015).
4. Le Patourel J. The Norman Empire. Oxford, 1976.
5. Darby H. C. The Marches of Wales in 1086 // Transactions of the Institute of British Geographers. New Series, vol. 11, № 3. 1986. P. 259-278.
6. Nelson L. H. The Normans in South Wales, 1070-1171. University of Texas Press, 1966.

7. *Holden B. W.* The Making of the Middle March of Wales // *Welsh History Review*. 2000. Vol. 20. №2. P. 207-226.
8. *Chartes des libertés anglaises (1100-1305)* / ed. by C. Bémont. Paris, 1892.
9. *The Court Rolls of the Lordship of Ruthin or Dyffryn-Clwydd of the Reign of King Edward the First* / trans. and ed. by R. A. Roberts. L., 1893.
10. *Bartlett R.* The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change 950–1350. L., 2003.
11. *The Ancient Laws of Cambria* // trans. by W. Probert. L., 1823.
12. *The Statutes of Wales* // Coll. and arr. by I. Bowen. L., 1908.

**ФУНКЦИИ ДЬЯВОЛА В ТРАКТАТЕ
БАРТОЛО ДА САССОФЕРРАТО
«PROCESSUS SATANAE CONTRA GENUS HUMANUM»**

Трактат «Processus satanae contra genus humanum», авторство которого приписывается знаменитому юристу и профессору права университетов Пизы и Перуджи Бартоло да Сассоферрато, является интересным культурным явлением позднего Средневековья. Сам трактат был издан в Лейпциге около 1495 г. Долгое время данному тексту не придавалось практически никакого значения, он удостоился лишь краткого упоминания в работах П. Г. Виноградова и Карла фон Савиньи. Но уже к концу XX в. исследователи начинают проявлять интерес к этой небольшой работе, появившейся на стыке богословия, права и художественной литературы. Особенно интересным представляется нам образ дьявола как участника небесного суда, прекрасно разбирающегося в праве и богословии и требующего возвращения своих прав перед лицом самого Христа.

Сюжет данного трактата относится к так называемым текстам *Satanprozesse*, которые исследовательница Кармен Карделль де Хартманн характеризует как корпус текстов на схожую тему, получивших распространение на территории Европы в XII–XVI вв. [1, S. 233]. Сюжетную структуру *Satanprozesse* можно назвать сквозной, проявляющейся в различных текстах развитого Средневековья, которые, тем не менее, отличаются друг от друга участниками и местом действия, причинами, по которым авторы пользовались данной формой. Работы круга *Satanprozesse* обычно повествуют о ходе небесного суда (который в некоторых случаях переносится в Иерусалим) между дьяволом и человечеством перед лицом Бога-Отца, Иисуса

Христа или царя Соломона. Защитником человеческого рода является Дева Мария или сам Христос. Дьявол и его демоны ведут тяжбу за возвращение им права на обладание всем человечеством, но проигрывают дело. Ключевым моментом здесь является юридическая сторона спора, где и ответчик, и истец ссылаются не только на Священное Писание, но и на положения римского и канонического права.

Впервые оформленный образ дьявола как оппонента Бога появляется, по мнению исследователя Филипа Алмонда, в книге Иова, относящейся к периоду V–IV вв. до н.э. [2, Р. 49]. Здесь Сатана все еще предстает как слуга Бога, на которого по Божьему дозволению переносятся функции испытания и искушения человек, но при этом он всеми силами пытается доказать, что Иов слаб духом и не может назваться праведным человеком. В своем исследовании «The Devil: A New Biography» Алмонд указывает на интересную гипотезу, которую он называет «ransom theory» [2, Р. 93], что можно перевести как «теория уплаты; выкупа» или «теория уплаты недолжного». Отношения Бога с дьяволом уже к IV в. до н.э. приобретают новый оттенок. В этот момент и появляется так называемая «теория уплаты недолжного», которая позже разрабатывается в частности в трудах отцов Церкви, св. Иереней, Аврелия Августина, Григория Великого. Интересным будет отметить, что некоторые из авторов обладали и юридическим образованием, что, несомненно, отразилось на их богословских изысканиях на данную тему. «Теория уплаты недолжного» рассматривает фигуру дьявола с юридической точки зрения как обладателя Древнего права (*jus antiquum*) [3, С. 317]. Грехопадение расценивается здесь как добровольное заключение сделки между сатаной в образе змия и человеческим родом, по собственной воле поддавшемуся искушению. Таким образом, человечество становится должником дьявола, который с этого момента и является обладателем Древнего права. Христос, неотягченный первородным грехом и, как следствие, не являющийся должником Сатаны, добровольно идет на страдания и казнь, тем самым уплачивая то, чего он лично

не был должен (*condictio indebiti*). Дьявол же, вместо того, чтобы отказать от не причитающейся ему платы, забирает жизнь Христа, теряя при этом право требовать то, что принадлежит ему по обязательству. Более того, теперь сам дьявол становится должником Христа и по закону должен уплатить свой долг, что отражается в акте сошествия Христа во Ад и спасения Адама и Евы, а также всех праведников, живших до Христа. Именно об этом пишет Августин в XIII книге XIV главе своего трактата «О Троице»: «...справедливо, что те, кого он [дьявол] удерживал как должников, должны освободиться верою в Того, Кого он убил без всякого долгу. ... И отсюда Он переходит к страстям [Своим] затем, чтобы Он мог искупить ради нас, должников, то, чего Он не был должен» [4, С. 301].

Тему «теории уплаты недолжного» развивает и рассматриваемый нами трактат. Но прежде чем приступить к его анализу, стоит рассмотреть исторический контекст возникновения данного текста. Текст «Processus satanae» связан, как мы уже указывали ранее, с предыдущей традицией *Satanprozesse*. Сам трактат появляется в период с 1313/4–1357 гг. — в годы жизни своего предполагаемого создателя Бартоло да Сассоферрато. Ему предшествуют несколько типов текстов *Satanprozesse*, о которых в частности упоминает де Хартманн. Среди них мы можем указать следующие: «Dialogus Innocenti inter Deum et peccatorem» (авторство приписывается папе Иннокентию III; 1160–1216), «Processus diaboli contra genus humanum» (1262), «Advocacia beatae Mariae virginis contra diabolum pro genere humano» (Guido de Collemedio, 1296). Традиция не прерывается на тексте Бартоло, но в дальнейшем развивается в текстах «Il Liber Belial» (Якопо Террамский, 1349–1417) и «Tractatus quaestionis ventilatae coram domino nostro Jesu Christo» (1473). Более того, тексты *Satanprozesse* активно переиздаются вплоть до XVI в., включаются в различные сборники, что происходит и с рассматриваемым нами трактатом, который в 1611 г. становится частью сборника под названием «Processus joco-serioux» [5, P. 272].

Время развития традиции *Satanprozesse* и в частности «Processus satanae» приходится на период сильных потрясений как в духовной,

так и в политической жизни Европы. XIV в., во время которого и был создан текст трактата, отмечен дальнейшим развитием и распространением еретических движений на территории Италии. В частности растет число «апостольских братьев» — еретиков, проповедовавших идеалы апостольской церкви, бедной жизни и бедности самого Христа и его апостолов. Глава секты, брату Дольчину, удалось поднять на восстание против Церкви и правительства широкие круги крестьянства. Крестьянские волнения затрагивают весь регион северной и центральной Италии. На XIV в. приходится и события первого периода Великой Схизмы, т. е. раскола внутри католической Церкви в 1378–1417 гг. В связи со смертью в 1378 г. Папы Григория XI, вернувшего папский престол из Авиньона в Рим, между французскими и итальянскими кардиналами разгорелся спор о назначении нового Папы. Не придя к соглашению, стороны избрали двух разных Пап — итальянца, чей престол остался в Риме, и француза, перенесшего престол в Авиньон и названного противниками Антипапой. Немного позже при неудачной попытке примирения сторон на соборе в 1409 г. в Европе появляется еще один Папа, чей престол был расположен в Пизе. С событиями Великой Схизмы также связано становление соборного движения в Европе: появляется идея о том, что Папа не является абсолютным главой всего христианского мира и принимать решения должна лишь Церковь в целом, представленная Вселенским собором. Именно на таком соборе, длившемся в период с 1414 по 1418 гг. в Базеле и Констанце, был избран новый Папа Мартин IV, получивший всеобщее признание.

Приняв во внимание все вышеперечисленные события, обратимся к возможным интерпретациям образа дьявола в тексте «*Processus satanae contra genus humanum*». Первой интерпретацией является гипотеза Беатриче Пашутты, которая считает, что данный текст описывает идеальный судебный процесс, в котором принимают участие абсолютно добрые и абсолютно злые стороны [6, Р. 432]. С такой трактовкой связано представление средневековых богословов и юристов о первенстве справедливости (*aequitas*), исходящей

от Бога, без которой правосудие (*iustitia*) не имеет силы. Дьявол выступает как знаток юриспруденции, апеллируя исключительно к силам правосудия: он приводит множество цитат из римского и канонического права. В то же время Христос и Мария действуют, прежде всего, согласно справедливости, являющейся духом закона, наполняющей его смыслом. В поддержку такой гипотезы мы вновь можем привести цитату из трактата Августина «О Троице»: «Итак, Он победил дьявола сначала праведностью, а затем властью, а именно: праведностью — потому что не имел никакого греха, но был убит им несправедливейшим образом, властью же — потому что Он, умерши, вновь ожил, дабы уже никогда не умереть (Рим., VI, 9)» [4, С. 302]. Таким образом, дьявол становится антигероем, чье поведение в суде обречено на поражение.

Другой интерпретацией, непосредственно связанной с первой, является теория Франческо Мастроберти и Стефано Винчи. Исследователи предполагают, что за образами Христа и дьявола скрываются Папа и Антипапа соответственно, а прообразом места проведения небесного суда является Рим [7, P.1]. Эта теория также опирается на разделение понятий *aequitas* и *iustitia*: в то время как Папа был избран не просто по праву, а по высшей справедливости, Антипапа, хоть и был законно посажен на престол, не имел благословения. Таким образом, Антипапа, как и дьявол, действует согласно букве закона, но его решения пусты, т.к. не соотносятся с высшей справедливостью.

Третья интерпретация также принадлежит Франческо Мастроберти [7, P. 2]. Текст «*Processus satanae contra genus humanum*» мог использоваться в качестве учебного пособия в университетах на юридических факультетах, либо при обучении инквизиторов искусству проведения судебного процесса, ведь, как мы помним, момент создания трактата приходится на момент разгара еретических движений. Дьявол в этой интерпретации выполняет функцию примера поведения истца в суде. Именно от него исходит претензия, он подает ее на рассмотрение в установленном порядке, привлекает

заместителя в суде (*procurator nequitie infernalis*), который избирает определенную стратегию ведения спора.

Фигура дьявола в трактате «*Processus satanae contra genus humanum*» содержит множество отсылок к историческим и культурным реалиям Италии XIV в. Персонаж сквозного сюжета *Satanprozesse* воплотился в данном тексте в комплексный образ, за которым может стоять большое число разных, но не исключающих друг друга интерпретаций. Именно дьявол является главным катализатором процесса, решающего судьбу всего человеческого рода, и, хотя терпит поражение, является активным участником суда, вступая в открытую конфронтацию с Иисусом Христом и Девой Марией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cardelle de Hartmann C.* Die 'Processus Satanae' und die Tradition der Satansprozesse // *Mittellateinisches Jahrbuch*. Band 40, Stuttgart, 2005.
2. *Almond P. C.* The Devil: A New Biography. L., 2014.
3. *Махов А. Е.* Hostis antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М., 2006.
4. *Августин А.* О Троице // Серия «Патристика. Тексты и исследования». Краснодар, 2004.
5. *Jacquin R.* Le « Procès de Satan », in Bartolo da Sassoferrato: studi e documenti per il VI centenario, Vol. 2. Milano, 1962.
6. *Pasciuta B.* Il diavolo e il diritto: il Processus Satanae (XIV sec.) // Il diavolo nel medioevo. Atti del 49° Convegno storico internazionale. Spoleto, 2013.
7. *Mastroberti F.* The Liber Belial: an European work between law and theology. Introductory notes for an ongoing research project // *Historia et ius*. Vol. 1, paper 1, 2012. [Электронный ресурс]. URL: www.historiaetius.eu (последнее обращение: 15.09.2015).

III.

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА
И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

ВОПРОС О ДОБРОДЕТЕЛИ В ТРАКТАТЕ СВ. МАРТИНА БРАГСКОГО «FORMULA VITAE HONESTAE»

Добродетель как фундаментальная философско-богословская категория, обозначающая ценностно-значимый аспект духовно-нравственного совершенства человека [1, С. 473], являлась одним из ключевых объектов осмысления для церковных авторов раннего периода христианской истории.

Святой Мартин, епископ Браги, являлся видным христианским мыслителем VI в. В сферу его церковного влияния входила территория Свевского королевства, где в середине VI в. с доброй руки короля Хариариха, произошел переход от арианского вероисповедания к ортодоксальному [2, С. 91]. Став духовным наставником его последователя, короля Миро, Мартин написал нравоучительный трактат «Formula Vitae Honestae» [3], адресуемый своему правителю.

Известно, что вопрос об образе добродетели имеет многовековую традицию. Зародившись в сочинениях ранних греческих мыслителей, он обретает отчетливую форму в трудах Платона и Аристотеля [4, С. 199-224] и далее — у римских философов, особенно в сочинениях Цицерона (Цицерон «Об обязанностях» I) и Сенеки (Сенека «Нравственные письма к Луцилию»).

Христианские писатели II–V вв. также довольно часто обращались к рассмотрению вопроса добродетели. Среди наиболее известных концепций можно отметить идеи раннехристианских авторов: Феофила Антиохийского (Феофил Антиохийский «К Автолику» III, 15), Лактанция (Лактанций «Божественные установления» V, 5, 15–16), Ипполита Римского [1, С. 478], богослова Александрийской школы Климента Александрийского (Климент Александрийский

«Строматы» I, 20; VII, 3), учителей Церкви эпохи первых Вселенских Соборов: Василия Великого (Василий Великий «Письма к разным лицам» 2), Григория Богослова (Григорий Богослов «Слова» 27. 8), Григория Нисского (Григорий Нисский «О надписании псалмов» 2. 4; «Против Евномия»), Амвросия Медиоланского (Амвросий Медиоланский «Об обязанностях священнослужителей I 24-25, 27, 36, 39), Августина Аврелия (Аврелий Августин «О 83-х различных вопросах» 31) и других.

Вероятно, будучи знакомым с трудами упомянутых авторов, епископ Мартин строит свою концепцию добродетели, выделяя четыре ее основные составляющие: благоразумие — *prudencia*, мужество — *magnanimitas*, самообладание — *continentia*, и справедливость — *iustitia* (Martinus Bracarenis. «Formula vitae honestae» 1). Следуя аристотелевской традиции, воспринятой, в частности Григорием Нисским [5, С. 321-323], Мартин строит свою теорию на идее добродетели как «середины» между двумя пороками, например, мужество — это одновременно не безрассудство и не страх, а способность смотреть в глаза опасности и действовать бесстрашно (Ibid. 3). Что касается вопроса выделения главной составляющей добродетели, Мартин выдвигает на первое место справедливость (Ibid. 5). Интересно, что Мартин делает акцент на концепции договора между Богом и человеком (в данном случае, королем). Этот договор служит гарантией соблюдения справедливости в земной жизни последнего (Ibid. 5).

Отличие концепции Мартина от идей его предшественников связано с особенностью адресата, к которому направлено сочинение. Заметим, что интересующее нас время середина VI в. — это эпоха формирования варварских королевств, складывания облика новой христианской Европы, период частых войн за территории, а также дипломатических миссий. Поэтому задачей Мартина было не просто донести до Мира свои рассуждения о вопросах нравственности, а дать ему более-менее четкую «инструкцию» поведения в ведении государственных дел, проведении официальных приемов,

решении острых межгосударственных вопросов, приемлемую для правителя, желающего не только приобщиться к христианским ценностям, но и получить признание у лидеров обновленной Европы. Этим обусловлен более «светский», государственнонаправленный, монархоориентированный характер наставления, с употреблением адекватных тому примеров и иллюстраций на то или иное свойство добродетели. Так, в качестве примера для добродетели умеренности он говорит о сдержанности в еде и эмоциях во время пира (Ibid. 4), мужество характеризует способностью представлять перед своим врагом лицом, а не заниматься уловками и обманом (Ibid. 3), благо-разумие связывает с необходимостью тщательно обдумывать свои планы на будущее, со вниманием относиться к поступающей к ко-ролю информации (Ibid. 2).

Таким образом, мы можем видеть, что в середине VI в. благо-даря деятельности Мартина Брагского продолжает формироваться христианская концепция добродетели. Оставаясь, в первую оче-редь, ориентированной на основы религиозной морали, она приоб-ретает новый оттенок, связанный с формированием образа добро-детельного христианского монарха.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фокин А. Р., архим. Платон (Игумнов). Добродетель // Православная энциклопедия. Т. XV. М., 2007.
2. Исидор Севильский. История готов, вандалов и севов // Циркин Ю. Б. Античные и средневековые источники по истории Испании. СПб., 2006.
3. *Martinus Bracaraensis*. Formula vitae honestae // Martini Episcopi Bracaraensis Opera Omnia / ed. C. W. Barlow. New Haven, 1950. Электронная версия доступна: http://www.intratext.com/IXT/LAT0990/_IDX003.HTM (последнее обращение: 19.09.2015).
4. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М.; Екатеринбург, 2000.
5. Григорий Нисский. Творения. Ч. 7. М., 1865.

**ВОПРОС БОГОПОЗНАНИЯ
В ТРАКТАТЕ «О РАЕ» НИКИТЫ СТИФАТА:
ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ ЧЕРЕЗ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА**

В данной статье речь пойдет о Никите Стифате, теологе X в., ученике Симеона Нового Богослова, который, в отличие от своего знаменитого учителя, большой славы себе не стяжал. В истории богословской литературы его труды также не особо известны. Есть точка зрения, утверждающая, что причиной этого является сложность и невнятность его языка, которая отталкивает от него исследователей (В. Грюмель) [1, Р. 138-139]. Есть и другой взгляд, согласно которому Никита не создал ничего нового и оригинального и потому совершенно справедливо занимает место в ряду второстепенных, малоизученных богословов (А. Орбе) [2, Р. 798].

Пожалуй, текст трактата «О рае», которому посвящена эта статья, действительно сложно назвать понятным. Он изобилует очень размытыми формулировками, которые Никита не считает нужным прояснять. В свою очередь, для того, чтобы это сделать — необходимо обратиться к богословской традиции, в рамках которой трактат создавался. Реконструкция историко-богословского контекста может дать ключ к пониманию этого трактата и выявить те концепции, которые его автор по той или иной причине не формулировал достаточно четко.

Итак, в трактате прослеживается три тематических пласта, в рамках которых разворачивается значительная часть размышлений Никиты: строение небес, иерархия небесных сил и путь человека к Богу. Эти три «слоя» текста структурно взаимосвязаны друг с другом и обращение к их отдельным элементам достраивает общую

картину трактата. Далее я попытаюсь показать это на примере вопроса о пути человека к обожению (θέωσις).

Физическое строение небес.

В этом аспекте Стифат обнаруживает множество параллелей с взглядами Иоанна Дамаскина, в частности, отраженными в его труде «Точное изложение православной веры». В главе «О небе» Иоанн, по сути, представляет обзор всех известных на момент ее написания астрономических теорий.

Явно отсылая к Аристотелю, Дамаскин пишет о том, что, по мнению некоторых, небо состоит из четырех стихий, которые распределяются по высоте согласно своей тяжести. Дамаскин приводит точку зрения, согласно которой «легкие и подвижные тела получили от Творца место в самом верху, тела же тяжелые и стремящиеся книзу — в самом низу» [3, С. 56]. Легче всех стихий огонь, ниже него — воздух, далее следует вода, в самом же низу располагается земля. Причем небо начинается только над эфиром, т. е. вся названная совокупность стихий (земля, вода, воздух, огонь) — простирается под небесами.

Помимо этого, Дамаскин упоминает о том, что небо, согласно некоторым представлениям, имеет семь поясов. Они состоят из «легкого вещества, наподобие дыма», и в каждом из них находится одна из «планет»: Солнце, Луна, Юпитер, Меркурий, Марс, Венера, Сатурн [3, С. 57]. Такое представление о семи небесах является довольно распространенным: его мы встречаем как у иудеев и греков, так и у арабов и персов.

Иоанн также приводит другое представление о том, что такое небесная твердь: «Другие же, — пишет он, — вообразили себе, что небо — полушарие» [3, С. 57], шатра, основываясь, как он отмечает, на свидетельствах Давида (Пс.103:2) и Исаяи (Ис.40:22).

Для нас же большее значение имеет описание троичной структуры небес. Согласно Писанию, как говорит Иоанн, есть три неба: «Небо небесе, без сомнения, есть первое небо, находящееся поверх

тверди. Вот [уже] — два неба; ибо небом назвал Бог также и твердь (Быт. 1, 8). Божественному Писанию обычно также называть небом и воздух, потому что он — видим вверху. Ибо, говорит оно, *благословите, все птицы небесные* (Дан. 3, 80), разумея птиц воздуха. Ибо воздух — дорога птиц, а не небо. Вот три неба, о которых говорил божественный апостол (2 Кор. 12, 2)» [3, С. 57].

Здесь он отсылает к словам Павла, на которые обращает пристальное внимание и Никита в одном из своих писем, говоря о человеке, упомянутом апостолом, который «пройдя третье небо, был восхищен еще выше, туда, где находится Сам Бог, восседающий на престоле величия на высоте, и как бы степенью своей добродетели превзойдя достоинство самих Херувимов, образно говоря, он оказался пред престолом Святой и Непостижимой Троицы, куда, словно предшественник, взошел Христос, вознесший в жертву за нас Себя Самого, где находится мысленный, божественный и над-небесный жертвенник Бога» [4, Р. 271].

В этой цитате явное внимание на себя обращает то, что степень человеческой добродетели сравнивается с достоинством Херувимов. Что же, в таком случае, Стифат разумеет под добродетелью? Определяется ли ее «степень» по тем же критериям, что и ангельский чин?

Этот вопрос мне кажется очень важным, так как он напрямую касается положения человека в структуре его отношений с Богом. Не менее важно и то, что этот человек, о котором идет речь, прошел третье небо и миновал его, попал в некое иное сакральное пространство, куда взошел Христос. И здесь, конечно, идет отсылка к словам Христа, обращенным к разбойнику: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:43). Таким образом, над третьими небесами помещается не что иное, как рай. И, так или иначе, для реконструкции сакрального пространства трех небес, нам необходимо обратить пристальное внимание на астрономические представления, которым уже было уделено некоторое внимание.

Теперь же вернусь к определению добродетели. Если добродетель есть то, что ведет человека к Богу, если только самосовершенствованием человек может достигнуть обожения, то уподобление человеческой добродетели ангельской может быть одним из ключей к воссозданию представления об этом пути. Поэтому сейчас нам необходимо обратиться к тому, чем же является ангельская «добродетель», чтобы через это прояснить критерии добродетели человеческой.

Иерархия небесных «Умов»

Об ангельской иерархии речь идет в одноименном трактате Псевдо-Дионисия Ареопагита. Примечательно, что ангелов он называет «небесными Умами». В отличие от Никиты, Дионисий дает точные определения, что, в свою очередь, предоставляет возможность пролить свет на ряд формулировок Стифата. Одним из ключевых понятий для нас является ангельская иерархия, то есть критерии установления «степени добродетели» ангелов. Дионисий пишет: «Иерархия, по моему мнению, есть священная организация, знание и деятельность, воспринимающая, насколько это доступно, богообразия, и к являемым от Бога осияниям соразмерно для богоподражания возводимые» [5, С. 71]. Здесь следует сделать некоторое разъяснение. По Ареопагиту, иерархическая единица как таковая состоит из трех компонентов: чина, который определяет ее место в иерархии и суть ее внешняя символическая форма; знание, объем которого определяется чином; и деятельность — она, вкупе со знанием, суть содержание иерархической единицы. Кроме того, каждый из ангельских чинов в той или иной степени уподобляется Божественной красоте. Уподобление в данном контексте означает стремление к подражанию этой красоте.

Красоту же Ареопагит определяет следующим образом: «Сверхсущностное же Прекрасное называется Красотой потому, что от Него сообщается собственное для каждого очарование всему сущему; и потому, что оно — причина благоустройства и изящества

всего и наподобие света излучает всем Свои делающие красивыми преподания источаемого сияния; и потому что Оно всех к Себе привлекает (*καλοῦν*), отчего и называется красотой (*καλός*); и потому что Оно все во всем сводит в тождество» [5, С. 313]. Итак, красота понимается Дионисием как некая упорядоченная структура, устанавливающая тождество внутрлежащих элементов. В случае с небесной иерархией, символическое наполнение ее элементов должно раскрыть содержание этого тождества, а дальнейший анализ установить его объект.

Теперь же, наконец, приступим к рассмотрению небесной иерархии по Дионисию, или иерархии «небесных Умов». Свойства всех трех ангельских чинов кратко представлены в таблице.

Иерархия «небесных Умов»			
Первый чин	<i>Серафимы</i>	<i>Херувимы</i>	<i>Престолы</i>
	Обладают: — наибольшим знанием о Боге и способностью созерцания «Триипостасной красоты»; — наибольшей способностью к подражанию Богу; — «имеют ближайшее общение с Божественными и человеческими свойствами Христа»; — способностью к передаче своего знания, к научению других чинов		
Второй чин	<i>Господства</i>	<i>Силы</i>	<i>Власти</i>
	Обладают тем же, чем первый чин, только в меньшей степени		
Третий чин	<i>Начала</i>	<i>Архангелы</i>	<i>Ангелы</i>
	Обладают тем же, чем второй чин, только в меньшей степени, а также «начальствуют и заправляют сообразно священному порядку», т. е. несут в мир божественный порядок и следят за его исполнением		

Итак, основными критериями построения иерархии три:

1. Знание о Боге и способность к созерцанию Бога;
2. Способность к подражанию Богу;
3. Близость общения с Богом.

По сути, «небесные Умы» различаются лишь по степени обладания тем или иным качеством: чем ниже чин, тем, соответственно, в меньшей степени он им обладает. Надо сказать, что название «Ум», при всей его очевидности, нуждается в некотором комментарии. На мой взгляд, это обозначение является чрезвычайно удачным, наиболее полно отражая символическое значение ангельских чинов. Слово «Ум», безусловно, обращает внимание на интеллектуальное познание Бога ангельскими силами и их способности к деянию (πράξις) согласно этому знанию.

И хоть, например, Серафимы описываются как «пламенеющие любовью» ко Всевышнему, само слово «любовь» является метафорой интеллектуального устремления, страстного желанием познать Бога. Любовь к Богу — это любовь к знанию о правильном порядке и способность к созданию и сохранению этого порядка.

Тот же самый критерий мы увидим и в описании человеческой добродетели. Добродетельный человек стремится к Богу, желает познать его. Конечной целью этого познания является обожение человека, его слияние с Богом. Однако одного знания для этого недостаточно. Поэтому в качестве другого неотъемлемого элемента этого процесса выступает праксис, т. е. деятельность согласно божественному порядку в той мере, в какой он познан человеком.

Уподобление человека ангелу встречается также у Дамаскина в уже упомянутом «Точном изложении православной веры». «Ибо сотворивший нас Бог не желал, чтобы мы заботились и суетились относительно многого (Лк.10:41) ни того, чтобы мы пеклись и промышляли о своей жизни ..., и Бог желал, чтобы мы были ... бесстрастными ... еще же Он желал, чтобы мы были и свободными от забот, имеющими одно дело, дело Ангелов: неусыпно и непрестанно воспевать хвалы Творцу, и наслаждаться Его созерцанием, и на Него возлагать свою заботу» [3, С. 68].

Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что Дамаскин пишет об Эдеме, т. е. чувственном рае, том месте, где люди находились до грехопадения. И потому уподобление человека ангелу здесь дано ретроспективно. Если же мы говорим об уподоблении человека ангелу на его пути к обожению, то здесь это уподобление дано уже в перспективе. Однако в случае с «восхищенным» до третьего неба человеком — восхождение человека к Богу есть, по сути, его возвращение к состоянию, утраченному после изгнания из рая. И его путь к обожению есть, таким образом, возвращение в рай. Но не в рай чувственный, а в рай духовный, о котором не раз говорится в Евангелии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Grumel V.* Review: Chalendard (Marie), Nicétas Stéthatos: Le Paradis spirituel et autres textes annexes. Texte, traduction et commentaire // *Revue des études byzantines*. 1948. 6. 138–139.
2. *Orbe A.* Review: Nicétas Stéthatos. Opuscules et lettres, (SC 81) / by J. Darrouzès // *Gregorianum*. 1962. 43. 798.
3. *Преподобный Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры. М., 2003.
4. Nicétas Stéthatos, Opuscules et lettres, J. Darrouzès. Paris, 1961.
5. *Дионисий Ареопагит.* Сочинения. Максим Исповедник. Толкования. СПб., 2002.
6. *Golitzin Alexander, hieromonk.* Hierarchy versus anarchy? Dionysius Areopagite, Simeon the New Theologian, Nicetas Stethatos, and their common roots in ascetical tradition // *SVTQ* 1994. 38:2. 131–179.
7. *Grondijs L. H.* Der Heilige Geist in den Schriften des Niketas Stethatos // *BZ* 1958. 51. 329–354.

МОКРОПОЛОВА А. Д.
Казанский федеральный университет

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ХРИСТИАНСТВА В НОРВЕГИИ (ПО ДАННЫМ КОРОЛЕВСКИХ САГ)

Переход Скандинавских стран в новую религию обладал рядом особенностей, связанных с географическим и политическим положением этого региона. Географическая отдаленность этого региона от традиционных очагов распространения христианства предопределила достаточно позднее время начала процесса христианизации. Особенности внутренней и внешней политики, сложившиеся в Скандинавских странах в IX–XI вв., также имели определенное влияние на протекание процесса принятия христианства. Достаточно агрессивная внешняя политика, выражавшаяся в викингских походах, обусловила характер первых контактов с христианским миром. Внутривнутриполитическое положение, раздробленность страны, требовала объединения страны под властью одного конунга. Таким образом, к началу процесса принятия христианства в Норвегии сложился ряд условий, предопределивших характер этого процесса.

Проблемы и особенности процесса принятия христианства в Скандинавских странах не привлекают особого внимания отечественных историков. Среди работ, в которых затрагиваются те или иные аспекты христианизации Скандинавии можно отметить монографию В. В. Рыбакова «Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии» и труд Г. С. Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси», отдельная глава которой посвящена христианизации Скандинавии. Однако специальных работ, посвященных процессу введения христианства в Норвегии на данный момент в отечественной историографии нет. Таким образом, тема христианизации Норвегии, не являясь объектом при-

стального внимания историков, и обладая рядом интереснейших особенностей, на сегодняшний день сохраняет актуальность для исследователей.

Среди письменных источников, которые содержат сведения, касающиеся процесса принятия христианства в Норвегии, важнейшее место занимают королевские саги. По сравнению источниками западноевропейского происхождения, королевские саги имеют ряд преимуществ. Во-первых, сведения, относящиеся к христианизации Скандинавии более подробны. Во-вторых, они имеют скандинавское происхождение, давая взгляд «изнутри» на происходящие события. Ввиду этих особенностей королевские саги заслуживают большого внимания при изучении вопросов христианизации Скандинавских стран, и в особенности Норвегии. Поэтому задачей настоящей работы является попытка проследить процесс христианизации Норвегии согласно данным королевских саг.

Используя саги для исследования интересующего нас вопроса необходимо помнить об их специфике как исторического источника. Что же они представляют собой? Королевские саги являются одним из видов средневекового исландского литературного жанра — жанра саг. Они посвящены истории Норвегии в период зарождения единого государства. Своеобразие изложения в них исторических событий состоит в том, что повествование представляет собой хронологически выстроенное описание правления норвежских конунгов. Они охватывают историю Норвегии с IX по XIII вв. Описанию реальных событий и действительно существовавших правителей предшествует рассказ о легендарном прошлом страны и о происхождении норвежской династии правителей. До нашего времени королевские саги дошли в виде различных сборников и компиляций. Говоря о датировке королевских саг, можно отметить, что в их случае не возникает таких проблем, как с родовыми сагами. Исследователи королевских саг склонны датировать время их возникновения приблизительно 1120 г.: «Зарождение королевских саг легко датируется, ибо два сочинения (латиноязычное Сэмунда

и на древнеисландском языке — Ари) должны были возникнуть до самого раннего дошедшего до нас сочинения — «Книги об исландцах» Ари Торгильссона, — написанной в 1122–1132 гг.» [1, С. 11]. Следующим важным моментом в анализе исторического источника является вопрос о его авторстве. Здесь, также как и в случае с датировкой, не возникает никаких сложностей. Авторами королевских саг являются исландские клирики — священники и монахи.

Несмотря на всю достоверность информации о происхождении королевских саг, необходимо помнить о критичном отношении к ним. Важно соотносить время создания саг и время, о котором в них идет речь; важно также использовать информацию, предоставляемую сагами во всей ее полноте, не вычлняя отдельные сюжеты из общего контекста; наряду с сагами необходимо привлекать другие источники, как письменные, так и вещественные (данные археологии). Тем не менее, отказывать королевским сагам в статусе полноценного исторического источника было бы неверно.

Первая из саг, Сага о Харальде Прекрасноволосом, содержит важные сведения, по которым можно судить о том, что одним из источников проникновения идей христианства в Норвегию была Англия. В частности, один из отрывков саги свидетельствует о том, что сын конунга Харальда, Хакон, воспитывался при дворе английского короля Этельстана (Адальстейна по сагам), правившего в 925–939 гг. «...Хаук берет мальчика Хакона и сажает его на колени Адальстейну конунгу... — Харальд конунг просит тебя воспитать его сына от рабыни... Адальстейн велел крестить Хакона, обучить его правой вере, а также добрым нравам и куртуазному обращению... Он [Хакон] был хорошим христианином...» [2, С. 173]. По приведенному отрывку можно судить о том, что Англия являлась источником новых традиций и норм придворного поведения.

После смерти своего отца, Харальда Прекрасноволосого, Хакон стал наследником его трона. Вернувшись из Англии, он был одним из немногих приверженцев новой веры. «...Хакон конунг был хорошим христианином, когда он приехал в Норвегию. Но так как

вся страна была тогда языческой, и жертвоприношения в обычае, а в стране было много влиятельных людей, в поддержке которых, как и в любви всего народа, он очень нуждался, он решил скрывать свое христианство...» [2, С. 200]. Унаследовав власть, Хакон оказывается в затруднительном положении. Чтобы не потерять, а наоборот усилить свое влияние на знать и простое население, он вынужден был скрыть свою настоящую веру. Однако в то же время, он осознал, что христианство будет важным орудием в политической борьбе, и потому у него существовали определенные намерения относительно введения в стране новой веры: «...Он сделал законом, что йоль должен был начинаться в то же время, что и христианское рождество. Хакон рассчитывал ввести христианство, когда он настолько укрепится в стране, что подчинит ее себе всю. Пока он склонялся к христианству только тех, кто был ему всего ближе. Из дружбы к нему многие тогда крестились, а некоторые оставили и жертвоприношение...». Как видно из этого отрывка, в некоторых случаях конунг был вынужден действовать хитростью: после объединения даты празднования двух праздников — языческого праздника середины зимы и христианского рождества — все, кто тайно принял христианство, могли без препятствий соблюдать положенные обряды. Так же можно сделать вывод, что близкие конунгу люди, принявшие христианство, в то же время продолжали придерживаться языческих обычаев, среди которых — жертвоприношение.

В отличие от Хакона, Олав Трюгвасон (995–1000) проводил свою политику достаточно жесткими методами, действовал не только уговорами, но и угрозами, опираясь на военную поддержку своих соратников, уже принявших христианство: «...Он сказал, что хочет, чтобы они приняли христианство, и просил их об этом красивыми словами. Но в заключении он сказал, что те, кто будут противиться и не захотят подчиниться его влиянию, навлекут на себя его гнев и подвергнутся наказаниям и самым суровым мерам...» [2, С. 383].

Из саги становится понятно, что Олав крестил население Вика и Агдира. Затем направился в Трандхейм, однако встретил там

сильнейший отпор со стороны знати. «...Когда тинг начался, конунг обратился к народу, требуя принятия христианства. Но едва он начал говорить, как бонды закричали, чтобы он замолчал, грозя что в противном случае они нападут на него и прогонят прочь...» [2, С. 398]. На тот момент вопрос о крещении был отложен, т.к. конунг видел, что его войско уступает в численности войску бондов.

Саги, и в этом состоит их ценность как исторического источника, кроме описания событий, сопутствующих крещению страны, содержат так же некоторые сведения, касающиеся различных обрядов, появившихся в Норвегии с приходом христианства. Например, в саге об Олаве сыне Трюггви, описывается служба, которую епископ проводит на корабле по просьбе конунга, чтобы избавиться от непогоды. «...Сигурд епископ надел все свое облачение и пошел на нос корабля конунга. Он велел зажечь свечи и стал кадить. Потом он поставил распятие на нос корабля и читал Евангелие и многие другие молитвы. Наконец он окропил святой водой весь корабль...» [2, С. 420].

Наиболее значимой для изучения процесса христианизации Норвегии является сага об Олаве Святом. Помимо основных сведений, касающихся христианизации и политической обстановки в стране, она рисует портрет первого скандинавского святого — конунга Олава; данная сага может быть также полезна для изучения образа этого святого.

Первостепенной задачей Олава было объединение страны. Одновременно с этим, он осуществлял жесткую политику по введению христианства в стране. В его повседневной жизни новая религия занимала не последнее место. Из саги становится известно, что постройка дома для конунга обязательно сопровождалась постройкой церкви поблизости от дома: «...Осенью он обосновался в Нидаросе и приготовился зимовать там. Он велел построить себе усадьбу и церковь Клеменса...» [2, С. 451].

При Олаве меняется направление христианизации в географическом плане — конунг стремится ввести новую религию не только на побережье, но и способствует его распространению внутри

страны: «...Он делал так: останавливался в соседстве с лесными поселениями и созывал оттуда всех жителей, и особенно тех, кто жил в самой глуши. Он расспрашивал о том, как там соблюдалось христианство, и если узнавал, что плохо, учил народ правой вере. Тех, кто не хотел отказываться от язычества, он жестоко наказывал. Скоро он увидел, что чем глубже в страну, тем менее там знакомы с христианством. Он действовал все также и обращал всех в правую веру...» [2, С. 464]. Таким образом, становится понятно, что лишь при Олаве-конунге процесс христианизации распространяется на всю страну. Христианство вводится по всей стране, включая центральные районы, а не только на побережье.

После смерти Олав был канонизирован, и события, сопутствовавшие этому процессу, описаны в саге: «...Епископ с согласия конунга и по решению всего народа объявил, что Олав конунг — святой. Затем гроб с телом конунга внесли в церковь Клеменса и поставили над алтарем... Вскоре много всяких чудес произошло от мощей Олава конунга...» [2, С. 480].

В данной работе были рассмотрены саги, охватывающие временные рамки с первой половины X по первую половину XI в. Проведенное исследование позволяет убедиться, что материал королевских саг позволяет составить наиболее полную и четкую картину христианизации Норвегии. Благодаря разнообразию информации, касающейся не только событийной стороны данного процесса, можно сделать вывод о том, как повлияло принятие новой религии на повседневную жизнь ближайших к конунгу представителей знати. Можно предположить, что использование материала саг в сочетании с данными археологических раскопок и анализом письменных источников западноевропейского происхождения позволит провести наиболее глубокое исследование и получить достоверные результаты. Учитывая, что археологические источники имеют также огромное значение для изучения рассматриваемого процесса, можно сказать, что саги «оживляют» участников христианизации,

«королей-миссионеров», позволяют судить о личности того или иного правителя, и о его вкладе в дело централизации и христианизации страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. М., 2012.
2. *Снорри Стурлусон.* Круг земной / под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1980.

ДИКАРЕВА М. А.

Российский государственный гуманитарный университет

**«VITA SECUNDA» ФОМЫ ЧЕЛАНСКОГО:
ОБРАЗ СВЯТОГО ФРАНЦИСКА АССИЗСКОГО
В КОНТЕКСТЕ ОРДЕНСКИХ КОНФЛИКТОВ**

Пожалуй, среди всех святых эпохи высокого Средневековья сложно найти другого, вызывавшего бы столь же колоссальный интерес, как Франциск Ассизский. Явившись переломной фигурой в истории западноевропейского монашества, он учредил первый в своем роде нищенствующий орден, который за считанные годы стал одним из самых влиятельных и многочисленных. Внимание к его личности было огромным, и часто являлось причиной очень разных, порой противоречивых толкований его заветов, что ярко прослеживается во францисканских текстах XIII–IV вв. Многочисленные жития тех лет, а также хроники и легенды святого оказываются крайне удобным материалом для изучения как истории собственно орденских конфликтов, так и общего исторического контекста эпохи.

Данная работа призвана осветить один из таких источников, *Vita Secunda S. Francisci*, раскрыв обстоятельства его создания, и показав, как именно они отразились на содержании текста и той роли, которая была ему уготована. Это житие, будучи не самым популярным у исследователей, избрано потому, что представляется наиболее поддающимся анализу и самым многообещающим в плане находок из всех прочих.

К 40-м гг. XIII в. во францисканском ордене достиг апогея конфликт между двумя внутренними движениями конвентуалов и обсервантов, породивший необходимость повторного обращения к авторитету святого с целью разъяснения его изначальных намерений

(Франциск Ассизский был канонизирован в 1228 г. [1]) — так возникло новое житие ассизского бедняка, получившее в историографии название «*Vita Secunda Sancti Francisci*», или «Второе Житие». В этот новый текст было решено включить дополнительные свидетельства о Франциске, причем касающиеся не только его добродетелей и чудес, но и все прочие, включая «деяния и даже слова» [2, Р. 17]. Стремление преодолеть непрестанные конфликты путем уделения особенного внимания заветам Франциска, касавшихся вопросов организации жизни братьев, привело к тому, что в *Vita Secunda* Фома Челанский добавляет несколько новых сюжетов и цитат святого, несколько выбивающихся из общего ряда чудес и назидательных историй, однако все же вплетенных в общую канву повествования. Вероятно, в том числе из-за своей мультизадачности житие не выстроено хронологически.

В отличие от Первого Жития, *Vita Secunda* имеет двухчастную структуру. Первая часть (*Primum Opus*) состоит из 27 глав, преимущественно описывающих обращение Франциска, а также первые эпизоды его деятельности в качестве проповедника. Существенно новой и особенно акцентируемой здесь оказывается сюжетная линия отношений Франциска с папами римскими (прежде всего, с папой Иннокентием III и кардиналом Уголино, будущим папой Григорием IX). Вторая часть жития (*Secundum Opus*) состоит уже из 167 глав, которые посвящены преимущественно чудесам, добродетелям, а также видениям и пророчествам Франциска. Также здесь уделяется значительное внимание сюжетам, связанным с отношением святого к собственности. Впрочем, такие моменты присутствуют и в первой части: так, в ее финальном эпизоде, повествующем о Санта-Мария в Порциунколе, первой францисканской обители, говорится, что Франциск желал, чтобы это место оставалось образцом религиозной жизни, братья жили в бедности и глубочайшем смирении, оставаясь собственностью других. Включение этого и подобных сюжетов особенно интересно, ведь известно, что Генеральный Министр ордена Кресценцио, повелевший Челано записать житие,

был конвентуалом, а значит, его вряд ли устраивала такая формулировка. Можно предположить, что Челано, в *Vita Prima* практически не проявлявший своих собственных взглядов, впоследствии стал симпатизировать обсервантам.

Челано не опасался недовольства Кресценцио по двум причинам: обсерванты тогда представляли в ордене значительно более сильное крыло, к тому же, житие готовилось, в том числе, и к обнародованию на Капитуле, на котором должны были происходить выборы нового Генерального Министра. Челано ожидал, что новым Министром станет обсервант. Так и произошло — на Капитуле 1247 г. Кресценцио был смещен в пользу Иоанна Пармского, молодого блестящего богослова, лидера обсервантов, который и ранее активно проявлял себя в управленческой деятельности ордена (так, Иоанн Пармский двумя годами ранее ассистировал папе Иннокентию IV на Лионском соборе вместо Кресценцио, который был тогда болен) [3, S. 119-122]. Вероятно, Иоанн был выбран по совету самого Иннокентия IV, которому пришлось по душе энтузиазм францисканца, отстаивающего как нельзя кстати подходящие в то время Церкви идеалы возвращения к евангельской бедности. Фома начинает свое повествование обращением к Генеральному министру, Кресценцио да Йези, так: «...Вы, досточтимый отче, с помощью Божией, сочли нужным повелеть нам, невзирая на нашу неспособность, записать факты и даже слова преславного отца нашего Франциска» [4, С. 331]. Всячески далее подчеркивая свою слабую пригодность для столь ответственного дела, Фома, как кажется, не только следует общепринятым правилам этикета, но и будто снимает с себя ответственность за результат и возлагает ее на Кресценцио: «...пусть влияние того, кто повелевал нам это, способствует прощению всех несовершенств, возникших по нашей неспособности» [4, С. 332]. Обращает на себя внимание и то, что Челано здесь изъясняется во множественном числе первого лица; эту черту можно списать на нормы обращения к высшему по положению лицу, однако это можно трактовать, с одной стороны, как стремление Фомы обезличить себя и не вызвать гнев Кресценцио

за столь «прообсервантский» текст, а с другой — как указание на коллективность авторства жития. Поддержкой этим предположениям может служить тот факт, что в Прологе предыдущего жития, *Vita Prima*, Фома использует единственное число и не стремится замаскировать свое авторство. Челано определяет содержание жития так: «То тут, то там включали мы в удобных местах некоторые чудеса. Итак, мы записываем то, что сохраняет наша память, простым и смиренным языком, стремясь снизить к тем, кто менее быстр разумом, а также, если возможно, понравиться ученым мужам». Как кажется, таким образом Фома признается во второстепенности в *Vita Secunda* чудес, включая их в текст в большей мере из необходимости, чем из благоговения. Простой язык повествования, на который Челано обращает внимание, был избран для того, чтобы текст был понятен любому брату, а стремление понравиться ученым мужам выражается как и в особенном искусном композиционно-ритмическом строе текста, так и в обилии библейских отсылок. Фома Челанский, безусловно, бывший прекрасным знатоком Священного Писания, активно использует эпитеты, отрывки, а порой и даже сюжеты оттуда применительно к святому Франциску. Однако делает он это вовсе не бездумно, а довольно избирательно — такой библейский стиль повествования становится одним из ключевых средств в изображении святого как пророка, предвестника новой исторической эпохи. Истоки такого представления о Франциске коренятся в идейных исканиях более радикальной в своих воззрениях части францисканцев — братьев-обсервантов. Именно их жесткая позиция в отношении обета нестяжания и организации орденской жизни послужила благодатной почвой для распространения среди братьев эсхатологических идей иоахимитства.

Основателем этого движения был цистерцианский аббат Иоахим Флорский (1130/1135–1202), итальянский мистик [5], создавший на основе своего толкования Библии историософскую концепцию, захватившую умы представителей нищенствующих орденов. Флорский трактует историю человечества как постепенный процесс приближения человечества к Богу, выделяя три состояния

мира (*status mundi*), поочередно раскрывающиеся в каждом из Лиц Троицы [6, Р. 34]. С наступлением каждого нового состояния Бог все больше являет себя людям. Согласно Иоахиму, первая эпоха — царство Бога-Отца — представляет собой время абсолютного преобладания сословия мирян, состоящих в браке. Человечество живет согласно велениям своей плоти, и от греха его ограждает только чувство страха перед Господом и Божественный Закон (период от сотворения мира до Воскресения Христа). Второе состояние — новозаветное царство Бога Сына, когда при земном господстве священства и монашества люди поклоняются Господу не только из страха, но и из любви (1 н.э. – 1260). Третья эра — эпоха Святого Духа, царство безбрачия, время, когда все человечество будет жить сообразно духу и почитать Бога свободно, более не нуждаясь в Писании и Предании. Поскольку истина отныне станет созерцаться человеком непосредственно, то толкование Библии больше не будет иметь какого-либо смысла. На смену Священному Писанию придет Вечное Евангелие, *Evangelium Aeternum*, которое ниспошлет Ангел из Апокалипсиса [7]. Церковь, которая под руководством двух новых духовных движений вступит в состояние Святого Духа, трансформируется из Церкви Святого Петра в Церковь святого Иоанна (*Ecclesia Spiritualis*). В результате этого преобразования на смену засилья греха и всех человеческих бед, из него вытекающих, наступит царство любви, свободы и совершенства. Идеи Иоахима получили широкое распространение и были с удовольствием подхвачены францисканцами, которым оно чрезвычайно подходило — казалось, все в пророчествах Флорского говорит о приходе Франциска, провозгласившего идеалы бедности, простоты и любви. Образ библейского пророка, предвестника новой эры, сопровождает читателя с самых первых строк жизнеописания и не покидает до последних. Не зря первый его раздел получил название «*De spiritu prophetiae quem beatus Franciscus habuit*». Так, в первом эпизоде, описывающем крещение Франциска, говорится, что святой был наречен Иоанном, чтобы по миру «легче распространялась слава о его призвании» [4, С. 334]. Согласно житию, более пророчих святых Франциск всегда

почитал именно Иоанна Крестителя, «чье великое имя запечатлело в его душе знак тайного могущества» [4, С. 334]. Биограф, подобным образом повествуя о Франциске, подчеркивает избранность святого при любом удобном случае — то и дело в житии метафорически поднимается тема возложенной на Франциска миссии обновления Церкви.

Несмотря на то, что Церковь признала Второе Житие ортодоксальным, обилие подобных сюжетов и метафор не могло не привести к распространению потенциально еретических взглядов. Текст, изначально преследовав определенные политические цели, явился своего рода закрепителем и популяризатором идей иоахимизма. Инициатива Бонавентуры по его уничтожению в 1266 г., таким образом, не кажется случайной — еретические идеи движения франтичелли, расцветшего несколько позже, коренились именно в *Vita Secunda*, и явились ожидаемой кульминацией мотивов, пронизывавших этот уникальнейший в своем роде агиографический памятник.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bulla Mira Circa Nos (1228) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.papalencyclicals.net/Greg09/g9mira.html> (последнее обращение: 25.10.2015).
2. Vita Secunda S. Francisci // Felice Accrocca, Aleksander Horowski: Thomas de Celano, Memoriale. Editio critico-synoptica duarum redactionum ad fidem codicum manuscriptorum. Roma, 2011, P. 16-375.
3. Manselli R. Pierwsze stulecie historii franciszkanów. Kraków, 2006.
4. Истоки францисканства: Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара: писания и биография. М., 1996.
5. Шишков А. М. Историософская концепция Иоахима Флорского // Средневековая интеллектуальная культура: учебное пособие. М., 2003.
6. Reeves M. The influence of prophecy in the Later Middle Ages: A study in Joachimism. Oxford, 1972.
7. Керв В. Л. Идеи Апокалипсиса в Средние века (Иоахим Флорский, Оливи, бегины Южной Франции). М., 1994.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭКЗОРЦИСТСКИХ ПРАКТИКАХ В XIII ВЕКЕ НА ПРИМЕРЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА СВЯТОГО ФРАНЦИСКА

Католическая энциклопедия определяет экзорцизм как акт изгнания злых духов и защита от них для лиц, мест или вещей, являющихся одержимыми. А экзорцист — любой, кто изгоняет или исповедует, чтобы изгнать злых духов [1, Р. 709–712].

Американский исследователь Эрик Соренсен [2, Р. 1–2] находит истоки экзорцистских представлений и идей об одержимости злыми духами еще в I тыс. до н.э. в Древней Месопотамии. Венгерский профессор Ева Покс анализирует различные верования европейцев и приходит к выводу, что средневековая одержимость связана с более древней религией — шаманизмом [3, Р. 84].

В Италии XIII в. выдающийся фигурой являлся Франциск Ассизский. Он был канонизирован через два года после своей смерти папой Григорием IX. Одновременно с актом канонизации Григорий IX обратился к Фоме Челанскому (ок. 1190 – ок. 1260), современнику Франциска, с целью создания жития святого. Житие было написано в конце 1228 – начале 1229 гг. [4, Р. 195]. В 1246–1247 гг. Фома Челанский по поручению Генерального Капитула составил вторую версию жития, которое должно было записать только факты из жизни Франциска, основываясь на записях его современников [4, Р. 331]. В 1260 г. Генеральный капитул поручил Бонавентуре (1217–1274) составить новое житие, т. к. появилось огромное количество противоречивой информации о жизни святого. В 1263 г. версия Бонавентуры была признана единственно верной, а все прежние были запрещены и должны быть уничтожены [4, Р. 523].

Среди прочих чудес, приписываемых святому Франциску — процесс экзорцизма. Хотя разные версии жития описывают разные происшествия, можно встретить несколько схожих моментов.

Во втором житие Фомы в главе LXXIV описан случай в Ареццо. В городе была гражданская война. Франциск увидел над городом бесов, которые были причиной войны. Он призвал брата Сильвестра, сказал ему пойти к городским воротам и от имени Всемогущего Бога приказать дьяволам как можно скорее выйти из города. Сильвестр все исполнил, сказав: *«ex parte Dei et iussu patris nostril Francisci, procul hinc descédite daemones universi»*. Вскоре город обрел мир.

В версии жития, составленной Бонавентурой, также можно встретить этот эпизод. Но слова Сильвестра звучат: *«Ex parte omnipotentis Dei et iussu servi eius Francisci procul hinc discédite, daemones universi»*.

Эпизод в Ареццо показывает, что экзорцизм мог применяться не только к отдельным людям или предметам, но и к городам. Сам экзорцист, в данном случае Франциск, мог не сам проводить ритуал, а поручить его другому человеку — Сильвестру, который исполнил его при помощи словесной формулы, опирающейся на имя Божье и повеление Франциска. Бонавентура несомненно опирался на житие Фомы, пересказывая его суть. Текстового канона для изгнания дьявола в то время еще не было, была лишь суть, что нужно опираться на Бога и его слуг.

В первом житии Фомы данный эпизод не встречается. Во втором, которое должно содержать факты из жизни, а не чудеса святого, Фома делает акцент на том, что слова Франциска могут воздействовать не только через него, но и через посредника. Бонавентура не делает никаких акцентов ни на что.

Во втором житии Фомы описано несколько случаев, когда дьявол приходил к Франциску ночью в его келью. Первый раз — в Сартеано дьявол пришел к святому, назвав его тремя разными именами, пока тот молился. Дьявол пытался искусить святого, но тот распознал это и, сняв с себя одежду, стал бить тело куском веревки.

Во второй раз дело было в Риме. В его келью явился дьявол и начал бить его. Фома, устами Франциска, объясняет, что это избие-ние было знаком особой благодати.

В третий раз точное место не указано, просто сказано, что Франциск ночевал один, и к нему явился дьявол. Тогда святой вышел наружу и осенил себя крестом.

Четвертый случай произошел в Греччо, когда в келье Франциск воспользовался подушкой, он не мог уснуть. Святой понял, что дьявол вошел в его келью и раз не может навредить душе, то вредит телу. С тех пор святой спал не на пуховой подушке, а на соломе.

Бонавентура же описывает только один эпизод: однажды, когда Франциск молился, дьявол пробрался к нему в келью и попытался завладеть его телом. Франциск, сбросил с себя одежду и бил себя жестким шнуром, адресуя удары для дьявола. Он не переставал молиться Господу и вскоре дьявол ушел.

И хотя тут не встречается прямого указания на ритуал экзорцизма, зато описывается попытка дьявола вселиться в тело святого. Собственно, борьба Франциска с дьяволом, в данном случае, также олицетворяет его как экзорциста: умение противостоять дьяволу так же важно, как умение изгонять его.

Удары, наносимые себе Франциском, собственно как и удары экзорциста наносимые телу одержимого, воспринимались как удары, адресованные дьяволу. И хотя такая практика экзорцизма встречается редко, все же она имеет место быть. Каждый акт изгнания нечистой силы, выполненный святым, был частью вечной борьбы между сатаной и Богом, а тело одержимого выполняло роль поля битвы между силами небес и ада. Противодействие демона соответствовало интересам святого: чем тяжелее борьба, тем лучше результат. Высокомерное и превосходящее поведение демона было настроено против скромности и спокойствия святого; первый получил силу от себя, последний — от веры в Бога [5, Р. 21].

В первом житии в главе XXIV Фома описывает, что один из членов Ордена заболел, и многие воспринимали эту болезнь как

демоническую одержимость. Когда Франциск узнал об этом, он тут же явился к нему и, помолвившись, благословил его, осеняя крестом. И, по словам Фомы, этот брат «в ту же минуту исцелился и впредь никогда уже не испытывал нападений этой тяжелой болезни».

Обряды изгнания демонов в Средневековье в основном используют три наиболее распространенных средств исцеления: крест, молитва и, реже, возложение руки на жертву. Кроме того, они использовали святую воду, вино или хлеб. Но знак креста был одним из самых распространенных и удобных средств изгнания демонов [5, Р. 17].

Глава XXV описывает случай в Санджемини, когда Франциск гостил у одного человека, чья жена была одержима. Муж просил Франциска исцелить ее. Франциск сделал это при помощи трех братьев Ордена, которые так же находились в городе. Все они произнесли молитву. После молитвы Франциск подошел к девушке, которая извивалась прежалостным образом, страшно вопя, и сказал так: «*Oremus, fratres, ad Dominum pro muliere has, ut iugum diabolic ab ea excutiat Deus, ad laudem et glogum suam*». После этого дьявол ушел, но Франциск посчитал столь внезапное исцеление женщины и быстрый уход дьявола «себе за соблазн» и поспешил удалиться, «дабы не был он по-пустому прославлен и принужден к зазнайству».

Согласно логике житийных историй, противодействие демону отвечало интересам святого: чем тяжелее борьба, тем лучше результат. Высокомерное и превосходящее поведение демона было настроено против скромности и скромности святого; прежний получил силу от себя, последний — от его веры в Бога [5, Р. 17].

Глава XXVI описывает случай в городе Каstellо, где жила женщина, одержимая дьяволами. Франциск молился рядом, а когда закончил, то сам подошел к женщине, которой стало плохо от вида святого. Приблизившись, Франциск сказал: «*In virtute obedientiae praecipio tibi, immunde spiritus, exi ab ea*». И дьявол тут же отпустил женщину.

В 1244 г. женевским Генеральным Капитулом и генеральным министром Кресценцием да Иези, пыли выдвинуты требования,

согласно которым Фоме было необходимо записать факты и даже слова Франциска, а не его чудеса [4, Р. 331]. Упоминаний об экзорцистских представлениях во втором житие стало больше.

В главе II второй версии жития сказано, что один из членов Ордена был святым человеком, но вел себя особенно. Постоянно молился, но исповедовался не словами, а жестами, сохраняя безмолвие. Все считали его святым, но когда пришел Франциск, он сразу распознал в этом брате одержимого, восприняв его поведение как дьявольские козни. И хотя остальные сначала не хотели верить Франциску, но когда одержимый отказался исповедоваться вслух, все признали правоту Франциска. Фома пишет, что «надо всегда избегать исключительности: это не что иное, как самая настоящая пропасть». Он так же отмечает значение «искренней исповеди, являющейся не только источником, но и выражением святости».

Во всех трех историях встречаются либо одержимые женщины, либо братья Ордена, которые встречали дьявола. В Средние века большинство одержимых были женщины, поскольку существовало гендерное неравенство и люди верили, что женщины были более подвержены демоническому воздействию. А среди людей, причастных к Богу, борьба с дьяволом играла важную роль.

Франциск был экзорцистом, упоминания об этом можно встретить в его житиях наряду с различными представлениями о дьяволе. Но в ряде аспектов они имеют значительные отличия. При переписывании житий внимание на точность текстовых формулировок не обращалось, передавался лишь общий смысл. Исходя из сравнительного анализа житий, можно выделить представления об экзорцистских практиках XIII в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Herbermann C. G.* The Catholic encyclopedia; an international work of reference on the constitution, doctrine, discipline, and history of the Catholic Church // Vol. V. NY., 1907. P. 886.
2. *Sorensen E.* Possession and Exorcism in the New Testament and Early Christianity. Tubingen, 2002. P. 295.

3. *Pocs E.* Possession Phenomena, Possession-systems. Some East-Central European Examples // *Demons, Spirits, Witches* / ed. by Gabor Klaniczay, Eva Pocs. Vol. I. 2005. P. 84–154.
4. Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара Ассизская: писания и биография / общ. ред. А. Вичини, Я. Ан; пер. О. А. Седакова, А. Топорова, Л. Сумм. Assisi, 1996.
5. *Tamm M.* Saints and the demoniacs: exorcistic rites in medieval Europe (11th – 13th century). Folkore, 2003.
6. *Caciola N.* Discerning Spirits Divine and Demonic Possession in the Middle Ages. NY., 2003.
7. *Fr. Thoma de Celano.* S. Francisci Assisiensis: vita et miracula. Romae, 1906. *Legenda prima.*
8. *Fr. Thoma de Celano.* S. Francisci Assisiensis: vita et miracula. Romae, 1906. *Legenda secunda.*
9. *Bonaventure.* Seraphici doctoris S. Bonaventurae Legendae duae de vita S. Francisci Seraphici. Ad Claras Aquas, 1898.

ТЕРЕНТЬЕВА Е. А.

*Санкт-Петербургский государственный
университет телекоммуникаций*

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕРКВИ И РЕЛИГИЯ В ВОСПРИЯТИИ
ФРАНЦУЗСКИХ ЭРУДИТОВ И АНГЛИЙСКИХ
АНТИКВАРИЕВ (НА ПРИМЕРЕ НАСЛЕДИЯ
АНДРЕ ДЮШЕНА И УИЛЬЯМА КЭМДЕНА)**

Стремительная рационализация мышления европейцев эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, которая сопутствовала взлету естественных наук, отразилась и на сфере гуманитарного знания, в том числе на истории. Изменялась оценка истории, представления о ней, подходы к ее изучению и методы. Восприятие истории становилось все более утилитарным и прагматичным.

С развитием книгопечатания и расширением круга образованных и просто грамотных людей история наряду с публицистикой приобретала все большее значение как инструмент формирования общественного мнения. Если в предшествующие эпохи ее практическое применение ограничивалось обучением будущих правителей на примерах прошлого (и соответствующим было отношение к ее созданию), то теперь история становилась доступной и интересной достаточно широкому кругу лиц.

С возраставшим интересом к истории было связано и изменение отношения к ней со стороны властей предрежущих, включавших историю в систему государственной пропаганды формировавшихся абсолютистских государств. И превращению истории в признанное интеллектуальное оружие немало способствовали религиозные противостояния в расколотовой по конфессиональному признаку Европе. Протестанты, иезуиты, а в дальнейшем также

мавристы и янсенисты сделали историческую критику мощным полемическим оружием. Это стало логичным продолжением процесса, начавшегося еще в эпоху гуманистов, когда Лоренцо Валла доказал подложность Константина дара, подрывая, таким образом, авторитет католической церкви.

Интерес европейцев раннего Нового времени к собственному прошлому был тесно связан с формированием в ту эпоху этнокультурных идентичностей, которые после длительного периода религиозных противостояний не могли не быть связанными с вопросами религии и институтом национальных церквей.

В рассматриваемый период на первый план в смысле культурного — как, впрочем, и политического — влияния выходили Англия и Франция, причем первая становилась эталоном для протестантского, а вторая — для католического сообщества Европы. Различия в историко-культурном развитии этих стран определили особенности изображения Церкви и религиозных вопросов в исторических произведениях, посвященных как недавнему, так и глубокому прошлому.

Во Франции одним из наиболее ярких интеллектуалов, писавших на исторические сюжеты, был эрудит и королевский историограф Андре Дюшен (1584–1640), в Англии — антикварий и второй герольдмейстер Коллегии герольдов Уильям Кэмден (1551–1623). Труды обоих пользовались популярностью, и оба они были весьма уважаемы в своей области знания.

Наследие Андре Дюшена предпочтительно рассматривать в комплексе с трудами его сына, Франсуа (1619–1623), который при жизни отца помогал ему в исторических изысканиях, а после его смерти не только унаследовал его должность придворного историографа, но и подготовил к изданию и опубликовал несколько трудов отца. Тема церковной истории представлена в их наследии работой Дюшена-отца по истории пап [1] и Дюшена-сына по истории французских кардиналов [2], причем первый труд пережил два исправленных Ф. Дюшеном переиздания.

На обращении королевских историографов к проблемам истории Церкви, безусловно, сказалось присутствие на политической арене двух кардиналов — сначала Ришелье, затем Мазарини. Но в этих работах нашло отражение и зарождение этнокультурной идентичности французов. Особенно ярко это заметно на примере истории французских кардиналов: в названии этого труда указано, что в него включены только кардиналы — французы по рождению или же кардиналы, назначенные французскими королями. Таким образом, Церковь через своих иерархов оказывалась вписанной в национальную историю. Церковные иерархи, формально подчиненные понтифику и теоретически меньше других членов общества связанные с процессом формирования этнокультурных идентичностей, оказывались принадлежащими Франции. Одновременно демонстрировалось подчиненное положение Церкви по отношению к государству — уже одним указанием в названии «Истории кардиналов» на назначение кардиналов французскими королями. Таким образом, церковная история оказывалась инструментом поддержки и укрепления французского абсолютизма.

Что же касается собственно религиозной составляющей, того, как восприятие религии интеллектуалами той эпохи нашло отражение в работах Андре Дюшена, то в них не встречаются ссылки на божественный промысел, благословение или божественную волю. Божественное, вера и религия постоянно присутствуют, например, на страницах его «Древностей и изысканий о власти и величии французских королей» [3]; однако, в понимании Дюшена, не Бог вмешивается и вмешивался в человеческие дела, а люди — точнее, короли Франции — благодаря своей вере и благочестию приносят и приносили своей стране процветание, увеличивают и увеличивали ее могущество. «Это всегда было обязанностью королей Франции, поддерживать и распространять Религию всей своей властью» [3, Р. 14], и именно на постоянстве религии могла основываться их уверенность в долговечности собственной Империи [3, Р. 14].

Бог некогда передал власть королям («процветающее Государство, которое Господь щедро передал им [королям — Е. Т.]» [3, Р. 14]),

и с этих пор, с точки зрения А. Дюшена, историю вершили именно правители, а не Бог. В его трудах не встречается указаний на Божественное волеизъявление; Бог лишь награждает тех, кто соблюдает законы христианской веры и претворяет их в жизнь: «Господь возвеличивает тех, кто ему служит, и <...> религиозные Государи щедро одарялись благополучием» [3, Р. 17]. При этом большое внимание уделялось А. Дюшеном активной жизненной позиции, влиянию монарха на его подданных. И если в «Древностях и изысканиях о власти и величии французских королей» А. Дюшен называл религию и веру столпами государства [3, Р. 14, 34, etc.], то долгом королей было поддерживать Церковь, которую Дюшен назвал «государством Господа»: «защита и поддержка Государства Господа, которым является его церковь, есть величайшая и лучшая слава их скипетра» [3, Р. 14].

Для А. Дюшена религия и вера играли в истории и жизни государства огромную роль. В «Древностях и изысканиях о власти и величии французских королей» он писал, что религия — «колонна государства», необходимая не только каждому отдельному человеку, но и каждому человеческому обществу и государству, которое не может без нее существовать [3, Р. 14]. Более того, Дюшен подчеркивал, что христианская религия заставляла и подданных, и врагов воспринимать государя как Божьего избранника («храимого и избранного Богом» [3, Р. 16]), благодаря чему ни те, ни другие «не оскорбляют» его, то есть религия являлась если не гарантом, то, по крайней мере, одним из факторов, способных обеспечить мир как внутри, так и вне государства.

Итак, труды Андре и Франсуа Дюшенов, посвященные истории Церкви, и отрывки работ А. Дюшена, связанные с религией, то есть, казалось бы, достаточно удаленные от современной социально-политической проблематики, были направлены на поддержание представлений французов о собственной этнокультурной идентичности, на усиление власти французских монархов и, как следствие, французского государства в целом.

В рассматриваемую эпоху абсолютно абстрагироваться от политики не мог ни один думающий человек. И меньше всего в политическом эскапизме можно было обвинить английских антиквариев [4, С. 154]. Но что касается работ антикварного толка У. Кэмдена, то в них нашла отражение, пожалуй, лишь религиозная проблематика, и то косвенным образом.

«Британия» У. Кэмдена представляет собой секулярную историю: таким образом, Кэмден устанавливал приоритет политических иерархий над религиозными. Религиозные вопросы, безусловно, стоявшие в английском обществе достаточно остро, У. Кэмден подчинял национальному единству и общей для всей Британии древности. В его понимании, какой бы ни была католическая церковь прошлого, она была английской, и поэтому заслуживала того, чтобы быть изученной.

Впрочем, такой подход к проблеме религиозного прошлого был общим для английских антиквариев XVI в. Одним из последствий английской Реформации стало постепенное разрушение заброшенных религиозных построек, особенно монастырей, и именно антикварианты занялись их описанием, чтобы сохранить для истории.

В работе У. Кэмдена «Короли, Королевы, Знать и другие, погребенные в коллегиальной церкви св. Петра Вестминстерского аббатства» [5] был предложен смелый и общественно значимый ответ на вопрос, что мог елизаветинский протестант найти достойного упоминания в старинной Церкви. Хотя формально У. Кэмден воздерживался от религиозной полемики, фактически его «Короли, Королевы» были полемичной и идеологически нагруженной работой. Он утверждал светский и патриотический взгляд на могилы королей и дворянство Британии, что отрицало значение религиозных различий прошлого. Подробное описание содержащихся в ней королевских эффигий и погребений, погребений дворян и монахов противоречило пуританским взглядам, но соответствовало официальной линии политики Елизаветы I. Таким образом проводилась линия преемственности между католицизмом Средневековья и современным вариантом английского протестантизма.

Современники порой трактовали эту веротерпимость У. Кэмдена в отношении прошлого как признак криптокатолицизма. Подтверждений этому до сих пор нет, и вряд ли они когда-нибудь появятся. Вероятнее всего, У. Кэмден было вполне искренним, не считая нужным переносить религиозные гонения на памятники прошлого. Вспомним, что во Франции в эпоху Религиозных войн большинство эрудитов принадлежали к так называемой партии «политиков», которые призывали к умиротворению общества на основе идеалов веротерпимости.

Таким образом, проанализировав наследие французских эрудитов и английского антиквара, можно говорить о том, что в обеих странах церковная история использовалась как элемент укрепления современных авторам абсолютистских государств, будучи вписана в историю национальную и превращена в ее органичную составляющую.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Duchesne A.* Histoire des papes et souverains chefs de l'Eglise. Contenant les affaires plvs memorables aduenues sous l'authorité du Saint Siege Appostolique, depuis S. Pierre premier Pntife Romain iusques à Paul V. Le tout fidellement recueilly de diuers Historiens, & de plusieurs Tiltres, Memoires, & Chroniques non encore imprimées. Par André Dv Chesne Historiographe du Roy. Et qugmentée en cette derniere Editions iusques à present 1645. Paris: Gervais Aliot, 1645.
2. *Duchesne F.* Histoire de tovs les cardinavx françois de naissance, ov qui ont esté promevs av cardinalat par l'express recommandation de nos roys, povr les grands services qv'ils ont rendvs a levr estat, et a levr covronne : comprenant sommairement levr legations, Ambassades & Voyages par eux faits en diuers Pays & Royaumes, vers les Papes, Empereurs, Roys, Potentats, Republics, Communautez & Vniuersitez, pour Affaires importantes à l'Eglise vniuerselle, & à l'Auguste Majesté de nos Souverains. Par François Duchesne, fils d'André, Conseiller du Roy en ses Conseils. Paris: Chez l'auteur, 1660.

3. *Du Chesne A.* Les Antiquitez et Recherches de la Grandevr & Maiesté des Roys de France, recueillies tant des Auteurs anciens, que des meilleurs Escrivains de ce siecle et diuisees en III Liures. Paris: Chez Iean Petit-Pas, 1609.
4. *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннестюартовской Англии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 151–197.
5. *Camden W.* Reges, Reginae, Nobiles, et alij in Ecclesia Collegiata B. Petri Westomonasterii sepulti, vsque ad annum reparata Salutis 1606. Londini: Excudebat Melch. Bradwoodus, 1606.

АДАМОВА Н. Э.

Санкт-Петербургский государственный университет

**«СВЯТЫЕ», «ИЗБРАННЫЕ» И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ?
САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ПУРИТАН
В РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ**

Еще в первой половине XVII в. многие англичане возмущенно отмечали, что суровые кальвинисты, желавшие «очищения» церкви Англии от остатков «папизма» и бытовых злоупотреблений, или попросту «пуритане», чувствуют себя особыми и даже «исключительными» по сравнению с остальными людьми. Современники иронически называли пуритан «святыми» (словом, которое, впрочем, применяли по отношению себе и сами пуритане). Впоследствии историки также поддержали складывавшийся стереотип, приписывая всем поколениям пуритан такие черты, как уверенность в собственном превосходстве и непререкаемой правоте.

Подобные оценки находят подтверждение в пуританских источниках, однако лишь в тех из них, что относятся к периоду, начавшемуся с 1630-х гг., когда пуритане превратились в значительную силу на политической арене: в Англии во время гражданских войн середины XVII в. и на американском континенте, в основанных ими колониях Новой Англии. В предшествующий же длительный период существования пуританского движения, и особенно в первой трети XVII в., собственные заявления пуритан об «исключительности» выглядят более размытыми, чем те характеристики, которыми их наделяли современники и историки. Поэтому важно понять, в чем же заключались идеи «исключительности» пуритан первой трети XVII в., какой смысл они вкладывали в понятие «святость» и справедливо ли вслед за М. Вебером описывать пуритан этого времени как «выпестованных пуританизмом «святых»» [1, С. 148-149].

Для начала обратимся к значению термина «святые» (*saints, holy*). «Святые» в протестантском понимании не имели отношения к «святым» Римской католической церкви, хотя обе традиции основывались на многочисленных упоминаниях о «святых» в тексте Библии. Протестанты подразумевали под «святыми» всех членов христианских церквей [2, С. 58]. Пуритане, приверженцы кальвинистской (реформатской) традиции, дополняли протестантское понимание «святости» учением о «предопределении». Это учение исходит из общего для всех протестантских церквей тезиса о том, что первородный грех сделал все человечество «смертным во грехе», и лишь Христос своей жертвой смог искупить этот грех, дав людям благодать (веру, святость), которой только и может спастись человек [3, С. 240]. Особенность же учения о предопределении заключалась в утверждении, что Бог дал веру и благодать *не всем*, но лишь тем, кого Он предопределил к спасению еще до сотворения мира [4, Р. 23; 5, Р. 401]. Таким образом, в узкокальвинистском понимании «святости» присутствовал особый оттенок: «святыми» называли тех, кого Бог предызбрал к спасению.

Казалось бы, учение о предопределении действительно питало представления пуритан и других кальвинистов об «исключительности», поскольку оно разделяло людей на две категории, лишь одна из которых по Божьей милости избежала осуждения, ждущего всех остальных людей. Однако внимательное прочтение пуританских источников выявляет особенности смысла слова «святые».

В большинстве пуританских текстов небогословского характера слово «святые» встречается нечасто, и их авторы практически никогда не именовали самих себя «святыми» [6, Р. 1]. Например, такие приверженцы реформатской традиции, как Уильям Брэдфорд и Джон Уинтроп, впоследствии эмигрировавшие в американские колонии, в своих сочинениях употребляли слово «святые» либо в *историческом контексте*, подразумевая под ними сторонников реформированной церкви в прошлом [7; Р. 1], либо использовали его как *богословский термин*, обозначающий все сообщество членов

видимой Вселенской церкви (*Communion of Saints*) [8, Р. 159, 192, 197, 213]. К «видимой» же церкви традиционно относили не только тех, кого предызбрал Господь, а всех, кто является и являлся членом истинной Христовой церкви здесь, на земле. Таким образом, термин «святой» в этот период не означал «исключенности» пуританских общин из числа остальных людей. Скорее, он говорил о единстве всех избранных (в прошлом, будущем и настоящем), совокупности членов видимой Вселенской церкви, был своеобразным синонимом словосочетания «прихожане Христовой церкви».

Однако, как было сказано выше, кальвинистское учение о предопределении наделяло термин «святости» и более узким значением, подразумевая под ним лишь тех, кто был предопределен Богом, а не всех членов церкви. Как же пуритане интерпретировали этот элемент вероучения: приписывали ли они себя к исключительному сообществу «святых» в узкокальвинистском смысле, и если да, то как они себя идентифицировали в связи с этим?

Реформатские теологи вслед за Ж. Кальвином признавали, что узнать, к чему Бог предопределил тех или иных людей, невозможно [9, С. 233-234]. Человек мог лишь делать предположения, но все его догадки могли оказаться ложными. Тем не менее, богословы пытались помочь своей пастве справиться с постоянными сомнениями. Согласно Кальвину, об «избранности» могла говорить внутренняя непреклонная уверенность человека в своем спасении, которую подтверждает его вера в Христа [3, С. 424-425]. Позже его последователи, и особенно пуритане (У. Перкинс, У. Эймс, Т. Хукер), пересмотрели его точку зрения, и разработали целую теоретическую схему (доктрину приготовления (*preparationism*)), которая объясняла, как божественная благодать постепенно действует на «святого» [10, Р. 140-141]. Стадии получения благодати (обращение, оправдание, искупление, усыновление, освящение), как учили теологи, можно было осознать [11, Р. 103-133; 4, Р. 123-124]. Иногда признаки «святости» определялись и более просто: например, как чувство духовного наслаждения, истинная вера в Христа, печаль от греха

и стремление к праведности [12, Р. 266]. В то же время, проповедники подчеркивали, что, даже заметив эти признаки, раз навсегда убедиться в своей избранности или «исключительности» все равно невозможно, и человек должен был постоянно оценивать себя и свою веру.

Однако, как поясняли богословы, и сама «избранность» *не предполагала*, что «святые» принципиально отличаются от «отверженных» или, тем более, являются исключением из человеческого рода. Во-первых, ни личностные качества «святых», ни совершенные ими «добрые дела» *не могли стать причиной их предопределения*, поскольку Бог избрал их к спасению лишь по своей свободной воле и из своей милости [12, Р. 317-318; 11, Р. 110]. Поэтому личные качества и поступки «святых» не могли выделять их из числа от всех остальных людей. Во-вторых, избранные точно так же, как и отверженные, *не избавлены от пороков и от греха* [12, Р. 314-315]. Например, Кальвин пояснял, что Бог мог лишь уберечь святых от больших прегрешений, но и в этом не было заслуги «святых», которые не обладают совершенной чистотой [3, С. 429], а вслед за ним и другие теологи настаивали на том, у «святых» нет никаких оснований гордиться своей избранностью [12, Р. 267].

Конечно, нельзя предположить, что все «святые» соблюдали эти рекомендации и не верили в свою «исключительность». Об этом говорит хотя бы частота наставлений о необходимой скромности в символах веры [12, Р. 306, 314-315; 317-318]. Но с другой стороны, и стереотипное представление о пуританах начала XVII в., как о самодовольных «святых», не выдерживает критики, поскольку духовный путь любого члена церкви всегда был извилист и полон сомнений. Состояние души пуританина могут проиллюстрировать дневники и исповеди, — жанр, вновь получивший широкое распространение в этот период. К примеру, в дневнике такого «образцового» пуританина, как Дж. Уинтроп, «Опыт христианина», мы видим постоянные поиски веры, упреки и укоры в свой адрес, раскаяния в слабости духа, причем многие строки говорят и о боязни гордыни и

тщеславия [8, Р. 156-157, 197]. Другим примером внутреннего пути пуританина может служить «Исповедь» Томаса Шепарда, где он так же детально рассказывает о своей борьбе с гордыней [13]. Подобная тайная внутренняя борьба была свойственна и широким массам пуритан, что видно из частых обращений к этой теме в проповедях, где священники объясняли пастве, что сомнения в своей избранности нормальны для христианина [14, Р. 128-130]. Как сформулировал один американский историк, у пуритан «самым верным земным знаком святости была неуверенность в ней, и вернейшим признаком проклятой души — ощущение безопасности» [15, Р. 70].

Таким образом, можно утверждать, что, относя себя к «святым», пуритане имели в виду, как минимум, три разных смысла. «Общепротестантская» трактовка «святости» определяла ее как принадлежность к христианскому сообществу, в которое входили и английские, и европейские протестанты. Здесь пуритане причисляли себя к широкому протестантскому миру, являвшемуся исключением из погрязшего во «тьме папизма». В более узком смысле, «святыми» называли «предопределенных к спасению». Однако исключительной чертой таких «святых» считалась только божественная благодать, которая сделает их исключительными лишь в будущем, после Страшного суда, а в настоящем же эти «святые», как заявляли теологи, ничем не отличались от остальных, «не избранных» христиан. Третий смысл, вероятно, разделяла часть рядовых прихожан, которые, поверхностно понимая суть учения, противопоставляли себя всем тем, кто не был членом *реформатских* общин, и считали, что их отличает от других качественно иная природа (праведность и т.д.). Однако такое чувство «исключительности» регулярно осуждалось священниками и теологами как гордыня, и они требовали, чтобы даже те, кто ощущал те или иные «признаки» своей избранности, не считали бы себя «святыми».

Таким образом, в первой трети XVII в. в Англии мы еще не наблюдаем пресловутых «выпестованных пуританизмом святых». В этот период пуританам все еще не требовалось идти на разрыв

с церковью Англии, чтобы обладать относительной свободой от-правлять богослужение так, как они считали нужным, и потому они продолжали считать себя ее органической частью. Лишь в 1630-х гг., когда пуритане вступили в открытую конфронтацию со своими идейными противниками, как в самой Англии, так и в колониях, среди них усиливается и ощущение собственной «святости», пре-восходства над остальными и «исключительности».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М., 1990. С. 60-272.
2. Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства // Лютер М. Избранные произведения. СПб., 1994. С. 55-119.
3. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере: В 4 кн. М., 1998. Кн. 3.
4. P. W. [Perkins W.]. A Golden Chain: or, the Description of Theology, obtaining the order of the Causes of Salvation and Damnation, according to God's Word. Cambridge: John Legat, 1600.
5. The Belgic confession. A.D. 1561 // The Creeds of Christendom, with a History and critical notes / ed. by Ph. Schaff: in 3 vols. NY., 1877. Vol. 3. P. 383-436.
6. Collinson P. Godly People: essays in English Puritanism and Protestantism. L., 1983.
7. Bradford W. History of Plymouth Plantation / ed. by Ch. Deane. Boston, 1856.
8. Winthrop Papers: in 5 vols. Boston: The Massachusetts Historical Society, 1929-1947. Vol. 1. 1929.
9. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере: в 4 кн. М., 1998. Кн. 4.
10. Parker D. L. Petrus Ramus and the Puritans: The «Logic» of Preparationist Conversion Doctrine // Early American Literature. 1973. Fall. Vol. 8. No. 2. P. 140-162.
11. Ames W. The Marrow of Sacred Divinity, drawn out of the Scriptures and the interpreters thereof, and brought into Method. London: Edward Griffin, 1639.

12. The Articles of the Synod of Dort / ed. by Rev. T. Scott. Philadelphia, 1841.
13. *Shepard T.* The Autobiography of Thomas Shepard. Boston, 1832.
14. *Cotton J.* A Practical Commentary or an Exposition with Observations, Reasons, and Uses upon The First Epistle General of John. [London: R.I. and E.C., 1656]. Reprinted edition. Oswestry: Quinta Press, 2011. Электронная версия доступна: http://quintapress.macmate.me/PDF_Books/Cotton_1_John_v1.pdf (последнее обращение: 10.08.2015).
15. *Morgan E. S.* Visible Saints: the history of a Puritan Idea. Ithaca, 1965.

**РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ «ДЕКЛАРАЦИИ О ПРИЧИНАХ»
ВИЛЬГЕЛЬМА III ОРАНСКОГО 10 ОКТЯБРЯ 1688 Г.**

Важную роль в истории английской «Славной революции» 1688–1689 гг., переворота, в ходе которого был свергнут король-католик Яков II, а престол впоследствии занял его зять, статхаудер в Республике Соединенных провинций Вильгельм III Оранский, играла пропаганда. Вступив в Англию при поддержке многочисленного нидерландского войска [1, Р. 107], Вильгельм должен был обосновать свои действия, а также заручиться поддержкой различных социальных, политических и религиозных групп. При рассмотрении данной темы важно обратить внимание на то, что сторонники правления Вильгельма располагали достаточно обширными средствами: проповеди, стихи, оды, церемонии, фейерверки, медали, печатная продукция — все это в той или иной мере применялось пропагандой. Данная статья предлагает остановиться на одном из самых известных и распространенных ее средств [1, Р. 14; 2, Р. 25] — «Декларации о причинах», или декларации статхаудера «о мотивах, побудивших его появиться с войском в Королевстве Англия ради сохранения протестантской религии и восстановления законов и свобод Англии, Шотландии и Ирландии», изданной с целью объяснения действий Вильгельма, так и ознакомления как можно большего числа жителей королевства с его намерениями.

Проект документа, основанный на информации, исходившей как от английских и шотландских эмигрантов, так и непосредственно из Англии, составил великий пенсионарий Х. Фахэл (Фгель) [3, Р. 286], бывший одним из важнейших сподвижников Вильгельма: ставший пенсионарием после падения Яна де Витта в 1672 г.,

он сотрудничал с Вильгельмом до своей смерти в декабре 1688 г. Гилберт Бернет, историк и религиозный деятель, сподвижник Вильгельма III, назначенный после Славной революции епископом Солсберийским, перевел текст на английский язык [4, Р. 852], придал ему подходящую форму и стиль. Затем декларация была тайно напечатана в Нидерландах [1, Р. 13] и подготовлена к транспортировке в Англию. Всего в 1688 г. вышло 21 издание декларации, она была переведена и на иностранные языки, в числе которых — нидерландский, немецкий и французский: о намерениях Вильгельма теперь знали не только немецкие князья и представители провинциальных штатов и городов Нидерландов, но и представители гугенотских диаспор, которые сильно увеличились после отмены Нантского Эдикта Людовиком XIV в 1685 г. Известным немецким правоведом Самуэлем Пуфендорфом был сделан и латинский перевод документа. Тираж декларации был весьма значителен: над ее изданием работали печатные станки сразу в нескольких городах Республики Соединенных провинций: в Амстердаме, Роттердаме и Гааге [1, Р. 12-15]. В Англию были тайно ввезены тысячи экземпляров декларации, активно распространяемой в ходе экспедиции Вильгельма. Документ поступил к книготорговцам, а также издавался на территории Англии [4, Р. 855]. Декларация активно зачитывалась в церквях и на площадях, что нередко входило в церемонию перехода того или иного города под власть статхаудера [5, С. 56].

Декларация Вильгельма III может быть разделена на несколько смысловых частей. Первая часть описывает неудовлетворительное положение Англии и сопредельных королевств, в то время как вторая выражает намерения статхаудера. В достижении данного положения обвинялся не сам король Яков II, но «злые советники», которые «ниспровергали религию, законы и свободы» королевства, в открытой форме подчиняя его своему произволу [6, Р. 1]. Усиление власти короля понималось как орудие «злых советников» для установления в стране католицизма. Они обвинялись в насаждении этой религии [6, Р. 2], выраженном в намерении строить католические

церкви, возрождать монастыри, открывать иезуитские коллежи [6, Р. 3], а также в допущении членов ордена иезуитов во власть, что создавало образ католической опасности.

Король мыслился как гарант установленной законом Англиканской церкви, однако его политика, политика веротерпимости, понималась авторами декларации как несущая угрозу для последней. Действительно, не стремясь к радикальному варианту навязывания католицизма [7, Р. 294], Яков II надеялся на то, что введение терпимости к последователям этой религии помогло бы им усилить свое влияние в королевстве, но не учитывал сильных антикатолических настроений в английском обществе [8, Р. 181]. Выпустив в 1687 г. декларацию о веротерпимости, а затем подтвердив ее в 1688 г., Яков признавал Англиканскую церковь, однако объявлял [9, Р. 397], что для занятия официальных должностей отныне не требовалось принимать клятвы и присяги, установленные законами 1661, 1673 и 1678 гг., открывая католикам доступ к занятию официальных должностей. Они получали право на открытое исповедание своей религии, сооружение культовых мест и религиозное обучение, что авторы Декларации понимали как действие, противоречившее законам и обычаям королевства.

Вильгельм же ставил своей целью защитить «протестантскую религию, законы и свободы» в трех королевствах. Он обещал созвать законный парламент, который должен был бы поправить положение дел, а также подтвердить отмененные при Якове законы, понимаемые как результат «согласия короля и парламента», законы, которые способствовали бы сохранению протестантской религии. Чтобы обеспечить успех своего предприятия, Вильгельм стремился опереться на представителей различных религиозных групп внутри королевства. Повествуя о преследованиях противников религиозной политики Якова II [6, Р. 3, 5] Вильгельм III стремился опереться на представителей различных движений в Англиканской церкви: упоминая о создании Духовной комиссии, усиливавшей контроль короля над церковными институтами, и отстранении Генри Кэмптона, епископа Лондона, пользовавшегося популярно-

стью в протестантской среде в связи с его поддержкой французских переселенцев-гугенотов [1, Р. 53], а также описывая «процесс семи прелатов», в числе которых был и архиепископ Кентерберийский У. Сэнкрофт, которые отказались последовать требованию Якова II о прочтении Декларации 1688 г. в церквях Англии и направили на имя короля соответствующую петицию, после чего были посажены в Тауэр, хотя вскоре оправданы и освобождены [10, С. 225-226]; а также несколько раз намекая на законность господствующего статуса Англиканской церкви и осуждая политику веротерпимости Якова, Вильгельм пытался обратиться к представителям Высокой церкви, которые опасались за статус англиканства как господствующей религии в королевстве. В то же время, обещая веротерпимость протестантским диссентерам, статхаудер пытался привлечь на свою сторону последних. В декларации говорится не только о веротерпимости к диссентерам, но и о взаимопонимании между англиканами и последними [6, Р. 6], которое привлекало поборников латитудинаризма (теологической позиции, сторонники которой поддерживали большую терпимость в интерпретации доктринальных норм Церкви). Терпимость к протестантским диссентерам позднее станет одной из особенностей религиозной политики Вильгельма III.

Осуждая назначение католиков на ключевые посты в управлении государством [6, Р. 4] и в армии [6, Р. 5], а также указывая на отсутствие и невозможность избрания законного парламента [6, Р. 7] при «деспотической» власти, Вильгельм обращался к джентри, землевладельцам.

Обещая скорый вывод нидерландских войск [6, Р. 8], статхаудер стремился показать, что не стремился завоевать страну. В своей второй декларации, вышедшей несколько позднее, Вильгельм отрицал используемый его противниками образ правителя, стремящегося «захватить и поработить» Англию [6, Р. 10], делая акцент на своем намерении быть защитником религии свобод королевства.

Примечательно, что в Декларации отсутствует прямое упоминание угрозы со стороны католической Франции и взаимоотношений Якова II с Людовиком XIV. С одной стороны, документ, предназна-

ченный для весьма широкой аудитории должен был иметь емкую форму, не углубляясь в подробности международной политики, с другой — важно было избежать обвинений в адрес Вильгельма в стремлении действовать в интересах Республики Соединенных провинций. Делает Вильгельм и предположение о незаконности рождения в июне 1688 г. наследника Якова [6, Р. 7]: согласно тексту Декларации, «ничего не было сделано, чтобы положить конец сомнениям». Ребенок, должен был быть воспитан в католической вере, почему декларация могла бы привлечь сторонников протестантского наследования престола, позднее оформленного законодательно в конце жизни Вильгельма: согласно «Акту об устройении» 1701 г. католики, потомки Якова, лишались права занимать престол.

Подводя итоги, стоит отметить, что декларация Вильгельма отражает тесную взаимосвязь религиозного и политического факторов в пропаганде сторонников Вильгельма. Целью своей экспедиции он провозглашал защиту «свободы и протестантской религии», а также доказывал то, что его войска были приглашены в страну представителями различных социальных групп [6, Р. 8], а религиозный фактор должен был способствовать осознанию их представителями единства, что внесло свой вклад в успех «Славной революции».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *The Anglo-Dutch moment* / ed. by J. Israel. Cambridge, 1991.
2. *Claydon T. William III and the Godly Revolution*. Cambridge, 1996.
3. *Burnet G. Bishop Burnet's History of His Own Time*. In 3 vols. Oxford, 1823, Vol. 3.
4. *Schwoerer L. G. Propaganda in the Revolution of 1688-89* // *American Historical Review*. Vol. 82, No. 4 (Oct., 1977), P. 843-874.
5. *Томсинов В. А. «Славная революция» 1688-1689 годов в Англии и Билль о правах*. М., 2010.
6. *The Declaration of His Highness William Henry, By the Grace of God Prince of Orange, etc. Of the Reasons inducing him to appear in Armes in the Kingdome of England...* The Hague, 1688.

7. *Coward B.* The Stuart Age. L., 1980.
8. *Ogg D.* England in the reigns of James II and William III. Oxford, 1957.
9. English historical documents / ed. by A. Browning. In 12 vols. L., 1953. Vol. 8.
10. *Кареев Н. И.* Две английские революции XVII века. Пг., 1924.

IV.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
СРЕДНИХ ВЕКОВ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ФУНКЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ ЦИТАТ В ХРОНИКЕ ФРЕДЕГАРА

Роль Библии в судьбах средневековой культуры огромна. Библейские сюжеты и образы вдохновляли средневековых писателей, художников, скульпторов. Языку писания подражали как церковные, так и светские авторы. Вместе с тем не следует думать, что в своих произведениях они были обязаны на каждом шагу ссылаться на него. Иными словами, заимствования носили творческий характер и определялись целым спектром параметров: от особенностей мышления конкретного автора до жанра, в котором он творил.

В последние десятилетия явно обозначился интерес медиевистов к функции библейских цитат в средневековых текстах [1, Р. 260]. Подобного рода штудии способствуют лучшему пониманию письменных источников, увеличивают их информационный потенциал. Анализ источников под таким углом может быть полезен для раннесредневековых памятников, число которых в сравнении с «классическим Средневековьем» достаточно ограничено. Данный доклад будет построен на анализе функций библейских цитат в «Хронике Фредегара» (VII в.). Сразу следует оговорить то, что в тексте данного источника интерпретации подвергнутся только эксплицитные (прямые) библейские цитаты или образы. Сначала, однако, будет дана общая характеристика самой хронике.

Хроника Фредегара — это компиляция исторических текстов, охватывающих период от сотворения мира до 642 г. Последняя редакция хронике относится к 660 г. Ее автор, чье имя науке неизвестно, принадлежал к элите франкского общества и был знаком с ее представителями, путешествовал по стране вместе с королевским двором. Его интеллектуальный багаж включал в себя, среди

прочего, сочинения Евсевия Кесарийского (в латинском переводе), Иеронима, Идация, Григория Турского, Исидора Севильского. С большой вероятностью аноним читал житие святого Колумбана, написанное Ионой из Боббио [2, S. 47].

Первое, что бросается в глаза при работе с хроникой, малое количество эксплицитных библейских цитат и образов. Чем это вызвано?

Возможным ответом на этот вопрос является жанр памятника. В прологе к IV книге франкский автор определяет сочинения своих именитых предшественников, которые он взялся продолжить, в качестве хроник [3, S. 123]. Какой смысл вложен в это слово средневековым автором? Чуть ниже читаем: «слово это греческого происхождения, что переводится на латинский [язык] как деяния времен» [3, Ibid.]. Важным также является и смена объекта историописания. Если Григорий Турский, чьи «Истории» предшествуют IV книге Фредегара, намеревается описать «войны царей с враждебными народами, мучеников с язычниками, церковей с еретиками», то анонимный хронист обещает рассказать «о деяниях королей и войнах народов», о том, что он «прочитал, услышал или чему был свидетелем» [3, Ibid.].

Теперь непосредственно обратимся к функции Библии в хронике. Первая цитата располагается внутри легендарной истории о Велизарии. Его жена, по Фредегару из амазонок, предлагает ему помощь в решении вопроса, связанного с грядущей военной кампанией. Тот отказывается от помощи своей жены, мотивируя это тем, что в военных вопросах не следует консультироваться с женщиной. Но чуть дальше уступает просьбам Антонины, которая приводит цитату из послания к коринфянам (Коринф.7:14): «неверующий муж спасется верующей женой». Тот принимает крещение и получает совет от жены. Далее в войне с вандалами знаменитому полководцу сопутствует успех. На первый взгляд сюжет явно дидактический. Но текстовая реальность сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Н. С. Горелов отметил, что образ Антонины построен на

контрасте христианского смирения и жестокости (согласно хронике по ее наущению вырезают все мирное вандалское население) [4, С. 40]. Таким образом, нельзя сказать, что в данном случае сюжет однозначно дидактический.

Вторая эксплицитная цитата находится в сообщении об обретеннии туники Христа в Иерусалиме в 591 г. Хронист цитирует псалом Давида: «И они бросят жребий на мое одеяние» (Пс.21:22). Любопытны также обстоятельства, приведшие к ее обретеннию. Некий еврей Симон, которого, судя по всему, подозревали в том, что он знает о местонахождении знаменитой реликвии, пытали [3, S. 126]. Под пытками он сообщил, что она находится в мраморном склепе в городе Яффа [3, Ibid.]. Нахождение столь важного с точки зрения христианства артефакта взбудоражило даже такого безучастного к религиозным сюжетам автора, как Фредегара, что он упомянул об этом.

Третий сюжет связан с образом Брунгильды в качестве ветхозаветной Иезавели [3, S. 135]. Он уже попадал в поле зрения исследователей [5, P. 1-48]. Параллель, приведенная франкским хронистом между ветхозаветной царицей и своенравной королевой франков, не случайна. Как легендарная Иезавель противостояла пророку Илии, так и Брунгильда серьезно конфликтовала со святым Колумбаном. Ирландский монах не желал участвовать в ее политических интригах.

Ярко выраженного интереса к религиозным сюжетам франкский хронист не питал. Он не ставил перед собой цели написать церковную историю. И дело здесь не столько в рамках и канонах жанра хроники, если таковые вообще есть, сколько в сознательном выборе самого автора, писавшего «деяния королей и войны народов». Интерпретация такого ограниченного числа цитат представляет еще и те трудности, что «микроцитаты» из Библии не всегда являлись «сознательной отсылкой к тому или иному месту Священного Писания» [6, С. 126-127], так как библейские тексты лежали в основе средневекового образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Early Medieval Europe. 7(3). Oxford, 1998.
2. *Collins R.* Die Fredegar Chroniken. Hannover, 2007. S. 47.
3. *Scriptores rerum Merovingicarum 2: Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch.* Hannover, 1888.
4. *Горелов Н. С.* Жизнеописание Велизария в «Хронике Фредегара» // *Albo dies notanda lapillo.* Коллеги и ученики Г. Е. Лебедевой, СПб., 2005. С. 40.
5. *Nelson J. L.* Politics and Ritual in Early Medieval Europe. L., 1986. P. 1-48.
6. *Ранчин А. М., Лаушкин А. В.* К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании // *Вопросы истории.* 2002. №1. С. 125-137.

**ДОКУМЕНТЫ ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ
ПАРИЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ИЗДАНИИ
ГЕНРИХА ДЕНИФЛЕ «CHARTULARIUM UNIVERSITATIS
PARISIENSIS»(1889–1897)**

Историк, избравший для своей работы тему, связанную с Парижским университетом, немедленно сталкивается с тем, что круг источников довольно ограничен, и в основном это актовый материал. Соответственно, издание Денифле является источником, совершенно необходимым исследователю, занимающемуся историей Парижского университета, поскольку содержит все известные на тот момент документы, касающиеся данной темы. Мне представляется очень полезным представить этот труд, провести обзор документов, которые в нем содержатся, определив, какие темы чаще всего затрагиваются в этих документах, от кого они чаще всего исходят и с какими внешними обстоятельствами связано их появление. Наличие этой информации может существенно облегчить задачу исследователя.

Хронологические рамки моего исследования определяются следующим: 1200 г. — первая известная нам королевская хартия с привилегиями магистрам и школярам, от издания которой и принято отсчитывать историю Парижского университета. Этим документом Филипп-Август вывел членов ученой корпорации из юрисдикции прево и подчинил их епископскому суду в лице канцлера собора Нотр-Дам. Верхней хронологической границей этого исследования является год издания привилегии «*Parens scientiarum*» 13 апреля 1231 г., ограничившей вмешательство канцлера в дела университета, предоставившей университету широкие привилегии и определившей программы обучения для артистического и теологического

факультетов. В результате великого исхода студентов и магистров из Парижа в 1229–1231 гг., после того, как дело против городских властей разрешилось, стараниями Священного престола, в пользу корпорации, университет стал гораздо более зависим от Папы.

Генрих Денифле (1844–1905) — член ордена доминиканцев, известный ученый, занимавший более двадцати лет пост помощника архивариуса в Ватиканских архивах. Наибольшую известность ему принесли работы, касающиеся Лютера и лютеранства, которые, впрочем, современным католическим и лютеранским исследователям представляются довольно спорными. Более десяти лет он работал над изданием собрания грамот из архива Парижского университета.

Он нашел множество недостатков в работе французского исследователя XVII в. Цезаря Эграссуса де Буле «*Historia Universitatis Parisiensis*», посвященной истории университета, и задумал написать свою историю, основанную на оригинальных документах. Свою работу он решил начать с рассказа о происхождении такого явления как средневековый университет, благо у него уже имелись наброски этого труда. В 1885 г. вышел том под названием «*Die Universitäten des Mittelalters bis 1400*» — средневековые университеты до 1400 г. Он планировал выпустить еще 4 тома.

Однако в 1885 г. Генеральный совет факультетов Парижа постановил издать Картулярий, записи по истории Парижского университета, и эта задача была поручена Денифле, которому в помощники был приставлен Эмиль Шателен, библиотекарь Сорбонны. Это давало Денифле шанс ознакомиться со всеми документами, необходимыми для его труда, поэтому он согласился взяться за эту задачу.

Работа Генриха Денифле «*Chartularium Universitatis parisiensis*» состоит из 4 томов. В 1889 г. вышел первый, охватывающий период с 1200 по 1286 г., включавший в себя 530 оригинальных документов, из которых 55 относятся к периоду до основания университета, 1163–1200 гг., и касаются различных вопросов, связанных с его будущей организацией. В 1281 — второй, 1286–1350 гг., 661 документ,

в 1894 — третий, 1250–1384 гг., 520 документов, в 1897 — четвертый, 1384–1452 гг., 998 документов. Затем вышло еще два тома с дополнениями, куда, в частности, вошли все документы, касающиеся наций, в том числе «*Liber Procuratorum Nationis Anglicanae*», охватывающая период с 1333 по 1446 гг. Кроме того, в первом томе изданы 55 грамот по истории преподавания, вышедших раньше 1200 г. Документы, собранные в картулярии, касаются внутреннего устройства университета, его организации, известных профессоров и студентов, отношений с Папами и королями и противоречий в тот период, когда университет был главным европейским центром теологического образования. Все они изданы по нормам XIX в., соответственно, без источниковедческих примечаний. К каждой грамоте дана краткая аннотация на латинском языке, предисловие также дано на латыни. Работа Денифле является базовой для любого исследователя, занимающегося Парижским университетом и смежными темами. В ней использован широкий круг источников: автор сравнивает разные списки и оригиналы между собой, всегда отмечает все известные ему копии, предоставляет ссылки разные публикации и указывает все разночтения. Издание, хотя и не критическое, обладает очень подробным аппаратом.

Меня интересует период с 1200 по 1231 г., соответственно — первый том. Первый том предваряется обширным аналитическим введением. Сначала автор доказывает значимость своего труда и сравнивает его с работами предшественников: Карла Журдэна и Цезаря Эргассиуса Булея. Во второй части введения Денифле разъясняет, каким именно образом в документах 1200–1286 гг. освещена история университета. Она состоит из нескольких разделов: понятие *Universitas* и его эволюция с течением времени, четыре факультета, происхождение должности канцлера, ее происхождение и история взаимоотношений канцлера и корпорации, зарождение университета, происхождение четырех наций, происхождение должности ректора и ее эволюция, методы преподавания и некоторые дополнительные сведения о принципе публикации источников.

Третья большая часть введения называется «Источники», и здесь сказано, какого рода документы изданы и где они хранятся. Денифле использовал обширный круг источников: это оригинальные документы, регистры, картулярии Парижских церквей, книги привилегий нищенствующих орденов и, разумеется, грамоты самого университета. Я собираюсь провести их краткий обзор.

Примерно две трети сохранившихся документов 1200–1231 гг. составляют папские буллы. Их содержание свидетельствует о том, что Папой решались важнейшие вопросы, касающиеся университетской жизни: он устанавливает порядок обучения, правила, по которым выдается *licentia docendi* (документ, предоставляющий выпускнику право преподавать в Париже и в других школах), определяет список запрещенной литературы, выступает судьей в спорах между членами корпорации и местными иерархами. Именно к нему члены корпорации обращаются за защитой, и большая часть булл касается университетских привилегий и их защиты. В сохранившихся актах, исходящих от Папы, освещаются следующие темы.

I. Первая группа актов — это документы, касающиеся конфликтов университета и духовной местной власти.

II. Вторая группа актов касается урегулирования отношений университета с высшей светской и местной духовной властью в связи с событиями 1229–1230 гг., когда из-за конфликта университета с городскими властями множество студентов и магистров покинуло город и прекратило преподавание в Париже.

III. Третья группа документов касается организации учебы, определения статуса членов корпорации.

IV. Парижский университет мыслился в Риме, в первую очередь, как место подготовки защитников католической веры в борьбе с идейными оппонентами Апостольского престола. На значение Парижского университета указывает послание Иннокентия III 25 мая 1205 г., в котором Папа призывает магистров и школяров Парижского университета не бояться, откликнуться на призыв императора Константинополя и приехать туда, чтобы реформировать

изучение писания. По упомянутому в грамоте инициалу «В.» и по дате, становится понятно, что речь идет об императоре Латинской империи Балудине I Фландрском (1204–1205) и Папа призывает ехать в земли, только что занятые крестоносными войсками.

V. Довольно большое число документов связано с Нищенствующим орденами. Орден Проповедников, основанный Св. Домиником в 1214 г. (устав утвержден в 1216 г.) и Орден Меньших братьев, основанный Св. Франциском в 1208 г. (устав окончательно утвержден в 1223 г.), были важнейшим инструментом Апостольского престола в деле борьбы с ересями, угрожавшими целостности католической церкви, и в утверждении папской политики на местах в случае противостояния местных церковных или светских властей. И Гонорий III, и Григорий IX были заинтересованы в том, чтобы Нищенствующие ордена закрепились в Париже и могли привлекать в свои ряды новых братьев из ученого сословия. Грамот, касающихся доминиканцев среди подборки Г. Денифле, вообще, больше всего, нет смысла приводить их все, по большей части, они касаются конкретных представителей Ордена, о которых мало что известно.

Акты, не исходящие от папы, составляют меньшинство. Это в частности королевские дипломы, постановления Парижского епископа и капитула и других епископов (Труа — акт №18, Римини, Сен-Квинтини и Сенлиса — №61); встречаются и личные письма. Особо важным документом является грамота №42 — первый и единственный за данный период документ, исходящий от самой корпорации, от имени *Universitas*.

Моей целью было по мере возможности описать, что представляет собой сам труд и более подробно рассказать о той его части, где собраны акты за 1200–1231 гг. Хотя многие документы, собранные в нем, широко известны, другие, напротив, можно найти только здесь; соответственно, по некоторым вопросам Денифле дает уникальные сведения, которые нигде больше нельзя найти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chartularium Universitatis parisiensis. Sub auspiciis Consilii generalis facultatum parisiensium ex diversis bibliothecis tabulariisque collegit et cum authenticis chartis contulit Henricus Denifle auxiliante Aemilio Chatelain. 1889.
2. Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. / под ред. Г. И. Липатниковой. Воронеж, 1973.
3. The universities of Europe in the Middle Ages. Vol. 1. L., 1895.

**«СВЯЩЕННОЕ БРАКОСОЧЕТАНИЕ
СВЯТОГО ФРАНЦИСКА С ГОСПОЖОЙ БЕДНОСТЬЮ»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

«Священное бракосочетание» (Дальше — СБ) — это легенда, написанная анонимным автором XIII в. Самые ранние ее списки были датированы XIV в. Произведение повествует об аллегорическом брачном союзе святого Франциска Ассизского с госпожой Бедностью. Этот сюжет переживает десятилетия и становится неотъемлемым атрибутом образа Франциска. Например, Данте Алигьери упоминает его, описывая читателю Ассизского святого [1, С. 384-388]. Акцентирование внимания в образе Франциска на бедности (материальном аспекте жизни Христа), на мой взгляд, является одним из ключей, открывающих образ Франциска как человека, давшего толчок эпохе Возрождения в Италии. Человек XIII в. хочет видеть в Христе больше земной его природы, нежели божественной, концентрируя внимание на рождении и распятии Спасителя. В то же время образ Франциска приближается к Христу через стигматы и бедность. Этот процесс сближения человека с Богом стремительно развивается уже в XIV в., что сподвигло меня включить рассматриваемую легенду в источники, которые позволяют реконструировать образ Ассизского святого в XIV в.

Данный источник не атрибутирован в русской историографии, поэтому цель работы — произвести его атрибуцию. В данном случае, под атрибуцией понимается установление авторства и даты создания произведения. Для этого будут привлечены агиографические произведения: «Житие первое святого Франциска» (Дальше — 1Чел), «Житие второе святого Франциска» (Дальше — 2Чел) за авторством Фомы Челанского и «Большая легенда» (Дальше — БЛег)

Бонавентуры из Боньореджо. В исследовании использовались труды А. Гаусрата, П. М. Бицилли и В. Герье и др.

В русской историографии принято переводить *commercium* (лат.) как обручение. *Commercium* можно понимать и как союз, и как бракосочетание. Эта дилемма ставит вопрос о характере отношений между Франциском и Бедностью. Постараемся доказать, что автор все же понимает под *commercium* именно бракосочетание.

Первым делом на себя обращают внимание следы куртуазной литературной традиции: мотив поиска, преодоления препятствий, служения даме и пирах. «Скажите мне, я умоляю, где госпожа Бедность обитает, ..., потому что ее любовью я изнемогаю» [2, Р. 1707], — типическое выражение героя, который находится в поиске своей сеньоры. В главе «Блаженный Франциск превозносит Бедность» Святой воспевает красоту и благородство дамы сердца, подобно Ивейну, Ланселоту и другим героям куртуазных романов. Эта и последующая главы объясняют читателю, что до рождения Христа Бедность никто не искал. Сын Бога сошедши с небес принял ее в себя и «словно обрученную украсил венцом и поднял сверх высоты облаков» [2, Р. 1711]. Церемония омжажа рыцаря с дамой представляет устный договор. Завершив ее, он спускаются с горы, и устраивают пир, чтобы отпраздновать бракосочетание.

Теперь вернемся к главе, где Франциск превозносит Бедность. Иисус описан в ней как жених Бедности. Христос-жених — распространенная в среде мистиков аллегория. Его женят и с Церковью, и с реальными людьми. Петр Датский, например, видит в Христине «истинную невесту христову» [3, С. 135]. После распятия Сын Бога возвращается на небеса и оставляет свою возлюбленную под надзором апостолов. Когда люди забывают главный завет Христа — жизнь в бедности, появляется св. Франциск. Он находит покинутую и возвращает в общество — поднимает до высот ее приоритет. Получается, что образ Христа-жениха переносится на Франциска.

Также на очень интимные отношения между персонажами указывает частое цитирование «Песни Песней Соломона». Пользование терминологией «Песни» указывает на то, что автор хочет

передать отношения «жениха» и «невесты» [3, С. 127]. Данная книга Ветхого Завета, пожалуй, единственная описывает элементы плотской любви так подробно. Это притягивало средневековых авторов, желающих передать всю полноту человеческих чувств. Приходим к единственному выводу: *commercium* следует понимать только как бракосочетание.

Изначально отношения наших героев не были супружескими. Бедность всегда упоминается в житиях Франциска Ассизского, поэтому восстанавливать «карту трансформации» по этим источникам удобно. Ограничимся наиболее известными: 1Чел (1229 г.), 2Чел (1242 г.), БЛег (1263 г.).

1Чел не упоминает о Бедности как невесте, там невеста — это «чистое и непорочное благочестие» [4, С. 203]. Такое понятие включает в себя множество добродетелей и притом не дает приоритета какой-либо одной, как в СБ. Спустя 13 лет в новом произведении Челано мы находим близкий искомому образ: «И поскольку он видел, что бедность, будучи близкой Сыну Божию, ..., он возжелал соединиться с ней в вечной любви. Поэтому, возлюбив ее красоту и желая более прилепиться к супруге своей и быть с ней одной плотью, ... он ... ни на мгновение не переставал быть ее супругом» [5, С. 379]. Обратим внимание на статус: она не невеста Христова, но близка к нему; и нет утверждения, что Бедность — царица всех добродетелей. Во 2Чел существенно меняется связь Франциска с Бедностью в сторону супружеских отношений. В БЛег Бедность не только невеста Святого, но носит отныне титул «добродетели царственной» [6, С. 582]. Чтобы объяснить эти метаморфозы, потребуются обратиться к внутренней жизни ордена.

1Чел было начато сразу после канонизации Франциска в 1227 г., когда дисциплина в ордене переживала упадок. Со вступлением в орден огромного количества новичков, резко понизился процент истинных последователей Франциска. Заданная им планка строгости жизни, оказалась слишком высока. Так, уже к концу 20-х гг. подавляющая часть миноритов не стеснялась накапливать подаяния, жить в домах и пренебрегать работой. Своеобразный идол

того времени — Илья Кортонский, генеральный министр. Он наслаждался своей властью так, как это делал бы мирской владыка. Управление Ильи отличалось полной противоположностью смирению и нищенству, которыми прославился основатель ордена [7, С. 213]. Приблизительно в 1238 г. Папа Григорий посылает Илью с сообщением к воинствующему Фридриху II. Однако тот остается у императора. Ситуация в ордене меняется, когда в права генерального министра вступает Гийом. Орден оздоравливается, и при Гийоме влияние приобретают сторонники Правила Франциска. После позора, который наложил на орден Илья, потребовалось обновление жития Святого. В 1Чел автор поддерживает Илью, во 2Чел объясняет, что его выбор на пост генерала — недоразумение. Помимо этого, вторая книга дополняет образ Франциска эпизодами, которые иллюстрируют исключительную строгость соблюдения евангельского идеала. Главным камнем преткновения в жизни братьев становится исполнение идеала бедности. Воплощение Правила Святого в жизнь начинается с Гийома и достигает пика при Иоанне Пармском. Бонавентура, пришедший на смену Иоанну, балансирует между большинством братьев и ревнителями Правила. Он продолжает отводить бедности первенствующее место, но при этом не стремится достигнуть полной строгости ее соблюдения.

Отсюда делаем вывод: наша легенда была написана, вероятно, после окончания 2Чел в 1244 г. Ее более раннее создание исключают еще не сложившийся образ Бедности-невесты в 1Чел, а также титул Блаженного, который не мог использоваться до канонизации. Отметим, что СБ не имеет прямых заимствований из других источников. Главы, несущие дидактическую нагрузку (9; 10-12; 14-24; 27-31) не повторяют Правил или Завещания Франциска, наоборот, обрастают новыми предостережениями. Например, рассказы о «ложных бедняках» — францисканцах, не желающих просить милостыню и работать.

В 1247 г. пост генерального министра занимает Иоанн Пармский. С его приходом в ордене распространяется по всем монастырям

иоахимистическое учение [7, С. 219]. Оно было создано Иоахимом Флорским — калабрийским аббатом, умершим в 1202 г. В его предсказаниях группа ревнителей увидела себя на главном месте. Преисполнившись самомнения, они впали в апокалиптические мечтания о свержении Вавилонской Блудницы — Папской курии [7, С. 221]. Так, разделяя настроения ревнителей благочестия, автор нашей легенды, вероятнее всего, должен был подвергнуться иоахимистическому влиянию. Однако в легенде мы не найдем увлеченного цитирования книги Апокалипсиса, что было свойственно ревнителям 50-х гг. Из 332 ссылок на священное Писание — лишь 13 цитируют Апокалипсис, что составляет незначительные 3,9% от их общего числа. Автор был явным сторонником идеальной жизни Франциска и испытывал влияние партии ревнителей, но увлеченный, притом, не впадал в крайности. Таким образом, предположительно, наша легенда была написана между 1244 и 1247 гг. Датировка примерная, поэтому оговоримся, что временные рамки остаются плавающими.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Данте Алигьери*. Божественная комедия / пер. с ит. О. Чюминой. СПб., 2014.
2. *Sacrum commercium sancti Francisci cum domina Paupertate* // а. с. di S. Brufani, in *Fontes Franciscani*, а с. di E. Menestò, S. Brufani [et alii]. Assisi, 1995. P. 1705-1732.
3. *Бицилли П. М.* Элементы средневековой культуры // П. М. Бицилли. *Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф. Б. Успенский; отв. ред. М. А. Юсим. М., 2006.*
4. *Фома Челанский*. Житие первое святого Франциска // *Истоки францисканства: Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара Ассизская: писания и биография / координатор изд. Э. Кароли; общ. ред. А. Вичини, Я. Ан. М., 1996. С. 193-324.*
5. *Фома Челанский*. Житие второе святого Франциска // *Истоки францисканства: Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара Ассизская: писания и биография / координатор изд. Э. Кароли; общ. ред. А. Вичини, Я. Ан. М. 1996. С. 329-520.*

6. *Бонавентура из Боньореджо*. Большая Легенда // Истоки францисканства: Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара Ассизская: писания и биография / координатор изд. Э. Кароли; общ. ред. А. Вичини, Я. Ан. М., 1996. С. 521-704.
7. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино / пер. с нем. Гаусрат А.; под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 2-е. М., 2012.

**«КНИГА ИМПЕРАТОРА СИГИЗМУНДА»
ЭБЕРХАРДА ВИНДЕКЕ: ПРОБЛЕМА ЖАНРА**

Эберхард Виндеке (ок. 1380 – ок. 1440) — бюргер из имперского города Майнц, приближенный и слуга Сигизмунда Люксембургского, короля и императора. В конце своей жизни составил труд, представленный на настоящий момент шестью средневерхненемецкими неоригинальными рукописями XV–XVI вв. Неизвестно, какое заглавие дал сам Эберхард; тем не менее, устоялась традиция объединять эти манускрипты под названием «Книга императора Сигизмунда» — так автор единожды обозначил свой труд в самом тексте [1, S. 449]. Источником ему служила его собственная память: «и это я распорядился записать в году, как считают 1437 лет от Рождества Христова; с того момента, как я родился, как я себя помню и как я стал личностью, прошло около 40 лет, и виденное и неискаженное мною с того времени я удержал в памяти», — заявляет Виндеке ближе к концу «Книги» [1, S. 414]. Кроме того, в его распоряжении был и более надежный источник, чем зыбкие воспоминания — разнородные документы, вставленные в сам текст: грамоты с указами Сигизмунда, королевская переписка, постановления рейхстагов. Встречается предположение, что доступ к ним Эберхард мог получить благодаря личным связям с придворным канцлером Каспаром Шликом [2, S. 294].

Виндеке — один из центральных источников по правлению Сигизмунда в Венгерском королевстве, Империи и Чешском королевстве (1387–1437), наряду с хрониками Ульриха Рихенталя, Лаврентия из Бржезовой и Яноша Туроци. Ни одно сколь-либо крупное исследование Сигизмунда не обходится без ссылок на «Книгу», либо

публикации миниатюр, представленных в некоторых ее рукописях. Однако более пристальное обращение к ней порождает у историков сложности: мера близости копий к утраченному оригиналу до сих пор неясна, все еще дискуссионны мотивы написания и неопределены личности возможных заказчиков. Проблема жанровой принадлежности «Книги», иначе говоря, вопрос «Чем является труд Эберхарда Виндеке?» — одна из подобных сложностей, вызвавшая споры в историографии Виндеке.

Само словосочетание «das keiser Sigismundus-büch» наталкивает на мысль, что «Книга» имеет жанр биографии. В пользу этого говорят и обстоятельства ее написания, которые Эберхард обозначил во вступлении: там говорится, что Виндеке «по большой просьбе со стороны князей и господ» продиктовал своему слуге Генриху из Нюрнберга «дословно все, что совершил наш господин император Сигизмунд за свою жизнь своими разумными деяниями и речами» [1, S. 1]. Таким образом, автор получил, говоря нынешними словами, политический заказ на создание биографии только что почившего в 1437 г. императора.

Какого рода биографию составил Эберхард? Архивисты и эрудиты XVI–XVIII вв. (Блоций, Лейбниц, Хардт, Менке), интересовавшиеся этим трудом, обозначали его по-латыни как *Vita Sigismundi imperatoris*, т. е. видели в «Книге» жизнеописание императора Сигизмунда [3, S. 614–615; 4, P. 6–7; 5]. Вполне вероятно, что употребленные во вступлении слова «жизнь», «деяния» и «речи» побудили их, знакомых с Античностью, видеть в Виндеке подражателя Светония, воспроизводителя жанра римской классической *vita*, возродившейся в эпоху Ренессанса. Иоганн Буркхард Менке, первый публикатор Виндеке, убежден в достоверности и непредвзятости Эберхарда, «поскольку тот описал вещи, при которых сам присутствовал» [6]. Однако «Книга» лишена той беспристрастности и того оценочного подхода, которые декларируются Светонием, Тацитом и гуманистами. Эберхард — человек зависимый от Сигизмунда, его «бедный челядин» [1, S. 171] (а также простолюдин, имеющий крайне

туманное представление об античной истории). Естественно, что он пристрастен к своему патрону, не имеет никакого желания это скрывать и ни за что бы не дерзнул судить своего господина. Наоборот, он стремится воспеть его.

Объяснение этому можно найти, к примеру, в той роли, которую сыграл Сигизмунд в судьбе Эберхарда: Виндеке, происходивший из обедневшего патрицианского рода, получил от короля за свою службу часть дохода от таможи в Майнце, и еще некоторые пожалования, стал весьма влиятелен в городе. Можно сказать, что его род оказался на пути к аноблированию. Чувство благодарности не раз проявляется в тексте.

Иные причины субъективности источника можно увидеть, если принять во внимание обстоятельства написания: по сообщению самого Эберхарда, он написал свой труд «по большой просьбе со стороны князей и господ». Скорее всего, эти «князья и господа» обратились к Виндеке с просьбой уже после смерти Сигизмунда в 1437 г. Этот государь проправил очень долго: 50 лет в Венгрии, 26 — в Империи, 17 — в Чехии. Вполне можно предположить, что его смерть в 1437 г. была для всех резким и неожиданным изменением привычной жизни. Голос Виндеке, создавшего памятник этому королю, исходит от лица любящих этого правителя людей: дела Сигизмунда (избавление христиан от Схизмы, Чехии — от еретиков-гуситов, защита Венгрии от турок) определенно вызывали тогда у многих восхищение, вопреки стереотипу, сложившемуся впоследствии в национальных историографиях. Эберхард желал написать именно такого рода «книгу», земной дом короля, а не классическую *vita*, в которой может встречаться одобрение, но никак не преклонение и любовь.

Ввиду крайне слабого распространения жанра биографии в Средние века, сложно, на мой взгляд, найти сходные с «Книгой» произведения. От ренессансных биографий, к примеру «*Vita Sigismundi imperatoris*» Энея Сильвия Пикколомини [7, S. 109–114], она отличается очень четко не только по своей природе, но и структуре.

Однако жанр «Книги» не исчерпывается чертами биографии. Стоит заметить, что полная фраза, в которой Виндеке определил свой труд, звучит так: «Здесь кончается книга императора Сигизмунда и то, что отчасти произошло в его время» [1, S. 449]. Примерно две трети «Книги» повествуют о Сигизмунде и об истории управлявшихся им государств, образуя некоторое единство; но в оставшейся трети говорится о вещах самого разного рода, не вполне вписывающихся в законченное произведение. Грубо их можно разделить на три группы: 1) частые описания событий Столетней войны, а также 15-страничная история Жанны д'Арк; 2) тексты религиозного характера: отрывок из некоего жизнеописания Св. Иеронима, пророчества Св. Хильдегарта, жившего в XII в., современного Эберхарду священника Зигевалла; 3) рассказ о мелких происшествиях, которые сам автор видел или слышал: для примера приведу названия некоторых капитулов — «Здесь в Дюнкирхене, находящемся во Фландрии, был выловлен кит, давший 120 тонн жира» (далее говорится, что автор самолично его измерил), или же «Как некто по имени Хенне фон Дуннен захотел поскакать к епископу Майнцскому, поехал через болото и утонул вместе с лошастью». Надо подчеркнуть, что повествование в «Книге» крайне неструктурировано: есть примеры, когда не только отдельные капитулы никак не связаны друг с другом в отношении своего предмета, но и в одном отдельном капитуле иногда одна тема резко сменяется другой.

Йозеф Ашбах и Вильгельм Альтманн, одни из первых исследователей Виндеке, точно определили весь труд как «Denkwürdigkeiten» («достопамятные события»); Альтманн же, указав также на отрывочность и всеевропейский охват повествования, усмотрел близость «Книги» к средневековым всемирным хроникам [8, S. 453; 1, S. VII]. Сейчас против этой дефиниции активно возражает Петер Йоханек, который считает, что это изобретенное учеными слово подменяет обозначение, данное самим автором («Книга императора Сигизмунда») [9, S. 145]. На мой взгляд, Виндеке действительно замыслил

создать биографию, но в итоге создал нечто среднее между биографическим и общеисторическим произведением: он был не ученым мужем, способным сконцентрироваться на предмете своего повествования, а стариком-обывателем, которого обуревало желание поведать другим обо всем, что он узнал за свою жизнь и что счел достопамятным.

Кроме того, в «Книге» говорится также и о жизни самого автора. Причем Эберхард не просто ограничился тем, что представил-ся читателю: он анализирует свою судьбу, благодарит Сигизмунда, который наделил его «некоторым значительным наследственным кормлением» (частью ренты с таможни в Майнце) [1, S. 199], и не раз высказывает свое мнение о том, что происходило и происходит, что резко контрастирует со смиренной анонимностью средневековых хронистов. Не только Сигизмунд, но и сам автор вписан в контекст времени. Пока затруднительно сказать, какого рода автобиографию представляет «Книга», сомнительно, что ее можно отнести к числу ренессансных, как утверждает Р. Скорка [10, 15. old.]. Общее — то, что Виндеке, как и, к примеру, Джованни Конверсини, стремится навязать читателю свой образец, убедить в своей добродетельности: Эберхард нередко напрямую поучает, например во вступлении: «Также никто из юношей не должен прозябать в своей стране: он должен своей службой искать покровителей (как делал я, Эберхарт Виндек), тогда все единодушно отдадут ему честь и хвалу, и пускай он побуждает себя и всех своих быть честными и благочестивыми, как поступал я со всеми своими» [1, S. 2]. Но в то время как простолюдин-Виндеке похваляется напрямую, ренессансные автобиографы прибегают к разного рода намекам и иносказанию, чтобы понравиться читателю. Несходство видно также в том, что желание восхвалить своего патрона в авторе столь же сильно, как и пристрастие навязывать свою точку зрения и свой образец: при всем этом нельзя отказать Эберхарду в скромности, доходящей до самоуничтожения, когда тот, восхваляя щедрость Сигизмунда называет себя «бедным челядином».

Итак, «Книга» как целое имеет тройной жанр, который я бы определил как биографию с чертами автобиографии и всемирной хроники. Сложность его объяснима через личность автора «Книги»: Виндеке — малоначитанный бюргер, а не ученый муж, — не умел концентрироваться на предмете повествования. Возможно, дело также в том, как Виндеке составлял свой труд: он диктовал своему слуге все, что мог вспомнить. Устный характер произведения вполне объясняет дисперсию и фрагментарность «Книги».

Жанровое своеобразие труда требует осмысления и в общеисторическом плане: «Книга» демонстрирует как черты, свойственные средневековым всемирным хроникам (отрывочное общеисторическое изложение), так и те, которые в Центральной Европе получают свое развитие только в эпоху раннего Нового времени (жанр воспоминаний и дневников, в которых автор открыто выражает собственное мнение и не стесняется говорить о себе).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Eberhart Windeckes Denkwürdigkeiten / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893.
2. Lorenz O. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des 13. Jahrhunderts. Bd. 2. Berlin, 1887.
3. Menhardt H. Verzeichnis der altdutschen literarischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. Bd. 1. Berlin, 1960.
4. Hardt H. von der. Rerum universalis concilii Constantiensis tomus 5. De praeclaro apparatu et incorporabili pompa magni hujus concilii. Frankfurti et Lipsiae, 1699.
5. Eberhardi Windeckii Mogunt. Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula // Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728.
6. Mencke J. B. Praefatio // Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728.
7. Aeneae Sylvii vita Sigismundi imperatoris // Palacký F. Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte. Prag, 1838.

8. *Aschbach J.* Geschichte Kaiser Sigmunds. Bd. 4. Hamburg, 1845.
9. *Johaneck P.* Eberhard Windecke und Kaiser Sigismund // Sigismund von Luxemburg. Ein Kaiser in Europa / Hrsg. von M. Pauly und F. Reinert. Mainz am Rhein, 2006.
10. *Skorka R.* Előszó // Eberhard Windecke emlékirata Zsigmond királyról és koráról. Budapest, 2008.

КОРОЛЬ И КОРОЛЕВСТВО В «ХРОНИКЕ» ЭДУАРДА VI

Эдуард VI, последний представитель мужского пола дома Тюдоров, правивший с 1547 по 1553 гг., вплоть до сегодняшнего дня остается малоизвестной фигурой, как для исследователей, так и для обывателей. Для большинства людей, мало знакомых с историей Англии раннего Нового времени, юный монарх известен, прежде всего, как персонаж сказки Марка Твена «Принц и Нищий». Да, слава обошла стороной мальчика, на которого в свое время английское общество возлагало большие надежды. На слуху имена его деда — Генриха VII, выведшего королевство из упадка, оставленного «войной Роз», отца — Генриха VIII, запомнившегося своим роскошным ренессансным двором, разрывом с Римской церковью и большим количеством браков. Сестры Эдуарда, занимавшие престол после ранней кончины монарха, также получили, куда большую известность: Мария — из-за ненависти английских протестантов к попыткам возвращения католицизма на острова, и Елизавета — «королева Бесс», чье весьма продолжительное правление ознаменовалось «Золотым веком» английской истории. Именно из-за отсутствия великих свершений и великих аномалий, Эдуард VI мало интересен для мировой, и почти не вызывает интереса в отечественной исторической науке.

Однако напрасно шестилетнее правление последнего представителя династии Тюдоров мужского пола оказалось забытым. Именно в эти годы процессы конфессионализации в Англии приобретают широчайшие масштабы. Помимо этого, правление Эдуарда запомнилось противостояниями в регентском совете, вылившимися в смещение лорда-протектора. Но интересно и наследие самого

монарха: король оставил после себя ценный источник, написанный собственноручно и отражающий различные события жизни Англии с 1547 по 1552 гг.

Вплоть до сегодняшнего дня рассматриваемый источник, именуемый в отечественном научном сообществе «дневником Эдуарда VI», активно привлекается зарубежными тюдороведами в своих исследованиях. Однако описываемое сочинение все еще ставит перед исследователями целый ряд вопросов. Для начала, вопрос именования. Юный король использовал слово «Хроника» в заглавии и повторил его еще раз на 14 листе [1, Р. 209]. Гилберт Бернет, опубликовавший дневник в 1681 г. в своем труде «История английской реформации» озаглавил королевские записи как «Журнал» [2, Р. 112]. Здесь я хотел бы подчеркнуть, что хотя одним из значений термина «Journal» и является значение «дневник», то здесь, в отношении записей Эдуарда VI, скорее всего, лучше говорить «журнал персональных записей», а не о понятии «дневника», которое приобрело к нашему времени более специальное значение, подразумевающие обязательное наличие эмоционального и чувственного наполнения. Использует именование Г. Бернета и Джон Николс, издавший в 1857–1858 гг. дневник в составе двухтомного сборника «Литературные памятники Эдуарда VI» [1, Р. 209]. Уилбур Джордан в 1966 г. публикует сборник «Хроника и политические бумаги Эдуарда VI», т. е. повторяет авторское именование. Последнее издание Джонатана Норта «Английский мальчик-король: Дневник короля Эдуарда VI, 1547–1553», отдает предпочтению, названию «дневник», что и отразилось в употреблении английского «Dairy» [3, Р. 1188].

Чтение королевских записей наводит на мысль, что все издатели в вопросе именования были правы и неправы одновременно. Дело в том, что по стилю оформления и форме записи событий «дневник» можно разделить на два источника. Первая часть, содержание которой я рассмотрю в докладе, охватывает события с 1547 по 1549 гг. Здесь мы наблюдаем записи, которые касаются событий, предшествующих началу написания источника. Оформление и

форма записи событий выдержаны в духе средневековой хроники, и сам Эдуард использовал это именование. Вторая же часть, охватывающая события с 1549 по 1552 гг. оформлена в виде «журнала событий в королевстве», в котором почти каждый день делалась заметка, относительно того, что происходило при дворе, на территориях Англии, а также на приграничье. Как можно заметить, исследователи, именуя источник так или иначе, дают название, которое может соответствовать только одной из его частей. А циркулирование в библиографии трех именовании порождает историографическую путаницу.

Второй вопрос, который интересно рассмотреть — это содержательная сторона источника. В данном докладе я буду отвечать на него, рассматривая «Хронику». Открывается она кратким сообщением о ранних годах Эдуарда и его воспитании [1, Р. 209]. После него следует сообщение о смерти Генриха VIII, и далее описываются события правления Эдуарда VI [1, Р. 210]. Широко освещаются придворные назначения, внешние интересы королевства. Особенно детально расписан поход герцога Сомерсета в Шотландию осенью 1547 г., в результате которого были получены Аймут и Роксборо [1, Р. 214-220]. Присутствуют записи, касающиеся событий за пределами островов, как например, сообщение о смерти короля Франции Франциска I [1, Р. 213]. События, происходившие внутри королевства, освещены кратко. Упоминаются некоторые деяния, связанные с реформированием Церкви, а именно: постановления о снятии украшений и изображений в церквях [1, Р. 214-215], упоминание об издании строгих инструкций к проведению богослужений и проповедей [1, Р. 215]. Помимо этого, присутствует краткое упоминание о бракосочетании Екатерины Парр и Томаса Сеймура. В этой записи юный король передает негативную реакцию на это событие со стороны лорда-протектора [1, Р. 215]. Таков основной мотив в описании первого года правления.

Второй год правления освещен в дневнике еще более кратко. Большая часть записей посвящена действиям на шотландском пограничье [1, Р. 221-224]. Кратко упомянута личность епископа

Винчестера Стефана Гардинера, а точнее, что он было доставлен в Тауэр. Эта запись является вставкой, о чем сообщает Николс [1, Р. 223]. Этот факт объясняет ее краткость, и ее «выбивающееся» положение в ходе повествования о Шотландии. Внутренние дела королевства, опять же, освещаются не так подробно как внешние. Имеется сообщение о действиях парламента в отношении создания Книги Общих Молитв [1, Р. 223], которая в следующем году будет издана Томасом Кранмером [4, Р. 517]. Также сообщается о смертном приговоре лорду Садели, который скончался в марте 1548 г., не дожив до него, и об осуждении сэра Томаса Шарингтона по обвинению в фальшивомонетчестве [1, Р. 224].

Последняя часть хроники, озаглавленная как «3 год», является самой обширной и наполненной событиями ввиду наибольшей приближенности ко времени начала написания сочинения. В ней присутствуют записи как о крестьянских восстаниях в Англии [1, Р. 225-227], так и о военных действиях, предпринятых французским королем [1, Р. 225]. Интерес вызывает повествование, касающееся смещения лорда-протектора. Эдуард не сообщает, кто инициировал данное действие, не указывает на тех, кто к моменту написания «дневника» занял самые близкие к королю места, но передает, что 19 членов совета собрались в Лондоне для решения данного вопроса [1, Р. 233]. Монарх пишет, что лорд-протектор в ответ на это потребовал от совета объяснения и начал собирать воинов на свою сторону, используя как своих людей, так и людей короля. Пассаж заканчивается сообщением о том, что Эдуард Сеймур добровольно, по словам автора, отказался от должности лорда-протектора и своих владений согласно акту парламента [1, Р. 244]. Дальнейшее повествование предстает в виде кратких сообщений о штрафах [1, Р. 245], отправке преступников в Тауэр [1, Р. 246], и некоторых действиях парламента по отношению к священникам [1, Р. 246]. После этого стиль написания описываемого сочинения, начиная с конца 1549 г., отходит от подражания хронике.

Делая выводы, касающиеся информативности «Хроники» нужно сказать, что события король датировал условно, указывая

месяц, иногда он не делал и этого. Также необходимо указать часто встречающуюся бессвязность описываемых сюжетов. Две эти особенности подтверждают суждение о том, что применительно к рассмотренной части «дневника» наиболее правильно применить именование «Хроника». Основной упор был сделан Эдуардом на передачу событий, касающихся военных действий, а также тех моментов, в которых король сам принимал участие. Это можно объяснить возрастом монарха и сильной изолированностью от принятия государственных решений. Таким образом, хроника как составная часть «дневника» дает исследователю возможность не только проанализировать взгляд самого Эдуарда VI на события 1547–1549 гг., но и почерпнуть сведения о внешних делах Англии, в особенности, на границе с Шотландией.

Последний вопрос, который я хотел бы рассмотреть — это присутствие личного элемента в хронике. Как уже было сказано ранее, Эдуард начинает ее с короткого сообщения о своем рождении и детстве: *«В год господа нашего 1537 королю Генриху VIII был рожден принц королевы Джейн Сеймур, которая через несколько дней после рождения сына умерла и была похоронена в замке Виндзор. Ребенок был крещен герцогом Норфолком, герцогом Суффолком и архиепископом Кентерберийским. После чего он воспитывался до шести лет среди женщин. По достижении шести лет его начал наставлять в учении доктор Кокс, который ранее был его амнером (т. е. раздающим милостыню, авт.), и Джон Чик, магистр искусств, два весьма образованных мужа, которые стремились улучшить его познания в языках, Священном Писании, философии, и всех свободных науках. Так же Джон Бельман, француз, обучал его французскому языку»* [1, Р. 209].

Рассмотренная запись является самым большим пассажем, в котором король говорит непосредственно и только о себе. Как и в большинстве средневековых хроник, присутствие личности автора почти незаметно, так и здесь, если мы встречаем событие, в котором участвовал Эдуард, то он не использует личного местоимения «я»,

и тем самым, создает произведение в духе хроникального жанра, а не мемуарного. Но имеются исключения. Одна из первых записей, относящихся к третьему году правления гласит: «*Прошел слух, что я умер...*» [1, Р. 232]. Также, в эпизоде связанном с утратой власти герцогом Сомерсетом в 1549 г., когда тот использует для защиты своих воинов и воинов короля, Эдуард использует выражение «*моих воинов*» [1, Р. 236]. Чем же может быть вызван подобный всплеск личностного элемента? Можно предположить, что гуманистическое образование Эдуарда VI сформировало в нем несколько отличное от средневекового мышление [5, Р. 12], для которого анонимность уже не была обязательным условием для создания сочинения. Возможно тем, что постепенно король отходит от хроникального стиля в оформлении своих записей, следовательно, и от присущих данному жанру правил. Одним из предположений относительно подобного перехода может являться то, что юный король, сам, или по заданию наставника — Джона Чика, писал что-то вроде хроники своего правления. Записав происходившее до 1550 г., он начинает вести датированные заметки, которые впоследствии должны были составить содержание «чистового» варианта. Можно четко проследить переход в оформлении записей, включающий личностное участие и использование иных конструкций, а также и датировку, поскольку события, описываемые в разделе «3 год», были наиболее свежи и в памяти юного короля, и близки к моменту написания, а именно к 1550 г.

Подводя общий итог, следует подчеркнуть, что Хроника Эдуарда VI, если рассматривать ее как составную часть «дневника» или выделять ее как самостоятельный источник, является ценным памятником конца 40-х гг. XVI в. Она интересна и как нарратив, повествующий о жизни Англии, и как памятник, выросший из упражнений юного короля. Она также заставляет задуматься о том, как смотрел монарх на то, что происходило в его владениях, и насколько сильно это его заинтересовало, или же ее содержание во многом определялось усилиями наставника, надиктовывавшего отдельные

пассажи или же редактировавшего написанный самим монархом текст? Можно ли считать сам «дневник» юного монарха самостоятельным источником или же явно неоконченные королевские записи являются прологом хроники, которую можно было бы назвать «Хроникой правления короля Эдуарда VI», т. е. сочинения, которому никогда не было суждено оказаться на бумаге. И не стоит забывать о том, что источник, часть которого я рассмотрел в докладе, уникален, так как независимо от внешних факторов и возможного давления, был написан собственно королевской рукой, и явился прологом дневниковой и мемуарной традиций Нового времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Journal of King Edward VI // *Nichols. J. G. Literary Remains of King Edward VI. In 2 Vols. L., 1857. Vol. 2.*
2. *Burnet G. The History of the Reformation of the Church of England L., 1816.*
3. *Fritze R. H. Review of «Edward VI, England's Boy King: The Diary of Edward VI, 1547-1553». H-Albion, H-Net Reviews. October, 2006.*
4. *Mackie J. D. The Earlier Tudors. Oxford, 1966.*
5. *Loach J. Edward VI. New Heaven, 1999.*

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУПРЕХТА ПФАЛЬЦСКОГО

Корреспонденция как источник позволяет трансформировать исторический персонаж в своеобразное средоточие социальной и духовной жизни. От него тянутся бесчисленные нити к миру больших структур, которые в зависимости от методологических пристрастий можно моделировать как политический, социальный или духовный. Как написал Джеймс Дэйбелл в своем труде, посвященном английскому письму раннего Нового времени: «письма были технологией, которые реструктуризировали мысль» [1]. Именно поэтому корреспонденция, особенно объемная, охватывающая крупный временной отрезок, и сложна, и привлекательна одновременно.

Эпистолярные источники в Средние века и даже ранее Новое время — это, прежде всего, зеркало повседневности высших слоев. Для реконструкции социального портрета принца Рупрехта Пфальцского, знаменитого сына опального курфюрста Фридриха V, корреспонденция представляется наиболее подходящим источником. Первые опыты научного собирательства и издания писем, в том числе, нашего героя датированы XVIII–XIX вв. Собственно на основе их и были написаны все последующие крупные биографии Рупрехта. К числу основополагающих следует отнести известную «Коллекцию подлинных королевских писем», изданную Бромлеем в 1787 г. в Лондоне и переданную ему потомками принца. Кроме того, английские и немецкие исследователи использовали отдельные письма и фрагменты, упомянутые в различных мемуарах и переписках XVII в., так или иначе имевших отношение к принцу. Например, нам известны мемуары сестер Рупрехта. В любом случае, все

эти труды носят лишь биографический характер с тонкими авторскими оттенками.

Отметим, что, так называемые, «Мемуары» Рупрехта, изданные Варбутоном в 1849 г. в Лондоне, по сути, составляют три тома биографии Рупрехта, составленной самим издателем. Его участие в гражданской войне в Англии, как пишет сам Варбутон, были восстановлены почти исключительно по письмам, найденным в бумагах Рупрехта. Заметим, что «Мемуары» Рупрехта дают нам самый большой пласт корреспонденции, датируемой годами гражданской войны. Только за 1643 – первую половину 1644 гг. мы имеем более семи десятков писем. По сравнению в коллекции Бромлея, упомянутой выше, за 1619–1661 гг. лишь не более двух десятков, имеющих прямое или частичное отношение к Рупрехту.

Заранее обговорим выбор хронологическим рамок, в пределах которых и будет рассматриваться корреспонденция. Такие даты взяты с расчетом на то, что время до возвращения Рупрехта в Англию при реставрации Стюартов являлось для принца определяющим. Здесь закладывались и проявлялись основы его характера. Это бурное время, заставляющее принца скитаться в поисках своего собственного земельного плацдарма и ниши в социальной лестнице Европы.

Принц не по своей воле оказался едва ли не с младенчества в водовороте крупнейшего военно-религиозного конфликта XVII в. — Тридцатилетней войны. Его отцом был Фридрих V, по рождению курфюрст Пфальца, мать — Елизавета Стюарт, родная сестра английского короля Карла I Стюарта.

Семья Фридриха V, короновавшегося королем Богемии, уже в 1620 г. спешно уехала в Голландию, где их принял у себя Мориц Оранский. Рупрехт получил неплохое домашнее воспитание и успел немного поучиться в Лейденском университете, прежде чем его увлекла карьера военного. Он сражался на стороне Нидерландов против испанцев. При попытке отвоевать Пфальц, его берут в плен в битве при Флото. Три года Рупрехт пробыл в плену у императора Фердинанда III при венском дворе.

Осенью 1642 г. принц был принят на службу английскому королю Карлу I Стюарту, своему родному дяде. Возглавляя кавалерию, он преданно и храбро сражался на стороне роялистов. «Последний кавалер» — так зовут принца Рупрехта. В 1645 г. первая гражданская война закончилась, и он покинул Англию. Рупрехт снова изгнанник, что превращает его в настоящего изгоя Европы, титулованного мигранта.

Далее принц побывал во Франции, Голландии, Ирландии, стал морским странником, добравшимся до Вест-Индии. Во время последней авантюры он потерял младшего брата — Морица, с которым был неразлучен все эти годы.

По возвращении во Францию он получил приглашения как от кузена, теперь уже Карла II, так и приглашение в Париж от Людовика XIV, и отправился к последнему. Летом 1654 г. он навещал мать, жившую в Гааге, хотя Пфальц к тому времени был уже возвращен Виттельсбахам. В Англию, забрав с собой впоследствии Елизавету, он прибудет вновь после реставрации Стюартов в 1661 г.

Возвращаясь к теме корреспонденции, сразу определим главную проблему, возникающую при ее изучении в отношении Рупрехта. Писем, которые были бы написаны лично самим принцем и о которых мы бы знали, единицы. Так, упоминаются письма, отправленные Рупрехтом другу семьи Томасу Рою из имперского плена. Рупрехту было предложено освобождение при условии обещания — больше не поднимать меч против империи. Рупрехт не сразу поддался уговорам Роя, он боялся, что пойдет против своей чести, как он писал в своих трех письмах, обращенных к другу матери, в период с августа по октябрь 1641 г. [2, Р. 43].

Однако что касается гражданской войны в Англии, то здесь достаточное количество писем Рупрехта значительно увеличивается. Так во втором томе меморий Варбутон приводит шесть писем принца, два из которых, к счастью, были найдены им в *State Paper Office*. Одно из них датировано 31 октября 1643 г. и отправлено генералу Горингу. В нем он выражает надежду, что генерал поступит правильно в отношении своих обязанностей и выражает свое уважение,

называя себя другом и слугой [3, Р. 324]. Второе письмо от 25 января 1644 г. адресовано сиру Фрэнсису Оттли, в котором Рупрехт в весьма любезных выражениях сообщает информацию, касательно диспозиции своей армии и своих действий в ней [3, Р. 366]. В третьем небольшом письме, отправленном в Оксфорд к Уильяму Леггу 18 апреля 1644 г., Рупрехт отзывается о предложении короля стать командующим кавалерий [3, Р. 368]. Заметим, что это весьма скупой и вежливый ответ. 23 апреля этого же года Уиллу Легби было отправлено еще одно письмо Рупрехта, где последний весьма четко и ясно высказывался относительно своего будущего назначения и ситуации в королевской армии среди высших чинов, при этом не боясь давать королю некую оценку действиям короля [3, Р. 406]. В обоих последних письмах Рупрехт пишет о себе в третьем лице. Возможно, здесь мы имеем слияние двух течений: ренессансной традиции, исходящей еще из античного представления о письме в третьем лице (самый известный пример Цезарь), и, что представляется более важным, особенность писем XVI–XVII вв., которую мы встречаем, в том числе, и у других деятелей той же Тридцатилетней войны (Бернард Саксон-Веймарский). Третье лицо выступает как указание на особый характер письма — рассуждение о каких-то своих достоинствах, обязательствах и тому подобное.

Забегая вперед, необходимо оговорить, что король в своем письме от 7 июня 1644 г. действительно пишет, что принимает совет племянника [3, Р. 415]. В пятом письме к лейтенанту-полковнику Оуэну, датированным 16 мая 1644 г., Рупрехт так же дает рекомендации, но уже более настоятельно, касающиеся военных стратегий [3, Р. 407]. Шестое письмо, отправленное из Ливерпуля 18 июня 1644 г. к епископу Честера, характерно тем, что Рупрехт подробно излагает необходимость расположения войск в Честере и просит епископа посодействовать этому [3, Р. 432].

Помимо фактологического материала, письма это показательный источник, позволяющий нам определить социальную роль Рупрехта Пфальцкого. Корреспонденция позволяет выявить

отношения Рупрехта со своими адресатами и выстроить мир социальных связей.

Если поставить Рупрехта в центр воображаемого круга социальных связей, то ближе к нему, естественно, окажутся его родственники и друзья (нуклеарные связи). Остальные же обозначают соратников, подчиненных, членов европейской сословной элиты. На каждой линии круга есть свои особые точки — люди, контакт с которыми Рупрехту был наиболее важен и характер писем которых отличается. Этот вывод сделан так же на основе корреспонденции.

Так переключаются между собой точки Карла Людовига и Елизаветы Пфальцской. Старший брат и мать Рупрехта вели активную переписку, в которой имя Рупрехта поминалось неоднократно. В нашей доступности таких десять писем за обозначенный выше срок. Это личные письма, который носят лишь оттенок отчета. Карл Людвиг пишет о поведении брата, его упрямом характере, необдуманных поступках, его содержании в плену [4, Р. 25]. У Рупрехта были напряженные отношения с братом. Прежде это выражалось в неодобрении, а после и вовсе — в отказе на получение земельного домена в Пфальце. Среди писем Карла Людовига имеются и послевоенные письма (мы имеем, как минимум, два таких письма), адресованные к брату, но они носят скорее более деловой характер. К Рупрехту были обращены и письма-наставления от матери. Здесь два письма, оба датированы 1655 г. [4, Р. 205].

Особый комплекс представляют собой письма, полученные Рупрехтом от дяди — короля Карла Стюарта (около двух десятков писем). Несмотря на то, что эти письма, отправленные во время войны и в большинстве случаев носят характер военного приказа, в них явно заметно теплое, доброжелательное, покровительственное отношение, которое было у Карла к своему племяннику. Посмотрим на такие выражения, как «наш дорогой племянник», «надежный и возлюбленный мы приветствуем тебя» [3, Р. 70]. В свою очередь, судя по этим письмам, Рупрехт продолжал проявлять свой упрямый и независимый характер. Так Карл сам признает, что «принц

не ждет от него комплиментов» [3, Р. 415]. Выше уже отмечалось, что Рупрехт не стеснялся давать совету королю. Зафиксированы случаи, когда Рупрехту от лица короля писал его секретарь — сэр Николсон, а иногда сам Карл просто приписывал постскриптум. Однако это касалось более деловых писем.

Большой массив корреспонденции представляют собой различные письма все той же гражданской войны в Англии от разных офицеров (полсотни писем). Они формируют дальний радиус его связей. Связей служебных. Чаще всего они касаются военных действий. Градация таких писем составлена из того, какой военный статус имели адресанты и адресаты Рупрехта (ниже, выше, на одном уровне с принцем).

Однако есть такие интересные случаи, когда Рупрехта просят посодействовать насчет сына (т.н. письма-интерцессии) [3, Р. 211], либо же спрашивают его мнения об Ирландии [3, Р. 320] и датских послах [3, Р. 374]. Решались и денежные вопросы. В 1643 г. Рупрехт даже получил письмо романтического характера от графини Дербби [3, Р. 149].

Конечно, стилистика писем, верность сословному канцелярскому стандарту очевидна. Так требовала культура письма, зародившаяся еще в Античности и удачно перешедшая в Средневековье. XVIII в. продолжал нести в себе такие общепризнанные формы, но с наступлением Новейшего времени, многое упростилось и обезличилось.

Посмотрим на корреспонденцию Рупрехта Пфальцского. Четко прослеживается, к примеру, определенная закономерность в употреблении неких форм обращения (*May it please your Highness*) и прощания (*Your Highness's most humble servant*). Почти все письма датированы с точностью до дня. А в мемориях мы встречаем также информацию о том, во сколько то или иное письмо было получено и прочитано.

Не все письма написаны на английском языке, встречаются так же немецкий, французский и даже итальянский языки. Это зависит,

бесспорно, от адресанта и его предпочтений. Сам Рупрехт, заметим, знал семь иностранных языков.

К тому же, часть писем из коллекции Бромлей зашифрованы, однако он смог их прочесть (в некоторых случаях частично). Он не раскрывает полностью загадку кода, но подписывает необходимые слова над цифрами шифра. В противовес этому Бромлей прямо признается, что зашифрованное письмо от Карла к принцу Рупрехту во время гражданской войны (сразу же после битве при Марстон-Муре) он расшифровать не смог, и он был бы счастлив, если бы в будущем это кто-то сделал [3, Р. 471].

Подводя итоги, повторим, какие сюжеты, исходя из имеющихся писем, являются для нас центральными: Рупрехт и Карл I Стюарт, Рупрехт и брат Карл Людовик, Рупрехт и военное сословие. И еще раз подчеркнем, насколько важны возможности корреспонденции в реконструкции портрета нашего героя, особенно в условиях острого голода «опубликованных источников».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Daybell J.* The Material Letter in Early Modern England. Manuscript Letters and the Culture and Practices of Letter-Writing, 1512-1635. Houndmills, 2012.
2. *Scott E.* Rupert Prince of Palatine. NY., 1900.
3. *Warburton E.* Memoirs of Prince Rupert, and the Cavaliers. Vol. 2. L., 1849.
4. *Bromley G.* A collection of the original royal letters. L., 1787.

V.

ПРОБЛЕМЫ ИТАЛЬЯНСКОЙ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ

СТАНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (V – НАЧАЛО XIII ВВ.)

Известно, что Венеция была заложена в 421 г. жителями Аппенинского полуострова, спасавшимися от набегов варваров. Венецианская область, находившаяся на многочисленных островах, окруженная водой, виделась наиболее безопасным местом. По мнению Д. Норвича, автора большого количества исторических трудов, в том числе и по истории Венеции, на островах лагуны поселились «самые дальновидные». Это были люди, верившие, «что варвары из Центральной Европы, не имевшие кораблей, не обладавшие навыками мореходства, оставят их в покое и отправятся разорять богатые, более заманчивые земли» [1, С. 18]. Действительно, благодаря своей относительной географической изоляции Венеции удалось избежать многих конфликтов, впоследствии раздиравших итальянский полуостров.

Специфические природные условия лагуны, практически исключавшие возможность занятия жителей сельским хозяйством, стали одной из причин широкого развития морских промыслов и морской торговли. В связи с этим огромное внимание уделялось строительству морского флота [2].

Одним из главных направлений внешней политики Венецианской республики были отношения с Византией. Тесная связь с империей рассматривалась венецианцами гарантией их экономического развития и процветания, поэтому республика еще в VI в. поддерживала императора Юстиниана, предоставляя ему свой флот в борьбе с королевством остготов, за что в благодарность получила защиту и первые торговые привилегии. С тех пор город-государство формально находился под верховной властью империи и постепенно

перенял многие византийские ценности, а также и дипломатическую практику. Республика взамен много раз помогала Византии бороться с набегами арабских племен. Верность Византии оставалась одним из элементов официальной политической идеологии венецианцев [3]. Позднее, тем не менее, зависимость Венеции от Восточной Римской Империи постепенно ослабевала, и город стремился проводить самостоятельный внешнеполитический курс.

Этот тезис подтверждается на примере отношений республики с Западной империей. Как известно, начало IX в. ознаменовалось коронацией Карла Великого и образованием Священной Римской империи. Несмотря на внутренние противоречия и борьбу между партиями в республике, венецианцы не допустили вторжения франков и захвата своей территории. В 840 г. был заключен договор между Венецией и внуком Карла Великого — Лотарем, содержащий поручительство дожа нести ответственность за защиту Адриатики. Осторожный дипломатический курс продолжает дож Пьетро Орсеоло II, выдающийся дипломат и политик, во время правления которого Венеции удастся успешно лавировать между двумя империями, извлекая выгоды. При Пьетро Орсеоло Венеция заключает договор о коммерческих условиях с императором Византии Василием II. Вдобавок к этому новый дож рассылает многочисленных послов во все уголки Средиземноморья, в том числе и в мусульманские страны, для заключения выгодных торговых соглашений. Пьетро Орсеоло также удастся заключить устное соглашение с императором Западной Римской империи (во время тайного визита Оттона III в Венецию) и убедить его освободить республику от уплаты дани западному императору. Примечателен тот факт, что Венеция отказывает Оттону III в предложении о проведении совместных операций в северной Италии, тем самым подтверждая свою приверженность нейтралитету и торговым и политическим интересам на море.

В целом же, пока Италия была охвачена феодальными распрями и восстаниями, Венеция ощущала себя в безопасности. Однако при попытке западного императора Фридриха Барбаросы в 1163 г. завоевать Италию Венеция приняла решение вступить в Ломбардскую

лигу, созданную итальянскими городами и поддержанную папской властью, в противостоянии притязаниям Барбароссы. Примечательно тот факт, что несколькими годами позднее в 1171 г. произошел конфликт Венеции с Византийской Империей (император Мануил пленил венецианских купцов на территории Византии). В связи с этим Венеция фактически разорвала все свои связи с Ломбардской лигой и занялась восточными делами. Однако, несмотря на такое предательство, при ее решающем посредничестве спор апостольского престола с империей окончился встречей папы Александра III и императора Фридриха I в 1177 г. в Венеции и заключением мира между ними. Тогда же был заключен новый, выгодный для Венеции договор с империей, по которому Фридрих I гарантировал венецианским купцам защиту от действия берегового права [4]. Это была настоящая дипломатическая победа, республике удавалось успешно развивать связи с двумя империями, плодотворно сотрудничать как с Западом, так и с Востоком.

Помимо этих двух основных направлений внешней политики Венеции, важное место занимали отношения с государствами Адриатики. К концу X в. республика св. Марка начала планомерно и более эффективными мерами обеспечивать здесь свои экономические позиции. Весной 1000 г. Венеция с помощью других прибрежных городов организовала поход к восточным берегам Адриатики, в результате которого получила часть далматинского побережья — источник камня, древесины и продовольствия. Доказав свою силу, дож Пьетро II получил титул «герцог далматинский» [2]. В начале XII в. основными противниками Венеции в Адриатике стали венгры. К 1111 г. им подчинились почти все далматинские города Адриатики и острова Далматинского архипелага. Осуществляя борьбу с набегами норманнов и участвуя в первом крестовом походе, Венеция вынуждена была временно не принимать ответные меры, и в конечном итоге Далмация осталась под властью венгров. Таким образом, восточное побережье Адриатики стало важной сферой интересов Венеции, которой неизбежно необходимо было приращение своей территории, получение новых ресурсов для развития.

Важнейшим направлением внешней политики Венеции было участие в крестовых походах. Венецианская республика не стремилась принимать активное участие в крестовых походах по причине нежелания обрывать торговые связи с мусульманскими странами. Тем не менее, она пошла на сделку с рыцарством. За участие в первом крестовом походе Венеция получила в каждом захваченном крестоносцами городе торговую площадь и освобождение от налогов. Если город был взят с участием венецианских войск, то она получала еще и треть захваченного. За свою дальнейшую помощь крестоносцам Венеция в 1124 г. получила третью часть города Тира, квартал в Акре, и образовала поселения в разных частях Иерусалимского королевства, положив начало колониальной империи, просуществовавшей семь веков. О роли республики во втором и третьем крестовых походах упоминается мало, возможно, что ее участие ограничивалось предоставлением транспорта и снаряжения. Таким образом, Венецианская республика, участвуя в крестовом движении, преследовала, в первую очередь, свои коммерческие интересы. К тому же она не упускала любой возможности показать свою силу и добиться новых привилегий.

Самым знаменитым и, бесспорно, принесшим Венецианской республике звание великой морской колониальной державы, является четвертый крестовый поход. Существовал ли у Венеции какой-то план по четвертому походу или это стало возможным благодаря стечению обстоятельств, сказать трудно, но Венеция воспользовалась предоставленными возможностями. Оставив детали и обстоятельства, о которых сказано уже очень много, остановимся на результатах похода.

Четвертый поход привел к падению Константинополя и созданию Латинской империи, просуществовавшей с 1204 по 1261 гг. Венецианцам достались три восьмых добычи, огромные торговые преимущества на территории Византии. Награбленные богатства имели большое значение: эти средства, попав в руки купцов и банкиров, способствовали быстрому росту венецианской торговли.

Республика получила свой долг, вернула себе все привилегии, получила новые территории от Далмации до Черного моря и тем самым обеспечила себе монополию на торговые пути между Левантом и Западом.

Таков был итог четвертого крестового похода. В данном случае Венеция снова преследовала торговые интересы. Однако есть основания полагать, что свою роль сыграли и личные мотивы венецианского дожа Энрико Дандоло. Известно, что он был абсолютно слепым, и по одной из версий, Дандоло был ослеплен византийским императором во время пребывания в империи в качестве посла в 1171 г. Если верить этим источникам (сочинению историка Андреа Дандоло), то идея отомстить Византии могла сыграть свою роль в изменении целей похода. К тому же, толчком для конфронтации Венеции с Византийской империей послужили договоры последней с Генуей и Пизой и оказание им торговых привилегий [5, С. 45]. Так рассматривал причины участия Венеции в крестовом походе византийский историк и писатель, непосредственный современник событий Никита Хониат: «Венециане, имея в виду древние договоры с греками, оскорблялись тем, что их значение перешло на пизанцев, и, отдаляясь от нас, они обнаруживали при каждом случае враждебное расположение... Еще более желал нам зла венецианский дож Генрих Дандоло, слепой и удрученный временем; он пред всеми ненавидел и враждовал против греков» [6].

Энрико Дандоло изначально расставил свои ловушки в договоре с крестоносцами. Во-первых, там не было указано место, куда флот должен доставить крестоносцев. Во-вторых, оплата за флот должна была производиться независимо от того, сколько в действительности людей и грузов перевезут корабли (и на самом деле, не прибыло и половины из ожидаемого числа рыцарей) [7].

Мной был рассмотрен период формирования внешнеполитических интересов и приоритетов Венецианской республики. Под влиянием природных условий местности, определенных исторических реалий, географического положения происходило становление

внешней политики республики, в которой главную роль играли торговля и мореплавание. Венеция избрала для себя тактику нейтралитета и в то же время балансирования между главными силами на международной арене Средневековья — Византией, возрожденной Западной Римской империей и папством. Она не упускала любой возможности показать свою силу и мощь своего морского флота, добиться новых торговых выгод и привилегий, заявить о себе как о независимой процветающей и свободной республике. Чаще всего венецианские дожи действовали дипломатическим путем, не ввязываясь в войны и кровопролития. Своим успехом Венеция во многом обязана малым размерам своей территории, что способствовало развитию в обществе отношений сотрудничества и чувства доверия. Особую роль сыграла и система управления, исключавшая перерастание республики в наследственную монархию. Устойчивость политического строя поражала современников и потомков, особенно на фоне политических бурь, которые сотрясали прочие итальянские города. «Из всех городов Италии, только Венеция не знает гражданских раздоров», — писал Филипп де Коммин в конце XV в. [8, С. 327]. Подобные факторы в определенной мере способствовали ее достаточно долгому господству в Средиземноморье.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Норвич Д.* История Венецианской республики. М., 2009.
2. *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Изд-во Саратовского университета, 1963. [Электронный ресурс]. URL: http://historylib.org/historybooks/N--P--Sokolov_Obrazovanie-Venetsianskoj-kolonialnoy-imperii (последнее обращение: 20.10.2015).
3. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991 // Восточная литература. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text28.phtml?id=6389 (последнее обращение: 20.10.2015).
4. *Климанов Л. Г.* Обретение Венецией моря: право, политика, символы // Причерноморье в Средние века. Вып. 3. 1997. [Электронный ресурс].

URL: http://Annales.info/evrope/small/venet_br.htm (последнее обращение: 20.10.2015).

5. Бек К. История Венеции. М., 2002.
6. Никита Хониат. Осада и взятие Константинополя латинами 1204 г. (в 1218 г.) // Восточная литература. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Honiat/text5.phtml?id=10420> (последнее обращение: 20.10.2015).
7. Остапенко П. В. История тайной войны в Средние века. Византия и западная Европа. М., 2008.
8. Сказкин С. Д. (отв. ред.). История Италии. В 3-х тт. Том 1. М., 1970.

ВЕНЕЦИЯ: ВЕРСИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Мы выделяем четыре основных направления теоретических позиций. Первое направление: Римско-Венетская версия, охватывающая древний период. Второе и третье направления находятся в пределах раннего Средневековья: Западно-Римская версия — это V–VI вв., Восточно-Римская — VI–VII вв. Легендарные версии включают древнюю и средневековую эпохи.

Римско-венетская версия уводит исследователя в древнейшие времена, когда венеты с другими племенами находились у истоков возникновения Римской цивилизации. Этническую принадлежность венетов определить не просто. В этом плане В. Хенсель писал: «этот народ в отношении языка отличен от иллирийцев и славян» [1, С. 158]. Хотя в научном мире под венетами также подразумевают и славян. Из истории К. Тацита мы узнаем, что Адриатическое море в I в. н.э. называлось славянскими именами — Далматинское и Иллирийское [2, С. 85].

Е. В. Тарле рассматривает Венецию как самостоятельный населенный пункт, попавший во времена господства Римской империи под ее власть: «Незадолго до второй пунической войны поселения, расположенные отчасти на берегу Адриатики (первая Венеция), отчасти на островах, разбросанных близ берега (вторая Венеция), вошли в состав Римской республики» [3, С. 147]. Тем самым Е. В. Тарле указывает на III в. до н.э., как на период существования береговой Венеции.

По мнению В. Хенселя, венеты испытали на себе процесс колонизации другими народами, «они подверглись латинизации в Северной Италии... кельтизации... германизации... иллиризации...

фракизации... славянизации» [1, С. 159]. Таким образом, к V–VII столетиям венеты северо-западной части Адриатики мало чем отличались от коренных латинян Римского государства. В данном регионе язык венетов эволюционировал в один из латинских (позже итальянских) диалектов.

В рукописи «Имена всех провинций», созданной в конце III – начале IV вв. мы находим список римских диоцез, среди которых значится провинция «Viennensis». Также в данной рукописи перечислялись варварские племена, жившие на территории Римской державы, важно отметить, что в представленном списке не было упоминания племени венедов. Из чего мы можем сделать вывод, что в указанное время венеды воспринимались римлянами вполне цивилизационным народом.

У Прокопия Кесарийского (VI в.) мы находим описание Адриатического побережья: «...далее идут Либурния, Истрия и страна венетов, расстилающаяся до города Равенны» [4, С. 73]. К известным венецким городам относились: Атесте, Патавий, Верона, Виченца, Адрия. Были и другие, как писано у Прокопия Кесарийского, маленькие городки. Из этого следует, что в VI в. страна Венетов была страной городов и деревень, к числу которых относились и поселения лагуны.

Таким образом, в ракурсе представленной версии на стыке двух формаций, когда в прошлое уходит древний мир и вступает свои права раннее Средневековье, лагуна представляла собой конкретное поселение, которое являлось продолжением континентальной территории, заселенной венетами.

Западно-Римская версия. К распространенной версии возникновения Венеции относится теория о создании города в несколько этапов выходцами из имперских провинций в последние десятилетия упадка и распада Западной части Римского государства. Венеты же не являлись постоянными жителями на берегах лагуны, т. к. нет ни одного свидетельства о том, что в VI в. там существовали прочные, знаковые и фундаментальные сооружения. Заселение островов

акватории венецами происходило в результате миграционных процессов. К примеру, Балканское побережье Адриатического моря было заселено славянами в основном в VI–VII вв., также острова будущей Венеции, по распространенной версии, становятся обжитыми в указанный период. По всей видимости, процесс осваивания материковой части акватории славянами и венецами происходил практически одновременно.

Общепринятую версию подтверждают раннесредневековые хроники «Cronache di Altino», «Cronache di Grado». «Бывшие жители Тревизо создают поселения на островах Риальто и Торчелло, падунцы устраиваются на Маламокко, фриульцы — в Градо и Каорле» [5, С. 18]. С этой версией согласуется и старинная венецианская история о возникновении Венеции 25 марта 421 г., когда три консула из Падуи основали факторию на островах Риальто.

Влияние римской цивилизации было настолько сильным, что племена венетов испытали поистине культурный империализм. Если, например, для соседей венетов, хорватов, это была частичная ассимиляция, то для них самих — практически абсолютная.

Однако факт участия римских граждан в создании новых поселений на побережье Адриатического моря еще не означает их нахождение в государственных границах Западной Римской империи. Выделяем два определяющих фактора: во-первых, римские граждане не были завоевателями лагуны, они являлись всего-навсего беженцами; во-вторых, истерзанная варварскими племенами Западная часть Римской империи в исследуемый период не имела ни военного, ни политического потенциала для расширения власти и территорий.

Восточно-Римская версия. Если Венеция никогда не была под властью Римского государства, то, может быть, она в первое же столетие своего существования попала под власть Восточной Римской империи? С одной стороны при Юстиниане (VI в.) византийцы действительно захватили весь Апеннинский полуостров, остается открытым вопрос: а было что захватывать на пространствах лагуны

в это время, если согласно предыдущей версии, акватория только вступила в процесс урбанизации? У Д. Норвича мы находим следующее, что в VI–VII вв. лагуна была малообитаемой, являлась «...слабым объединением островных поселений... и всех их едва связывала правящая рука Византии» [6, С. 48]. С другой стороны: только в VII в. у поселенцев появился трибунат и, кстати, на одном из островов был построен византийцами городок Читтанова (Гераклея). Получается так, что до VI в., неприглядное пространство лагуны мало интересовало влиятельных и властвующих персон у границы Римской империи, так как территория была отдалена от центра и являлась малопригодной для ведения доходного хозяйства. Как только территория и люди ее населяющие оформляются как социально-экономическая единица примерно в VI–VII вв., то ее наделяют политической властью из центра, происходит своеобразное делегирование власти, и над территорией устанавливается непосредственный контроль. В русле этой логической цепи, можно предположить, что процесс создания города начался в пределах Византийской метрополии. П. Г. Мольменти утверждал, что «...правление морских трибунов, было заимствовано у византийцев... это подтверждают «История Готов» Прокопия, Надписи в Градо от VI в., «История Лангобардов» Павла Дьякона, «Анналы» франка Эгинара» [7, С. 91]. Однако Е. В. Тарле не связывал появление Дожа у венецианцев с политическими интересами Византии. О связи Венеции и Византии он писал так: «С IX-го века шестьдесят островов, группирующихся возле Риальто, начинают носить имя Венеция... в том же столетии св. Марк считается покровителем Венеции. Тогда же утратились и те слабые, номинальные связи, которые в некоторых договорах связывали Венецию и Византийскую империю» [3, С. 149]. Известно, что в IX в. основной денежной единицей в Венеции были византийские солиды. Сама культура Венеции во всей ее пестроте отражала немало византийских вкраплений. Дипломатические связи, документальные свидетельства о взаимопомощи Венеции и Византии — все это указывает на частые контакты.

Вне всякого сомнения, Венеция и Византия в период раннего Средневековья были тесно связаны, однако, что же это было: подчинение или партнерство?

Легендарные теории состоят из двух версий: «Троянской» и «Финикийской». В сочинениях Тита Ливия троянцы и венеты, объединившись, отправились «в отдаленнейший залив Адриатического моря и по изгнании евангеев, которые жили меж морем и Альпами, энеты (предположительно группа венетов — Г. Н.) с троянцами овладели этой землей. Место, где они высадились впервые, зовется Тройей... а весь народ называется венеты» [8, С. 11]. Это событие произошло после захвата Трои ахейцами, т. е. приблизительно в XI в. до н.э.

У академика А. Т. Фоменко мы находим указание на старинную миниатюру XV в. из книги Жана де Курси «Мировая хроника», которая называлась следующим образом «Троянцы основывают города: Венецию, Кикамбр, Карфаген и Рим» [9, С. 36]. Это совсем не значит, что эти города были основаны одновременно, это скорее означает, что данные города были основаны троянцами. Таким образом, в средневековом обществе допускалась мысль о том, что Венеция могла быть основана троянцами. Из текста Тита Ливия, мы видим, что троянцы решили воссоздать Трою на новом месте, но поселение, по всей видимости, получает название по имени венетов, которые представляли собой племя, а троянцев было всего два человека (Эней и Антенор).

В ракурсе легендарных теорий согласуется интересная версия, представленная академиком А. Т. Фоменко. Он предложил новое прочтение Библии, обращая наше внимание на переходы, выпадение, замещение звуков и букв, что было характерно для многих письменных текстов у народов Древнего мира. Исходя из этого, «возникает гипотеза, что библейская Финикия — это средневековая Венеция» [9, С. 92]. Если, в древности была распространена подмена звуков «Ц» и «К», как-то цезарь-кесарь, то Финикия могла читаться — ФиниЦия. У Лиутпранда Кремонского на карте (X в.)

Венеция написана как *Fenice*. Подмена таких букв как «Ф» на «В» в истории не является чем-то исключительным. В этом случае мы можем привести пример: Ферзь-Визирь. Такой расклад буквально подводит нас к наиболее конечному варианту — «Виниция». Между Финикией и Венецией много схожестей. Однако в разрез общих представлений идут географические и хронологические аспекты. Следует отметить, что А. Т. Фоменко и эти два аспекта, как препятствия, умело опрокидывает в своих теоретических обоснованиях о сдвигах в хронологии и неверном признании финикийского города Сидон за современный городок Сайда. Также А. Т. Фоменко отмечал путаницу в средневековых картах.

Между представленными версиями есть определенные точки соприкосновения: во-первых, при заселении римлянами лагуны, во время бегства в V–VI вв., там уже находились поселения, где население в занималось добычей соли и рыболовством. Во-вторых, веныты, к какой бы этнической группе они не относились, так или иначе, подверглись процессу романизации. В-третьих, жители венецианской лагуны в VI–VII вв. неправильно выговаривали титул, заимствованный извне: «...вождя (*Dux*), которого народ на своем неотчетливом говоре называл... (дож)» [7, С. 91]. Это указывает на то, что в данный период местное население либо еще не было в полной мере ассимилировано, либо там уже сложился венецианский диалект. В-четвертых, цивилизационные особенности устройства жизни у жителей лагуны сильно напоминали принципы миропорядка, который в общих чертах был присущ Священной Римской империи и впоследствии ее частям. Что касается последней характеристики, то Венецию в этом плане можно назвать наследницей и хорошей ученицей великих империй.

Противоречивые предположения требуют к себе особого скрупулезного внимания и мотивируют исследователей к более детальному изучению данной научной проблемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хенсель В. С.* Венеты, венецы, и их связь с населением Северной Италии и Польши // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 158-161.
2. *Тацит К.* Анналы. Малые произведения. В 2-х тт. Т. I. Л., 1969.
3. *Тарле Е. В.* История Италии в Средние века. М., 2003.
4. *Кесарийский П.* Война с готами. О постройках. М., 1996.
5. *Бек К.* История Венеции. М., 2002.
6. *Норвич Д.* История Венецианской республики. М., 2009.
7. *Мольменти П. Г.* Зарождение Венеции // Вестник Всеобщей истории. №3. М., 1902. С. 87-91.
8. *Тит Ливий.* История Рима от основания города. Т. I. М., 1989.
9. *Фоменко А. Т.* Четыреста лет обмана. Математика позволяет заглянуть в прошлое. М., 2010.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НА МАТЕРИАЛАХ «РИТОРИКИ» БОНКОМПАНЬО ДА СИНЬЯ

Работая с документами по истории и культуре ранних университетов, мы столкнулись с таким источником, как «Античная риторика» Бонкомпаньо да Синья. Этот источник является ярким и интересным свидетельством о жизни средневекового студенчества.

Бонкомпаньо да Синья, один из выдающихся представителей «болонской» школы риторики, жил на рубеже XII–XIII вв. Получив образование во Флоренции, он преподавал в университетах Болоньи и Падуи, школах Венеции и Реджио.

Бонкомпаньо оставил после себя богатое наследие: это трактаты риторические и философские, образцы любовных писем и сатирические новеллы, но в центре его творчества находился эпистолярный жанр. «Ars dictaminis», искусство написания писем, было важной частью средневековой риторики. В конце XII – начале XIII вв. все чаще встречаются сборники готовых эпистолярных моделей, содержащие шаблоны писем на разные жизненные ситуации.

Одним из таких сборников и является «Античная риторика» Бонкомпаньо, источник для нашего исследования. Произведение это датируется 1215 г., когда Бонкомпаньо читал в Болонском университете лекции по древней риторике. Главы из первой книги «Античной риторики», связанные с жизнью средневекового студенчества, были изданы отдельно в Болонье в 1968 г. [1].

Наша цель — определить историческое содержание образцов студенческих писем, представленных в «Античной риторике», и, исходя из этого материала, выявить характерные черты жизни средневекового студенчества. Но специфика источника ставит перед нами

вопрос: вправе ли историк, изучающий средневековое студенчество, опираться на литературные шаблоны, риторические образцы?

Вопрос об историческом подходе к творчеству Бонкомпаньо одним из первых поставил историк европейских университетов Чарльз Хэскинс. В двух своих работах [2, Р. 203-205; 3, Р. 124], исследователь раскрыл специфику образцов студенческих писем как исторического источника. Доказывает правомерность использования образцов писем как исторического источника и автор перевода одной из глав «Античной риторики» на русский язык М. Игнатьева [4, С. 222-226].

Несомненно и то, что, работая с текстами «Античной риторики», историк должен критически относиться к литературным топосам, представленным в образцах писем. Зачастую эти образы (студенческой бедности, в частности), сознательно приукрашены и преувеличены. Но из этого не следует то, что «Риторика» не является интересным источником. Важен другой аспект: историк должен проверять и подтверждать данные «Риторики» другими источниками по университетской жизни того времени.

Итак, какие же характерные моменты студенческой жизни мы находим в источнике?

Студенческий быт, материальные проблемы — первое, что попадает на глаза читателю «Риторики». В первой книге внимание уделяется студенческим «просьбам о пребенде». «Первая песнь школяра есть просьба на расходы, не бывает письма, в котором не испрашивается серебро» [1, Р. 40].

Есть главы «Античной риторики» — XV и XVI («О просящих субсидии» и «О бедствиях студентов»), которые целиком состоят из писем, направленных на получение необходимой помощи и соответствующих ответов от родителей (с опровержением или сомнением). Для таких писем характерен яркий, образный язык. В ряде писем мы встречаем яркие бытовые зарисовки студенческой бедности, корни которых кроются, возможно, в городской смеховой культуре: «пролетело уже два года, в которые я не пил вина и не мыл голову,

не ухаживал за волосами, не холил бороды, не обрезал ногтей; я ступаю голыми ногами, дую на пальцы, когда они мерзнут, или держу руки под мышками. Мои товарищи — черви и вши, и когда они шествуют по ощипанному капюшону, то если бы у них был крест, они казались бы крестным ходом» [1, Р. 44].

Образное, смеховое рассуждение о материальных проблемах студента не могло обойтись без ростовщика и представляемой им ссуды. В одной из глав мы находим образное рассуждение о ссуде и кредиторах: ссуда «растет постоянно, бодрствует, пока должник спит, она, словно ржавчина, что поедает железо, словно проказа, что обезображивает кожу, словно денежная моль, <...> словно больная водянкой (*ydropsis*), и ростовщик подобен больному водянкой (*ydropicus*), которому всякое питье наводит жажду» [1, Р. 42].

Описание действия денег как реального персонажа реальности (как болезни, которой подвластны кредиторы) напрямую перекликается с одним из стихотворений вагантов («На земле величайший правитель в это время деньги») [5, V. 11]. В основе таких образов — характерное для студенчества критическое отношение к прагматичной городской культуре. В другом отрывке «Риторики» занятия науками прямо противопоставлены материальному благополучию: «скажи мне, философ, в чем сила заключения или философского открытия, когда не имеешь что поесть и носишь общипанный плащ? Вот Галиен, всадник, разукрашенный жемчугом и драгоценными камнями, а Аристотель с Платоном идут пешком» [1, Р. 13].

В «Риторике» мы находим также интересные очерки академического быта эпохи. В одной из глав приводятся мнения об обучении, внимание уделено борьбе грамматики и диалектики. Основной тезис данной главы — равновесие грамматики и диалектики в обучении («кто преуспевает в диалектике, грамматики не оставляет» [1, Р. 12]). Грамматика воспринимается как необходимая основа обучения, «первоначальное молоко, которым умы обучающихся питаются» [1, Р. 12]. В ответном мнении говорится о недостаточности знания одной грамматики: «О, если бы кто увидел многолетнего

барана, сосущего вымя козы, то не рассмеялся бы? Вот старик, начинающий учиться, обозрел восемь правил речи, шесть групп и падежей, и так, с междометием скорби будет погребен в могильном холме аблятива» [1, Р. 12].

В полемике дисциплин, перекликающейся с «Битвой семи искусств» Анри д'Андели, Бонкомпаньо обращается к материальным вопросам существования: в другом письме [1, Р. 13], говорится о всеобщем стремлении к прибыльным наукам («*scientiis lucratis*»). Автор четко отличает от этих прибыльных неприбыльные дисциплины, как занятия красноречием (которое «исходит из уст бедняка»).

Можно подчеркнуть, что материальные проблемы студентов сквозной нитью проходят через разные главы «Античной риторики». Но насколько объективны данные, представленные Бонкомпаньо? Не являются ли все сцены студенческой бедности литературной игрой, направленной на получение родительской помощи? Безусловно, литературная яркость и образность играют у Бонкомпаньо большую роль. Но о том, насколько остро в начале XIII в. стояла проблема студенческой бедности, говорят нам не только литературные источники. Так, в «*Chartularium universitatis Parisiensis*» уже в 1209 г. мы находим упоминание о коллегиях для бедных школяров, организованных на средства одного из магистров [6, Р. 68].

Стоит обратить внимание на то, что в «Риторике» материальные проблемы бытия студентов тесно переплетены с проблемами духовной жизни школяров. Интересны в этом смысле письма, в которых рассказывается об обстоятельствах, случающихся со школярами на пути к занятиям наукой. Подчеркивается опасность пути в Болонью, опасность перехода через Альпы, в ходе которого на студента могут напасть разбойники. Ограбленному школяру советуют, чтобы тот, несмотря на трудности, «поспешил к занятиям наукой», ибо «неустрашимою всякая земля есть родина, подобно тому, как рыбам — вода» [1, Р. 19]. В этой метафоре раскрывается специфика не «физического», а внутреннего пути в университет. Уход из дома представляется как особый поступок молодого человека, как самостоятельное решение, на которое он получал «вольность»

от соплеменников. Этот вопрос связан не с бытом студенчества, но с особым характером университетского сообщества — оно принимало людей, добровольно и самостоятельно выбравших путь науки.

Более конкретно характер студенческого сообщества раскрывается в идее человеческого благородства. Вот письмо к родителям Матвея Бранкалеоне, студента знатного происхождения. В том месте письма, где речь заходит о благородном происхождении ученика, Бонкомпаньо подчеркивает, что благородство, которое переходит только по наследству, без «равных эффектов», «скорее служит насмешкам, чем чести, так как без заслуженной добродетели (*virtutibus meritorum*) отступает к ларам невежества позорными шагами» [1, Р. 23].

Значит, человек через «дурной образ жизни и бесчестие» может лишиться себя благородства, и «nobilitas» определяется не только социальным положением, но и делами, заслугами. Такое понимание благородства связано непосредственно со студенческим самосознанием. В других источниках по университетской культуре, как поэзия вагантов и «Роман о розе», мы можем проследить схожие перемены в видении человеческого благородства. Примечательно, что и в этих источниках мы находим параллель между благородством и добродетелями: в стихотворении *Carmina Burana*, посвященном благородству, мы читаем: «благороден тот, кого облагородила добродетель (*virtus nobilitavit*)» [5; V. 7]; а у Жана де Мена — «лишь добрые дела ведут нас к благородству, а не рожденья факт» [7; С. 244].

В рассмотренных нами главах «Античной риторики» можно проследить отдельные аспекты студенческой жизни: материальные сложности, отношение к деньгам, академический быт эпохи. В ряде писем раскрываются черты университетского мировосприятия: это выбор науки как внутреннее решение, сознательный отрыв от прежних социальных связей и следующее из такого отрыва новое понимание благородства и добродетелей человека. Подтверждение текстов Бонкомпаньо другими источниками позволяет нам говорить о выделенных в «Риторике» чертах студенческой жизни как характерных феноменах университетской культуры рубежа XII–XIII вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Boncompagno da Signa*. Testi riguardanti la vita degli studenti a Bologna nel sec. XIII / A cura di V. Pini. Bologna, 1968.
2. *Haskins C. H.* The Life of Medieval Students Illustrated by their Letters // *The American Historical Review*, Vol. 3. No. 2. P. 203-229 / интернет-ресурс www.jstor.org (последнее обращение: 08.11.2015).
3. *Haskins C. H.* The mediaeval student / *The rise of universities*, NY., 1923 / интернет-ресурс www.elfinspell.com (последнее обращение: 08.11.2015).
4. *Бонкомпаньо да Синья*. Древняя риторика. Книга I. Глава XVI. О бедствиях студентов / перевод и предисловие М. Игнатъевой // *Традиции воспитания и образования в Европе XI-XVII вв.* Иваново, 1995. С. 122-126.
5. Carmina Burana. München, 1979 / интернет ресурс <http://www.hs-augsburg.de/~harsch/saesp13.html> (последнее обращение: 08.11.2015). (В тексте статьи приводится ссылка не на страницу, а на номер стихотворения (verse) в данном издании рукописи).
6. *Chartularium universitatis Parisiensis*, T. I. Paris, 1889 / интернет-ресурс www.archive.org (последнее обращение: 08.11.2015).
7. *Гильом де Лоррис, Жан де Мен*. Роман о Розе / пер. Н. В. Забабуровой. Ростов-на-Дону, 2001.

МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ СЕМЕЙСТВА МЕДИЧИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ЕВРОПЫ В XV В.

Политическая жизнь Италии в XV в. протекала в условиях феодальной раздробленности, в результате чего отношения между акторами отличались относительной напряженностью, вызванной борьбой за лидерство на полуострове. Сформировавшиеся в результате объединения мелких феодальных владений государственные образования (Флорентийская республика, Венецианская республика, герцогство Миланское, Неаполитанское королевство и т. д.), основным источником благополучия для которых являлись торговые операции и мануфактурное производство, в своем соперничестве стремились к получению экономических преимуществ, таких как контроль над торговыми путями и новыми рынками сбыта [1, С. 37].

Экономическое процветание этих государств, приведшее, в частности, к новому подъему культуры и расцвету ранее забытых античных форм искусства (Возрождение) также привело к тому, что политическая борьба на уровне отдельных личностей и семейств была более сложноорганизованной, чем в остальной Европе: широко применялись династические браки, физическая ликвидация конкурента, применение компромата, использование иерархов католической церкви в своих целях и т. д.

Одним из символов эпохи Возрождения является династия Медичи. Данные о семье до середины XIII в. довольно скудные и сомнительные, так как они не опираются на какие-либо документы или надежные источники. Исследования, посвященные одной из самых известных исторических семей, в основном посвящены периоду

экономического и политического восхождения Медичи [2]. В 1397 г. Джованни ди Биччи де Медичи основал банк во Флоренции, благодаря которому благосостояние и влияние семьи увеличились. Однако здесь стоит отметить, что нельзя говорить об основании как таковом. Джованни долгое время находился на службе у дальнего родственника Вьери де Медичи, который держал банк в Риме. В начале 90-х гг. XIV в. Вьери отходит от дел по состоянию здоровья [3, Р. 36], и в период между 1393 и 1397 гг. Джованни переносит головное отделение во Флоренцию, [3, Р. 37] что и дает нам повод говорить о том, что банк Медичи был основан в 1397 г.

Политический и экономический расцвет приходится на период руководства банком сына Джованни, Козимо. [4, Р. 15] В 1430 г. он входит в состав Комиссии Десяти [5, Р. 45], созданной для руководства войны с городом Лукка. Кроме того, Козимо вместе с братом возглавлял так называемую партию «среднего класса» [5, Р. 41]. Политические противоречия, вызванные стремлением господствующей аристократической партии избавиться от соперников, а также личной неприязнью Ринальдо Альбицци (глава олигархической партии) к Медичи, привели к изгнанию банкирского семейства из Флоренции на десять лет [5, Р. 57]. Однако неудачи в войне с Луккой, опустевшая казна и приход к власти сторонников Медичи стали причиной роста популярности пополанов и самого Козимо, следствием чего стало его возвращение из изгнания, как триумфатора [5, Р. 59]. В дальнейшем, он являлся фактическим правителем Флоренции, не принимая официальных титулов и должностей. Козимо ди Джованни де Медичи проявил себя как умелый дипломат и дальновидный политик, подавляя противников всевозможными способами еще в зачатке.

Его дело продолжил Пьеро ди Козимо по прозвищу Подагрик, однако менее успешно: популярность и влияние семьи в то время, когда он был главой банка, заметно снизились, что не в последнюю очередь было связано с болезнью Пьеро [3, Р. 358]. Кроме того, его не готовили к управлению банком [3, Р. 358].

В 1469 г. начинается эпоха правления Лоренцо Великолепного, отмеченная беспрецедентным подъемом искусств. Он продолжил начатые еще при Козимо традиции меценатства, стимулировав увеличение роста интереса к живописи, скульптуре, архитектуре и т. д., а также, тем самым, получив поддержку среднего класса. В то же время, его правление отличается относительной политической неустойчивостью положения семейства Медичи. Со смертью Лоренцо Великолепного в 1492 г. заканчивается золотой век Флоренции, а Медичи теряют свое могущество. В 1494 г. Пьеро ди Лоренцо, абсолютно не имевший ни навыков управления, ни дипломатического чутья [3, Р. 369], сдал движущемуся на Неаполь французскому королю Карлу VIII часть земель республики, чем вызвал гнев горожан и за что был изгнан из города, как изменник родине [6, Р. 466]. В XVI в. Медичи возвратятся в город и даже займут прежнее положение, однако вернуть былое величие им так и не удастся.

Появление в результате многочисленных и продуманных династических браков разветвленной сети родственных связей, с одной стороны привело к тому, что воевать с Медичи представителям прочих династий было невыгодно — это приносило больше неудобств, чем прибыли. С другой — к тому, что заключая «правильные» браки, они получали контроль над стратегически важными ресурсами, такими как армия, деньги, активы, репутация; распространяли свое влияние в политической сфере. Ярким примером может послужить брак Лоренцо Медичи и Кларичи Орсини. Дом Орсини, наряду с их соперниками Колонна, являлся самым знатным аристократическим родом Рима, что способствовало повышению социального статуса Медичи. Представители этой семьи регулярно занимали высшие духовные должности: папы Целестин III (Джачинто Орсини) и Николай III (Джованни Орсини), а также множество кардиналов и архиепископов [7; 8]. Приданое Кларичи составило 6 тыс. римских флоринов, а ее отец — Якопо Орсини — был прославленным военачальником. Помимо этого, брачные союзы связывали Медичи с такими фамилиями, как Питти, Торнабуони, Сальвиати и т. д.

Основным инструментом, позволявшим распространить свое политическое влияние, являлся банк Медичи — крупнейший и наиболее уважаемый банк Европы того времени. Выдавая кредиты влиятельным лицам, наиболее известными из которых были короли Англии и Неаполя, папы Иоанн XXIII, Сикст IV и т. д. [3, Р. 194; 3, Р. 254; 3, Р. 325; 9, Р. 63]. Медичи получали дополнительные рычаги влияния на европейскую политику.

Практически вся история банка Медичи, который являлся одним из столпов владычества семьи во Флоренции и их огромного влияния в Италии и Европе, демонстрирует, что к концу Средневековья, роль финансово-торгового в частности и экономического в целом фактора в политической сфере жизни европейского общества существенно возросла: не слишком многочисленное семейство, главными ресурсами которого были популярность у народа и денежные активы, смогло поставить под свой контроль целую республику и в дальнейшем вполне успешно защищать суверенитет Флоренции, которая при этом даже не обладала собственными вооруженными силами.

Заклячая многочисленные разноплановые сделки в области финансов, торговли разнообразными товарами, банк Медичи, действуя практически во всех странах Европы являлся своего рода предтечей будущих транснациональных корпораций: его зачастую лишь формальное подчинение официальным властным структурам (банк непосредственно отвечал лишь перед семьей Медичи, а не перед республиканскими властями), широчайшее оперативное пространство и заключение сделок с субъектами различных уровней (частные лица, торговые компании, благородные дома, государства) — все это характеризовало банк Медичи как структуру, являвшую собой очередной этап развития глобальной системы финансовых, торговых и политических отношений.

Банк остановил свою деятельность после захвата Флоренции французским королем Карлом VIII в 1494 г. [3, Р. 381]. К тому моменту стало ясно, что выдача кредитов монархам, с одной стороны

приносящая банку значительную выгоду, в том числе и в политическом аспекте, имела серьезные минусы. Требование погашения кредитов всегда имело свои политические последствия. Например, в 1467 г. была попытка возвращения долга Лондонским филиалом. Английская корона задолжала 10 500 фунтов стерлингов, английское дворянство — 1000, и кроме того, 7000 Англия была обязана выплатить согласно контрактам о поставке шерсти. Из-за введущейся войны Алой и Белой розы Эдуард IV был не в состоянии погасить кредит. К тому же филиал одолжил большую сумму денег Ланкастерам, тогда как король являлся представителем династии Йорков, и, следовательно, их кредиты он погашать не намеревался. Это послужило причиной ликвидации лондонского отделения в 1478 г., с общими потерями 51 533 золотых флоринов [9, Р. 63].

Таким образом, свое влияние на политическую жизнь Европы XV в. Медичи распространяли в основном через заключение династических браков и финансовыми методами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чистозвонов А. Н.* К вопросу об эволюции итальянской и нидерландской экономики и торговли в условиях европейской «экономической депрессии» XVI–XV вв. // Средние века. Вып. 41. Москва, 1977. С. 34–49.
2. *Origins of the family* // URL: http://www.palazzo-medici.it/mediateca/en/Scheda_Ante_XIII_secolo_-_Origini_della_famiglia (последнее обращение: 27.11.2015).
3. *Raymond de Roover.* The rise and decline of Medici Bank 1397-1494 // Cambridge; Massachusetts, 1963.
4. *Richard A. Goldthwaite.* The Medici Bank and the World of Florentine Capitalism // Past & Present. No.114. Oxford, 1987. P. 3-31.
5. *K. Dorothea Ewart Vernon.* Cosimo de' Medici (1899) // The Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/cosimodemedici00vernuoft> (последнее обращение: 27.11.2015).
6. *Якоб Буркхардт.* Культура Возрождения в Италии: опыт исследования. М., 1996.

7. The List of Popes // URL: <http://www.newadvent.org/cathen/12272b.htm> (последнее обращение: 27.11.2015).
8. The Cardinals of the Holy Roman Church. Essay of a General List of Cardinals // URL: <http://www2.fiu.edu/~mirandas/essay.htm> (последнее обращение: 27.11.2015).
9. *Raymond de Roover*. The Medici Bank: its organization, management, and decline. NY., 1948.

VI.

ПРОБЛЕМЫ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ

**РИМЛЯНЕ НА СЛУЖБЕ ВАРВАРОВ НА ЗАПАДЕ
В КОНЦЕ V – НАЧАЛЕ VI В.:
ВОПРОСЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ**

Период образования варварских королевств должен был стать периодом политического вакуума, когда старые правители уже не управляли территориями, а новые владыки еще только учились управлять землями, зачастую будучи совершенно некомпетентными в этом. Можно привести в пример мнение Атаульфа, одного из королей готов, сохраненное Павлом Орозием: «на большом опыте он (Атаульф — А. П.) убедился, что ни готы не могут повиноваться законам из-за своей неукротимой дикости, ни государство не может быть лишено законов, ибо без них государство — не государство» [1, С. 222]. Осознав это, Атаульф стремится «обрести себе славу человека, восстановившего в цветущем состоянии и укрепившего силами готов римское имя, и стать для потомков инициатором восстановления Римского государства, после того как не смог сделаться его преобразователем» [1, С. 222]. Вслед за Атаульфом и другие правители варваров предпочитают стать частью римского общества. Происходит формальное принятие варварскими королями римских титулов. Варвары, всячески стремясь подчеркнуть римскую составляющую своей власти, старались походить на римлян [2], сохраняя и укрепляя римские формы управления государством. Для этого варварские короли привлекали к себе на службу аристократов, знакомых с принципами управления государством [3, Р. 89-94]. Эти аристократы, в том числе, занимались и вопросами внешней политики варварских королевств и внешнеполитического общения.

На Западе конца V – начала VI вв. известно несколько римлян, бывших придворными королей-варваров и занимавших довольно значимое место при обсуждении вопросов внешней политики новых королевств. Наиболее широко известен пример Кассиодора Сенатора [4, С. 73-109], одного из ближайших сподвижников остготского короля Теодориха Великого. Кассиодор оставил после себя знаменитые *Variae*, в которые, помимо всего прочего, включил также переписку короля с правителями других держав (подробнее о переписке и внешнеполитическом общении времен Кассиодора см. [5, Р. 174-190]). Кроме того, Кассиодор некоторое время исполнял должность магистра оффиций при дворе остготского правителя. Должность эта предполагала участие в переговорах с иностранными послами и контроль за всей международной перепиской [6, Р. 93-98]. К сожалению, нам неизвестно, был ли посланником сам Кассиодор Сенатор, однако его дед совместно с сыном Аэция Карилионом являлся послом к гуннам. По итогам миссии дед, которого звали так же Кассиодором, получил поместье в Бруттии и звание иллюстрия [7, Р. 264], что и позволило роду Кассиодоров закрепиться в политической верхушке Западной империи.

Другим примером является деятельность Льва Нарбонского [7, Р. 662-663], одного из советников правителя вестготов Эвриха. Представитель галло-римской знати, Лев довольно долгое время занимал высокие посты в королевстве вестготов [3, Р. 92]. Так, «Житие Епифания» [8], повествующее среди прочего о посольстве Епифания, епископа Тицина (совр. Павия) к Эвриху в 474 г. [5, Р. 284-285], сообщает, что Лев был руководителем советников (*consiliorum principes moderator et arbiter*). Григорий Турский в *Liber in gloria martyrum* упоминает Льва в качестве советника Алариха II (*consiliario*) [9, Р. 99]. Кроме того, Лев известен нам из писем Сидония Аполлинария, одним из корреспондентов которого он был.

Сидоний называет Льва одним из влиятельнейших придворных Эвриха. По словам Аполлинария, Лев уже в 60-х гг. V в. был *vir spectabilis* (Sid. Apol. Carm. XIV.2. (здесь и далее ссылки на произведения

Сидония идут по изданию в *Monumenta Germaniae Historica* [10]), т. е. обладал довольно высоким придворным чином. В письмах Льву, написанных в 477–478 гг., Сидоний говорит об обязанностях Льва при дворе. Лев должен был участвовать в советах Эвриха, где обсуждались вопросы войны и мира, переговоров со многими народами (*Sid. Apol. Epist. IV, 22.3.*). Так же Лев, известный своим красноречием, составлял речи для Эвриха, среди которых были и ответы на просьбы послов других держав. Причем Сидоний упоминает некие заморские племена в качестве адресатов этих речей. Кто это был — неясно. Интересно в этой связи отметить упоминание Эннодия о том, что Эврих во время переговоров говорил на «неведомом наречии» (VE,89), а ответ Епифаний получил через переводчика [8, С. 82-83], которым, возможно, также был Лев. Вполне возможно, что он контролировал процедуру непосредственного приема послов королем вестготов. Лев, прославившийся на юридическом поприще [7, Р. 662], и вероятно, знавший процедуру приема и отправления посольств, должен был встречать посольства в качестве главы советников Эвриха (VE,85), назначать день общения и заниматься организацией приема [8, С. 81]. Также, согласно некоторым оговоркам этого источника, Лев был одним из присутствующих при общении послов с правителем.

Как мы видим, функции Льва при дворе во многом схожи с обязанностями магистра оффиций [11, С. 314]. Хотя формально этой должности при Эврихе Лев не занимал, однако даже описание его деятельности говорит о том, что подобный чиновник был необходим варварским правителям и готам в частности. Однако стоит отметить, что Лев лично не участвует в посольских миссиях к другим народам (либо сведения об этом не сохранились), а ограничивается участием в них в качестве советника принимающей стороны.

Еще одним римлянином, выполнявшим функции, сходные с обязанностями магистра оффиций, был Лаконий [7, Р. 653], приближенный бургундского короля Гундобада. О нем известно не так много, как о Кассиодоре или Льве Нарбонском. Однако факты, о которых

мы знаем, говорят о его высокой вовлеченности в дела, связанные с внешней политикой.

Подобно Льву, Лаконий был юристом и благодаря этому входил в совет приближенных правителя. Его, как и Льва, упоминает Житие Епифания, сообщая, что Лаконий присутствовал в помещении, выбранном для переговоров в момент изложения послом вопроса. Детализировать решение короля бургундов (т.е. составить списки пленных, подлежащих освобождению по итогам переговоров) должен был так же Лаконий [8, С. 107].

Итак, все рассмотренные нами римляне занимались чем-то схожим, в той или иной степени, с деятельностью магистра оффиций. Пройдя обучение в риторских и юридических школах, они помогали сохранять формулы предыдущих эпох в дипломатической переписке, личном общении между посланниками. Порой им приходилось детализировать довольно краткие решения варваров. Кроме того, римляне, служившие королям вест- и остготов, бургундов и т.п. старались сохранять римские обычаи приема посланников. Однако рассматриваемые нами римляне не фигурируют в источниках в качестве полностью самостоятельных деятелей, они лишь доносят решения правителя варваров до посланников или адресатов писем в общепринятой для тех времен формулировке. По существу их деятельность в области внешней политики видится в контроле над соблюдением процедурных нюансов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Орозий Павел*. История против язычников: Кн. VI-VII / пер. с лат, комментарии, указатели и библиография В. М. Тюленева. СПб., 2003.
2. *Бойцов М. А.* В шурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // *Искусство власти*. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 46-87.
3. *Heather P.* The Emergence of Visigothic Kingdom // *Fifth-century Gaul: a crisis of identity?* / Ed. J. Drinkwater & H. Elton. Cambridge, 2002.
4. *Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989.

5. *Gillet A. Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533.* Cambridge, 2003.
6. *Boak A. E. R. The Master of the Offices in the Later Roman and Byzantine Empires.* L., 1919.
7. *The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume II. A.D. 395–527 /* by Martindale J. R. Cambridge, 1980.
8. *Эннодий Магн Феликс. Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви // Магн Феликс Эннодий. Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви. Панегирик королю Теодориху. Житие блаженного монаха Антония. Благодарение за свою жизнь / пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатели В. М. Тюленева.* СПб., 2013. С. 53-116.
9. *Gregorii Turonensis. Liber in gloria martyrum // Gregorii Turonensis Opera. Teil 2: Miracula et opera minora. Editio nova lucisope expressa /* MGH SRM 1. Ed. V. Krusch. Hannover, 1969.
10. *Gaius Solius Apollinaris Sidonius. Epistulae et Carmina /* MGH AA 8. Ed. Chr. Luetjohann et al. Berlin, 1888.
11. *Ешевский С. В. К. С. Аполлинарий Сидоний, Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века // Сочинения С. В. Ешевского. Часть третья.* М, 1870.

**СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ И ЛУП ТРУАСКИЙ.
ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕРКОВНОЙ
АРИСТОКРАТИИ ГАЛЛИИ V ВЕКА**

В V–VI вв. церкви в Галлии представляют собой довольно активный и сплоченный структурный организм. Этому они во многом обязаны активной деятельности высшего духовенства. Основное ядро галльского епископата составляли кланы родовой галло-римской аристократии [1, S. 64-67], традиционно имевшие большую силу и авторитет в галльском обществе. Примечателен тот факт, что представители галло-римской церковной аристократии ведут свою деятельность в цепочке взаимодействия друг с другом.

Таким образом, у нас есть возможность говорить о формировании своего рода *епископского сообщества* в Галлии, представители которого действуют в цепочке взаимодействия друг с другом. Назревает вопрос: где можно искать корни образования такого сплоченного содружества епископов в галльском регионе? Какие факторы способствовали этому? Ключ к объяснению причин появления такого активного объединения лежит, на мой взгляд, в понимании внутренней природы и характера взаимоотношений между представителями галло-римской церковной аристократии, а так же внешних условий самой эпохи, в которых эти процессы происходили. Данная статья же посвящена взаимоотношениям двух замечательных епископов-аристократов Галлии V в., Сидония Аполлинария (430–490 гг.) и Лупа Труаского (383–479 гг.), сведения о которой нам известны благодаря их частично сохранившейся переписке.

Всего из собрания писем Сидония четыре послания адресованы Лупу Труаскому. В нашем арсенале есть и одно ответное письмо

Лула Сидонию. Впрочем, нужно сказать, что подлинность этого послания была поставлена под сомнение французским исследователем XIX в. Жульеном Аве [2, Р. 254; 3, Р. 377; 4, S. 321-322].

Сидоний был в дружеских отношениях с Лупом еще до своего посвящения в 471 г. Нет никаких сомнений, что такая дружба уходит корнями к их общему аристократическому происхождению. Представителей нобилитета скрепляло осознание родственных уз внутри семьи/рода. Причастность классическому образованию, административной службе, общность образа жизни, литературных, политических и, в конце концов, экономических интересов, а также осознания собственной исключительности в галло-римском обществе объединяли аристократию перед вызовами современности.

Избрание же знатного нобилиа на епископский престол только скрепляло его связи с другими аристократами-епископами, как это было, например, в случае с восшествием Сидония на кафедру Клермона. После этого события он получает поздравительное письмо от Лула Труаского (ок. 471 г.): *«Хвала тебе, старый друг, но юный собрат! Последний титул низводит собой все предшествующее, и сегодня я готов забыть все, относящееся к нашей прежней любви, ибо новая [любовь], [налагаемая на нас твоим] званием, делает [нашу] связь и теснее и крепче»* [5, I].

Взаимоотношения Лула и Сидония как представителей высшего духовенства строились по принципу: «старший собрат — младший собрат», или «наставник — ученик». К тому времени, когда Сидоний был посвящен в сан епископа Клермона (ок. 471 г.), Луп уже как целых 45 лет являлся предстоятелем Труа и имел большой духовный авторитет, как среди паствы, так и в церковном кругу. Для сравнения, к этому моменту Сидонию едва ли перевалило за сорок, когда Луп уже был в преклонном возрасте — около 90 лет. В этом послании Луп наставляет своего друга на путь истинный, предлагает ему нравственный образец пастыря и призывает Сидония отречься от мирской суеты и земных почестей, которые были присущи ему как нобилию, ритору и государственному чиновнику

[6, С. 19]: «Отныне, истинно, такое бремя ложится на тебя, чтобы ты стал рабом для всех, — ты, который [прежде] видел себя господином всех, и чтобы ты попираем стал другими — ты, который притеснял прочих... Поступай же так, чтобы направлял ты свои помыслы ныне к божественному, ты, который прежде столь тяготел к человеческому. И пусть народ твой, некогда собиравший со слов твоих розы мирского красноречия, получает теперь из уст твоих терновые шипы с чела Распятого; и пусть те, кто почерпнули из речи [мирского] властелина правила светского учения, обратут из речи священноначальника учение небесное» [5, I].

Как нам расценивать эти слова Лупа? Декламирует ли он тем самым отречение от аристократического круга? Навряд ли. Луп и Сидоний были и продолжали оставаться представителями галло-римского нобилитета. Дело в том, что Луп, приняв сан слуги Божьего, пропагандирует отречение от прежней модели поведения, которая не сопоставима с церковным служением. Сидония и Лупа следует относить к двум разным моделям епископа. Если Сидоний не кто иной, как выразитель «аристократического» типа, то Луп же, безусловно, являет собой «аскетический» тип.

Новоявленному епископу Сидонию, посвятившему всю свою прежнюю жизнь служению музам и не очень хорошо разбиравшемуся во многих богословских тонкостях, было очень важно заручиться поддержкой близких и авторитетных галльских клириков-аристократов. Он с раскаянием воспринимает наставления Лупа и в ответном письме обещает ему следовать идеалу [7, VI. 1], который тот обрисовал в своем послании. С другой же стороны, у Лупа также был свой интерес в избрании Сидония епископом Клермона. Он видел в нем своего преемника.

Перед нами предстает история о том, как прежняя дружба аристократов превратилась в настоящее взаимодействие представителей высшего духовенства, объединенных общностью аристократического происхождения, церковного долга, а также личными симпатиями. Еще кое-что объединяло благородных церковнослужителей, и это то,

что они начинали впитывать еще с юношеских лет: классическое образование, любовь к литературе и латинскому языку. Классическая образованность — главный и неотъемлемый атрибут знатного происхождения, инструмент самоидентификации аристократа, его обязательного самовыражения.

Представители нобилитета оставались непосредственными носителями высокой греко-римской культуры в эту тяжелую эпоху, эпоху культурного кризиса. И они осознавали свою уникальность и, в связи с этим, миссию, возложенную на них — спасение родной (высокой) культуры. Аристократы же ставшие епископами не могли полностью отказаться от привычных их душе поэзии и светской литературы. Данное положение хорошо иллюстрирует хронологически последнее из дошедших до нас посланий Сидония Лупу (ок. 478 г.).

Предыстория: Сидоний закончив работу над вторым томом своих писем [8, P. 251], отправляет их в Труа Лупу, дабы тот ознакомившись и сделав копию, переправил ее к следующему адресату (для нас он остается *incognito*), где «книжица» должна остаться уже в качестве подарка. По-видимому, Лупу не понравилось пренебрежение со стороны друга своей персоны и тот отправляет ему в ответ послание полное обид и упреков (оно не сохранилось, о существовании этого письма ясно из контекста Ер. IX. 11). Сидоний, нисколько ни теряясь, отвечает ему блестящим, с точки зрения эпитолярного искусства, письмом, где оправдывается и приносит извинения за свой «проступок», ни на йоту при этом не унижаясь и не оскорбляя чувства своего обиженного друга: *«Ибо хотя строгость твоего суждения по поводу моих литературных талантов, равно как и нравов должна приводить меня в трепет, все же я признаю, что [причиной] открытия тома и самого труда, что меня более тяготило, была дружба [caritas], которую Вы протягиваете мне. Поскольку эта сила [дружбы] от природы присуща душам смертных и, если что случается по ошибке, то более всего прощают друзья»* [7, IX. 11].

Вообще, тема дружбы является сквозным мотивом этого письма. Друзья должны прощать друг другу обиды. Подобное же поведение Сидоний списывает на собственную «неуверенность» перед Лупом, ибо если бы эта книга предназначалась ему в подарок и получила бы от него отрицательную оценку, то это бы выглядело дерзко со стороны Сидония. Автор письма всячески подчеркивает литературные таланты своего друга:

«Ты дарования всех литераторов (на свой же счет я молчу), если взор дотянется, выявляешь, словно солнечный луч, который по своему обыкновению извлекает с помощью [своих] впитывающих атомов воду, сокрытую земными недрами.... Так, о святой муж, если ты выскажешь свое мнение тем ревнителям словесности, кто кроткий, робкий или скрывается от брошенной молвы в темном месте, то тогда яркость твоего красноречия искусным собеседованием взбодрит их и выпустит в свет» [7, IX. 11].

Из этого пассажа видно, что Сидония волнует критическая оценка Лупом его творчества. Он намекает, что чувствовал бы себя намного увереннее, если бы Луп дал слова одобрения. Сидоний ставит акцент также на том, что имя его старшего собрата чаще всех (а конкретно чаще, чем имя того, кому том предназначен в подарок) пестрит на полях его рукописи не только в письмах ему самому, но и другим адресатам, *«титул твой стоит первым в книге, словно ты [первый] среди кафедр других первосвященников» [7, IX. 11].*

Как видно, вопросы словесности горячо волновали не только епископов, аристократического типа, как Сидоний, но и суровых аскетов, как Луп Труаский. Безусловно, Луп, будучи аскетом, оторкшимся от мирских благ, оставался образованным аристократом, разбирающимся в светских науках.

Сидоний совместно с Лупом занимались также пастырской деятельностью. Остальные два выбранных Сидонием для публикации письма, к сожалению, приоткрывают исследователю лишь немногие функции их деловых взаимоотношений: судебную и функцию поддержания социальной справедливости. Но и этого достаточно, чтобы увидеть функциональность их деятельности.

В письме VI. 4 Сидоний просит Лупа уладить дело, касающиеся кражи разбойниками свободнорожденной и продажи ее в рабство. Родственники пропавшей, которые пришли к Сидонию, выяснили до этого, что продажа была совершена на территории Оверни (диоцез Сидония). Далее, как оказалось, пропавшая скончалась в рабстве, а единственный известный очевидец происшедшего беззакония — человек, который подписью подтвердил сделку на момент расследования — находился в Труа. Соответственно, Сидоний посылает Лупу письмо, где предлагает ему уладить дело без ущерба обоим сторонам [7, VI. 4].

Следующий этюд содержится в письме VI. 9 и рассказывает, как Луп, по просьбе Сидония, написав осуждающее послание, оказал моральное воздействие на мужа, ушедшего от своей супруги, и если же в предыдущем письме исход дела неизвестен, то здесь о возвращении мужа докладывается Лупу постфактум [7, VI. 9].

Этот эпизод из истории Галлии V в., воссозданный по нескольким письмам, демонстрирует насколько были важны симпатии и хорошие межличностные отношения для успешного сотрудничества и функциональности высшего духовенства. Корневые причины же формирования подобного рода епископского сообщества стоит искать, на мой взгляд, в *едином социальном происхождении* большей части церковных иерархов Галлии, принадлежащих к знатным кланам аристократии, которая издревле имела огромное влияние общественных структурах тогда еще кельтской Галлии.

С наступлением в Галлии таких процессов как романизация, а затем и христианизация, галльские аристократы успешно приспосабливаются к новым условиям, впитывают в себя греко-римскую образованность, которая является основой основ жизни культурного нобилиа, а также с течением времени и принимают новую веру. Позже, реагируя на вызовы современности, они берут на себя другую культурную роль не только с новыми церковными функциями и традициями, но и, порой, с сохранением за собой старых. Члены галло-римского епископата уже априори представляли собой определенный круг, состоя в тесных связях и нередко в родстве между собой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gassman P.* Der Episcopat in Gallien im 5. Jahrhundert. Diss. Bonn, 1977.
2. *Havet J.* Questions mérovingiennes. II. Les découvertes de Jérôme Vignier // Bibliothèque de l'école des chartes. 1885. T. 46.
3. *Mathisen R.* PLRE II: Suggested Addenda and Corrigenda, *Historia* 31 (1982).
4. *Kaufmann F.* Studien zu Sidonius Apollinaris. Frankfurt am Main, 1995.
5. *S. Lupus Trecensis.* Epistola I // *Patrologiae cursus completus. Series Latina* / Ed. J.-P. Migne. Parisius, 1847. T. 58. col. 63–65.
6. Манукян Э. М. Переписка Сидония Аполлинария и Лупа Труаского // *CURSOR MUNDI. Человек Античности, Средневековья, Возрождения.* №6. Иваново, 2014. С. 17-23.
7. *Sidonius Apollinaris.* Epistulae et Carmina / Rec. Chr. Luetjohann // *MGH AA Bd. 8.* Berlin, 1887.
8. *Dalton O. M.* Notes // *The Letters of Sidonius, translated, with introduction and notes by Ormonde M. Dalton, Vol. 2.* Oxford, 1915.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ АНГЛОСАКСОНСКОЙ АББАТИСЫ VII – НАЧАЛА VIII ВВ.

Неизменный интерес исследователей вызывает участие женщин, происходящих из различных германских племен, в распространении христианства на западе Европы и Британских островах. История женского религиозного подвижничества в Британии начинается позднее, чем на континенте, что обусловлено упадком романо-бриттской церкви после вторжения германских племен в середине V столетия. Среди исследователей принято говорить о повторной христианизации Британии в период папства Григория I Великого (590–604 гг.). Именно на германской почве зародилась одна из самых мощных волн христианского подвижничества раннесредневекового Запада VII–VIII вв., значительной частью которого стало женское монашество.

Деятельности аббатис в административной сфере в историографии уделено недостаточно внимания. Чтобы восполнить эту лауну, необходимо выявить круг обязанностей аббатисы в период расцвета женского монашества в англосаксонских королевствах (середина VII – первая половина VIII вв.), способы ее влияния в мирских и церковных делах, а также некоторые вопросы, связанные с повседневной жизнью обители.

Исследования отечественных и зарубежных медиевистов, посвященные развитию женского монашества, основываются, в первую очередь, на труде Беды Достопочтенного «Церковная история народа англов» и жизнеописаниях святых дев. Тем не менее, важные сведения могут быть почерпнуты из корреспонденции аббатис, которую следует рассматривать в комплексе с другими источниками.

Высокий статус женщины в островной церкви не вызывает сомнения и иногда связывается медиевистами с особым положением женщины в древнегерманских племенах [1, С. 282–284], что нашло отражение в эпосе. Вместе с тем, исследователи склоняются к точке зрения, что женское монашество Британии представляло «древнейший тип христианской святости», было близко к идеалам Церкви первых столетий [2; 3, Р. 164]. Также статус аббатисы был следствием ее высокого социального положения: настоятельницами нередко были женщины королевской крови, которые выросли в монастырских стенах или же покинули мир в сознательном возрасте. Тесная связь королевских домов и монастырей обеспечила быстрое включение последних в сферу влияния светских правителей. Процессы, возглавив обитель, непрестанно возносили молитвы за души представителей своей династии [4, Р. 83–84], монастырь становился королевской усыпальницей и местом духовного отдыха — туда отправлялись королевы за наставлениями и удалялись вдовы.

Одним из самых ярких примеров этой стратегии является описанная Бедой Достопочтенным клятва короля Нортумбрии Освиу. Вознося молитву Господу перед решающим сражением, король обещает посвятить Христу свою дочь Эльфледу и пожертвовать на строительство монастырей двенадцать участков земли [4, С. 98]. Среди основанных обителей были монастыри Хартлпул, куда принцесса была отдана на воспитание своей родственнице, и Стренескальк (Уитби), который Эльфледа со временем возглавила. Оба этих монастыря тесно связаны с именем наставницы самой известной англосаксонской аббатисы — Хильды (ок. 615 – 680 гг.), краткое жизнеописание которой занимает несколько глав «Церковной истории народа англов». Известно, что она последовательно возглавляла три обители: небольшой монастырь на реке Уир, Хартлпул и Стренескальк. Главной заслугой аббатисы Беда называет «утверждение [монашеского] правила жизни» и наставничество в изучении Святого Писания и других наук [4, С. 98]. Прожив некоторое время во франкских монастырях и будучи ученицей ирландского миссионера

св. Айдана, Хильда действительно прекрасно знала, как организовать внутренний распорядок жизни монастыря, тем более что сам Айдан и его братья навещали и наставляли ее в управлении вверенной обителью. Это объясняет желание короля Освальда поочередно поручить Хильде управление основанными по его приказу монастырями. В чем заключалось правило, которое утверждала Хильда? Среди исследователей господствует мнение, что единого устава в англосаксонских монастырях не существовало, и каждый аббат или аббатиса во многих случаях действовали на свое усмотрение, руководствуясь здравым смыслом и опытом наставников [5, С. 506]. Беда пишет, что новая аббатиса «научила всех строго блюсти добродетели праведности, благочестия и чистоты, равно как и другие добродетели, но превыше всего — то, что способствует миру и благочестию» [4, С. 98]. Подражая примеру ирландских монахов-отшельников, Хильда «по примеру древней церкви» ввела в обителях принцип нестяжательства [3, Р. 164].

Наравне с добродетелями и усердием в их проповеди, Беда Достопочтенный ценил образованность самой Хильды. Беда пишет, что у нее находили советы и помощь церковные и светские правители. Именно в годы ее управления в Уитби прошел знаменитый Собор, разрешивший противоречия ирландских и римских миссионеров в Британии, причем Хильда и ее монахини выступали самостоятельной силой в диспуте [4, С. 100–104]. Очевидно, что аббатиса была уполномочена принимать решения, относящиеся к жизни обители, но также и выносить суждения догматического характера. Об этом свидетельствует упомянутый отрывок из «Церковной истории», а также история пастуха Кэдмона, получившего божественный дар излагать Священное писание аллитерационным стихом. Изначально происхождение дара вызвало опасения как у самого Кэдмона, так и у управителя его поместьем, и лишь аббатиса, выслушавшая стихи Кэдмона, «признала в нем благодать Божью» и побудила принять монашеский постриг в окружении «ученых мужей». Монахи Уитби действительно были превосходно образованы,

о чем напрямую свидетельствует не только Беда, но и тот факт, что пять англосаксонских епископов учились именно в этой обители. По примеру своих ирландских учителей Хильда уделяла значительное время изучению божественных наук, а ее подопечные были настолько усердны, что «порой было трудной найти кого-то... для алтарного служения» [4, С. 138].

Прославилась своими организаторскими способностями, усердием в обучении монашескому правилу и другая аббатиса англосаксонского происхождения — Леоба (ок. 700 – 780 гг.). Она была самой известной сподвижницей апостола Германии Винфрида-Бонифация, откликнувшейся на его призыв покинуть родину и отправиться проповедовать Слово Божье в землях германских племен. Леоба вместе с тридцатью монахинями обители Уимборн возглавила только что основанный монастырь Таубербишофсхайм во Франконии. Порядок, который Леоба установила в Таубербишофсхайме, имел во многом англосаксонские корни. В его основе лежала чуждость крайней аскезе и умеренность, в том числе, и в духовных практиках — молитвах и бдениях. Например, аббатиса заботилась, чтобы монахини всегда были внимательны и готовы к «умной молитве», поэтому она не позволяла сестрам отходить ко сну слишком поздно и обеспечивала им дневной отдых. Авторитет Леобы был настолько высок, что ради наставлений ее приглашали посетить и другие монастыри Франконии.

Автор жития Леобы, Рудольф из Фульды, постоянно напоминает читателю, что современники ценили Леобу не только за добродетельный образ жизни, но также за удивительно обширные познания как в церковных, так и светских науках. Рудольф пишет, что благодаря чтению и своему необычайному уму, полученным от Бога талантам и непрестанному труду святая стала необычайно образованной [6, Р. 126]. Глубокие познания Леобы в Священном Писании и церковных науках обеспечили ей признание не только в монашеской среде. Советы аббатисы ценились епископами в вопросах церковного устройства (*institutia ecclesiastica*), а франкские правители —

Пипин Короткий, его сыновья Карломан и Карл — принимали ее с большим почетом и дорогими дарами. Особым почтением Леоба пользовалась у королевы Хильдегарды, которая на примере аббатисы совершенствовалась в духовной жизни. Так образованность и жизненный опыт англосаксонской монахини обеспечили ей место при франкском дворе. Следует заметить, что подобный образ жизни, предполагающий самостоятельные путешествия, визиты к светским и духовным владыкам, наставническая деятельность, был более характерен для ирландских монахов, проводящих большую часть своей жизни в странствиях, тогда как по традиции, берущей начало от св. Бенедикта, монашествующие не должны были покидать свою обитель [7, Р. 26–28].

Современницей Леобы была Эангют. Из источников невозможно сделать вывод, аббатисой какого именно монастыря она была, но именно из ее письма епископу Винфриду-Бонифацию происходят самые эмоциональные жалобы на бедственное положение обители. Эангют пишет Бонифацию около 720 г. письмо, в основе которого глубокие переживания аббатисы, потерявшей большинство своих родичей и столкнувшейся с множеством трудностей во вверенной ей обители. В первую очередь Эангют обеспокоена спасением душ насельников и насельниц «разного возраста и положения» в своем монастыре, потому как она осознает свою ответственность за них вплоть до Судного Дня. Равно как о душах, аббатиса была обеспокоена и повседневными нуждами своих подопечных. «Также мы обременены нищетой и нехваткой самого необходимого, скудностью урожая наших полей и взысканиями королей, основанными на обвинении тех, кто завидует нам», — пишет она [8, Р. 262]. Хотя ранее мы сказали о прочной связи монастырей и королевских династий, письмо Эангют представляет эти взаимоотношения в иной перспективе. Из приведенной цитаты следует, что монастырь являлся самостоятельным участником некоего конфликта с последующим судебным разбирательством. Помимо наложения определенного штрафа, Эангют также жалуется на обременённость некими «обязательствами»

(*similiter servitium*) перед королем и королевой, епископом, «префектом» и другими должностными лицами [8, Р. 262]. Несмотря на свой отказ от мирского при принятии пострига, аббатиса была тесно связана с ним, представляя монастырь в имущественных и публичных взаимоотношениях, обеспечивая включенность своей обители в социальный контекст.

Со временем в круг обязанностей аббатис стали входить не только забота о насельницах обители, вознесение молитв за спасение душ своих патронов, но и широкий круг административных задач. Безусловно, на первом месте стояла организация внутреннего распорядка монастыря, исполнение Устава, регламент жизни монахов и монахинь. Одновременно на аббатисе лежали и хозяйственные функции: как на распорядительнице послушаний и работ на ней лежала ответственность за поддержание благополучия монастыря. Немаловажную роль в этой задаче играло включение монастырей в сложную сеть социальных и патронажных взаимоотношений. Таким образом, аббатиса становилась связующим звеном между монастырем и миром. С середины VII столетия можно говорить о влиянии аббатисы на мирское население близлежащих поселений как держателя пожертвованных монастырю земель и как духовного авторитета. Также аббатиса была представителем своей обители в публичной сфере, участвуя в светских и церковных тяжбах, прямо или косвенно участвуя в придворной жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гвоздецкая Н. Ю. Англосаксонская история в лицах и конфликтах / Учебное пособие. Иваново, 2001.
2. Супрун Т. Н. Особенности развития духовной культуры англосаксов в период зарождения нации // Глаголь. Вып. 7. М., 2002. [Электронная версия]. URL: <http://tricolor.org/europe/britania/mp/suprun> (последнее обращение: 27.11.2015).
3. Foot S. Monastic Life in Anglo-Saxon England, c. 600-900. Cambridge University Press, 2009.

4. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / перевод с латинского, вступит. статья, комментарии В. В. Эрлихмана. СПб., 2001.
5. Усков Н. Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. Германские земли II/III – середины XI в. СПб., 2001.
6. Vita s. Leobae auctore Rudolfo / ed. G. Waitz // MGH Scriptores, T. 15(1). Hannover, 1887. P. 118–131.
7. Lawrence C. H. Medieval monasticism. Forms of religious life in Western Europe in the Middle Ages. L., 1985.
8. S. Bonifatii et Lulli Epistolae / ed. G. Waitz // MGH, Epistolae Merovingici et Karolini aevi, T. 6. Berlin, 1892. P. 260–264.

ОБРАЗ ВАРВАРА В ТРУДАХ ПАТРИАРХА ФОТИЯ

Образ варвара, нашедший свое выражение в понятиях «свой»-«чужой» первоначально обозначал лишь лингвистическое различие, ибо варвар для грека был тот, кто не владеет логосом, или греческим языком.

Формирование самого понятия βάρβαρος именно со значением непонятности чужой речи и его первые упоминания относятся к VI в. до н. э.

«Образ варвара» в античной литературе был отражен в разных концепциях: Аристотель считал, что у варваров рабство в природе [1, С. 385], стоики же утверждали естественное равенство всех людей. С ростом самосознания греков варварство приобретало и новые смыслы: религиозные, политические, культурные. Греко-варварский антагонизм сделался аксиомой. Варварское — это нечто чужое, дикое, как минимум, требующее переделки. Византийская традиция в описании варваров продолжает античные. Первоначально христиане не были склонны подчеркивать старое противопоставление варваров и римлян, но со временем они заменили его на другие полярные понятия — христиане и язычники.

Образ варвара в работах Патриарха Фотия занимает особое место. Как и большинство византийских авторов, Фотий постоянно подчеркивал враждебность окружающих Империю народов. Однако, по мнению Патриарха, дикость и жестокость варваров может быть умиротворена христианской верой.

Несмотря на традиционное восприятие варвара как «отрицательного персонажа», в текстах Фотия часто можно увидеть и симпатию к этим людям. Фотий признает за варварами стремление к

свободе и считает это признаком человечности из всей варварской дикости.

Набеги варварских народов на Империю становились, зачастую, поводом к тому, что Византия обращала на эти народы свое внимание. Так было и с осадой росами Константинополя в 860 г., очевидцем которой был Фотий.

«Библиотека» Фотия является кратким пересказом прочитанных им лично книг. Она поделена на кодексы — самые разнообразные по своему содержанию. В них можно найти описание почти всех народов, с которыми сталкивались Греция, Рим, а затем и Византия: индусы, персы, авары, славяне, готы. Автор подробно рассказывает о том или ином варварском народе, потому что находит какие-то аналогии с событиями, актуальными для Византии его времени.

Фотий проявлял интерес не только к близлежащим пограничным «варварским» народам, но и к далеким экзотическим странам, таким как Индия. Благодаря его конспекту до нас дошли главы истории Ктесия Книдского с описанием Индии.

«Индика» Ктесия Книдского стала первой картиной Индии для греков Античности. «Индика» Ктесия — это пространное описание флоры и фауны, обычаев, нравов и достопримечательностей. Наряду с реальными фактами большое внимание Ксетий, а за ним и Фотий в своем кодексе, уделяют фантастическим существам.

Представление, иногда фантастическое, о том, как могут выглядеть и жить люди, далекие от античной цивилизации, превалирует у Ктесия. Недостаток достоверных сведений оставляет место для фантазии автора, пересказу слухов и легенд.

Фантастическое описание варварского, нехристианского народа индов в виде животных отражало византийское мировоззрение Фотия, предполагающее противопоставление образов «грек-христианин» — «варвар-не христианин». Здесь также явно прослеживается все та же мысль, которая зародилась в Античности — антагонизм «свой»-«чужой». В данном случае, это жестокость мира полуживотных-варваров и человечность ромеев-христиан.

Далекий и диковинный мир, страна язычников, противопоставлена избранному Богом миру ромеев-христиан.

В самом конце кодекса Фотий показывает свое отношение к трудам Ктесия. Он называет их «баснями» и сомневается в истинности данного описания. Но несмотря на это, Фотий довольно подробно пересказывает текст Ктесия, признавая тем самым его ценность, как в части описания флоры, фауны, географии Индии и достоверных сведений о жителях Индии, так и фантастических измышлений.

Совсем по-другому описывает Фотий персов. К IX в. накопилось много информации об Иране. Фотий, как образованнейший человек того времени, интересующийся гуманитарными науками, не мог не обратить внимание на все богатства материалов по данному региону. В круг его интересов вошли такие известные в то время авторы, как Геродот, Прокопий Кессарийский и Феофилакт Симокатта. Также благодаря Фотию, известно более подробное содержание «Персики» Ктесия.

На основе кодексов «Библиотеки» Фотия, посвященных этому народу, можно сделать вывод, что отношение к персам отличается от отношения к другим «варварским» народам, стоящим намного ниже по уровню развития по сравнению с греками и римлянами. Это можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, тесными многовековыми контактами греков и персов, борьба между которыми велась на равных. Как в дипломатическом, так и в военном искусстве Империя Сасанидов была достойным противником Византийской Империи. Поэтому не могла не вызвать объективного и даже уважительного отношения как со стороны историков древности, которые были непосредственными участниками тех событий, так и со стороны Фотия, который конспектировал эти исторические труды.

Во-вторых, можно увидеть поразительное сходство и, следовательно, взаимное влияние в придворных церемониях, искусстве, военном искусстве, в правовых и налоговых учреждениях, Византии и Персии.

Однако, несмотря на все это, авторы исторических трудов, которые упоминаются Фотием в «Библиотеке», часто прибегают к термину «варвар», описывают жадность, трусость, неблагородство и другие отрицательные черты, которые обычно приписывали античные и византийские авторы варварам. Фотий также подчеркивает нечестивость религии персов. Для него, как и для любого византийца-христианина, варваром является любой «не христианин».

Один из кодексов «Библиотеки» посвящен аварам — кочевому народу осевшему в результате Великого переселения народов в районе Карпатского бассейна. Фотий пересказывает «Историю» Феофилакта Симокатты.

Авары предстают в кодексе Фотия племенем со всеми недостатками, которые греки-христиане видели в «варварских» народах. Автор неоднократно приводит факты, описывающие их жадность и коварство, неумение хранить обещания. Стоит отметить объективность Фотия, который не отказывает аварам в человеколюбии.

Феофилакт, как современник Аварского Каганата, эмоционально описывает события. Для Фотия, который жил в более позднее время, авары — это уже история. Поэтому он пересказывает произведение Феофилакта более хладнокровно. Однако этот вопрос для Фотия мог быть и актуальным, так как в то время на севере Империи появился новый враг — булгары. Они могли ассоциироваться у ромеев с наследниками аварского каганата, как родственный им народ (и те, и другие — тюрки).

В одном из кодексов Фотий пересказывает «Историю» Олимпиодора о готах.

Интерес Фотия к готам обусловлен большой ролью, которую они сыграли в истории Римской империи. Взятие Рима готами в 410 г. потрясло Империю. И хотя Фотий практически не уделяет внимания этому событию, можно предположить, что описывая готов, он понимает, что это было началом конца Западной Римской Империи.

В кодексе Фотия прослеживается тенденция разного отношения к готам, лояльных к Римской Империи, и тех, кто выступает против нее.

Также ключевым для Фотия является вопрос вероисповедания. Хотя готы были еретиками-арианами, все же они не были язычниками, что проявилось при взятии Рима. Они пощадили всех жителей, которые находили убежище в храмах и даже те, кто находился вне церквей, но просто зывал к имени Христа и святых, получили от готов пощаду.

Особо интересна для нас может быть тема славян в произведениях Фотия. Ведь именно Фотий подготовил просвещение славянских народов, поручив составление славянской азбуки и перевод Священного Писания Кириллу и Мефодию.

К сожалению, у Фотия в библиотеке очень мало информации, касающейся славян. Упоминания о них разбросаны по различным кодексам и не представляют там никакой важности. Информация о славянах в «Библиотеке», в основном, посвящена их набегам на империю.

Однако, к счастью, сохранился другой источник, который дает нам уникальные сведения о славянах-росах.

Две гомилии (III и IV) рассказывают о «нашествии народа Рос», так же как и «Окружное послание». Одним из первых и наиболее важных событий в истории взаимоотношений Византии и Руси стала осада в 860 г. Константинополя. Следствием похода 860 г. можно назвать крещение росов посланцем Константинопольского патриарха (не позднее 867 г.).

1-я гомилия о приходе народа Рос была произнесена с кафедры собора Святой Софии Константинопольской 23-го июня 860 г. Патриарх Фотий произносит свою проповедь в скорбное для Константинополя время. Город осажден «народом с севера». Пригороды разграблены, многие жители убиты.

Патриарх Фотий в своей проповеди акцентирует внимание слушателей на нескольких аспектах.

Во-первых, это описание неисчислимых бедствий, причиняемых «страшной грозой гиперборейской» [2, С. 31], как называет их Фотий, указывая, тем самым, откуда прибыл этот народ — с севера.

Фотий употребляет много эпитетов, которые характеризуют захватчиков, как страшную силу.

Другой аспект, на котором сделан акцент в гомилии, — это причина набега варваров: Божья кара за грехи. В те времена варварские нашествия часто трактовались как Божья кара.

Вторая гомилия на нашествие росов была произнесена Фотием после снятия осады Константинополя (в начале июля 860 г.).

Фотий говорит о нападавших как о племени, которое было «незаметно, незначительно и вплоть до самого к нам вторжения неведомо» [2, С. 57]. Но эта фраза не значит, что византийцы ничего не знали о росах. Ведь в первой гомилии Фотий говорит о месте обитания росов. Скорее, это племя не представляло интереса для Византии: «Народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет» [2, С. 57] — характеризует их Фотий. И говорит, что этот народ получил «имя от похода на нас» [2, С. 58].

В «Окружном послании» Фотий пишет о крещении Руси.

Он говорит о том, что народ Рос сменил свою безбожную веру на «на чистую и неподдельную религию христиан» и поставили себя в «ряды подданных» [2, С. 75]. Принятие христианства традиционно рассматривалось в Византии как формальное вхождение в число «подданных» империи. «Они приняли у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием предаются христианским обрядам».

Отправка епископа-пастыря должна была означать основание новой, Русской епархии. Вторая половина IX— начало X в отмечены резкой активизацией миссионерской деятельности Константинополя.

Одним из интереснейших аспектов анализа Фотием варварства является описанный им образ еретика, как полуварвара. Этот термин он применил к императорам-иконоборцам. Здесь мы видим варварство не по происхождению, а варварство сознательное, в отношении к святыням христианства. Династия Исавров принадлежала к ромейской культуре, однако, ее представители и последователи были еретиками-иконоборцами. Одна из главнейших черт варварства — это невежество. Иконоборчество же сопровождалось

уничтожением Святых Образов, начиная от Образа Христа и кончая иконами Святых. Невежество иконоборцев ассоциировалась с варварством. Возможно, поэтому Фотий назвал иконоборцев «полу-варварами» — ромеев по культуре, но варваров по невежеству и заблуждениям.

Так кто же такой варвар с точки зрения Фотия? Как мне кажется, в первую очередь — нехристианин, язычник, а затем уже враг Римской Империи. Возможно ли сделать из варвара христианина, не делая из него ромея? Фотий отвечает на этот вопрос утвердительно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1983.
2. *Кузенков П. А.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: Проблемы источниковедения. М., 2003.

**ПОЭМА «СПАСИТЕЛЬ» (HELIAND):
КАК ПИСАЛОСЬ «САКСОНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ»**

Вскоре после обретения всей полноты власти над франками Карл Великий начал долгую саксонскую войну, которой суждено было завершиться едва ли не вместе с его правлением. В конце этого правления саксы покорились Карлу и вместе с его властью приняли его веру. Позднее Людовику Благочестивому, преемнику Карла, пришлось позаботиться о внесении ясности в смутные представления своих новых подданных относительно их новой веры. Начать предстояло с подробного изложения истории жизни Иисуса.

Эта задача была трудна и требовала приспособления языка новообращенных к тексту Священного Писания (а равно и наоборот). В итоге подобных приспособлений родился самый объемный памятник библейского эпоса континентальных саксов — поэма «Спаситель» (*Heliand*), по причине своей относительной самостоятельности в изложении истории жизни Иисуса называемая «саксонским Евангелием» (Р. Мерфи).

Первые попытки установления если не самого имени автора «Спасителя», то хотя бы места создания поэмы относятся к XIX в. С тех пор было высказано немало предположений, однако и по сей день никто из исследователей не сможет с уверенностью сказать, где и кем был составлен этот текст.

Первоначально при определении места рождения поэмы исследователи опирались на имеющиеся особенности ее языка, который не являлся лишенным посторонних примесей языком саксов, но содержал многочисленные фризские и нижнефранконские вкрапления. Отталкиваясь от этого обстоятельства, специалисты

неоднократно пытались определить ту местность, где могло бы существовать подобное смешение диалектов. В итоге образовался длинный список из саксонских и сопредельных несаксонских мест, включавший множество названий, начиная от Вердена и Корвейского монастыря и заканчивая Магдебургом и окрестностями Мерзебурга. Хотя чаще предпочтение отдавалось западной части саксонских земель, лежавших вблизи от источника христианских миссий [1, Р. 131].

И без того спорный вопрос был осложнен исследователями, усомнившимися в том, что обнаруженное в поэме смешение диалектов когда-либо существовало в разговорной речи, бытовавшей в какой-либо из частей Германии. По мнению части этих исследователей, смешанный диалект поэмы мог не быть диалектом поэта. Этот диалект мог образоваться в итоге работы нескольких писцов, которым была доверена запись текста, или даже мог стать нечаянным плодом усилий позднейших переписчиков. Другие же полагают, что диалект «Спасителя» мог быть лишь «поэтическим диалектом», искусственной смесью нескольких диалектов, существующей только в поэтических текстах. «Спаситель» мог унаследовать этот диалект от древней поэтической традиции, существовавшей в регионе прежде его христианизации. Подобная точка зрения достаточно популярна и делает в принципе невозможным определение места создания поэмы на основе данных языка [1, Р. 131–134].

Тем более спорным является вопрос о характеристиках возможного автора: кем он был? Духовным лицом или недавно крещеным саксонским аристократом? Или же эпическим певцом, не являющимся ни духовным лицом, ни аристократом? [2, Р. 508–509]. Или не одним единственным эпическим певцом, но их группой, ведь шероховатости в тексте чрезвычайно объемной поэмы (а она приблизительно в 2 раза длиннее «Беовульфа») могут среди прочего указывать на работу группы поэтов. Возможно даже такое.

Что же касается имен возможных претендентов на место автора, то безлюдная история Саксонии и прилегающих к ней стран той

поры не предлагает исследователям длинного перечня кандидатов. В этой истории отыщется одно лишь имя: Бернлеф. Это единственный германский поэт времен Карла Великого, ныне известный по имени. Увы, он не был саксом. Он был фризом и сподвижником фризского епископа Людгера (ум. 809 г.), известного среди прочего основанием монастыря в Вердене на Руре [1, Р. 140]. По легенде, известной из Жизни св. Людгера, именно этот епископ вдохновил Бернлефа на изложение христианских текстов в стихах на языке варваров [3, S. 30–32].

Идея приписать авторство Бернлефу небесспорна и ненова. Впервые она была высказана еще на ранних стадиях исследования «Спасителя», но некоторое время назад голландец Р. Венбас представил новый аргумент в пользу авторства Бернлефа. Он обнаружил, ни много ни мало, имя самого Бернлефа, зашифрованное в тексте поэмы (в словах *barno lofon*) [4, Р. 818].

Однако кем бы ни был автор этой поэмы и где бы он не жил, он создал чрезвычайно длинный и крайне любопытный поэтический текст. Будучи итогом взаимного приспособления двух очень разных традиций, этот текст во многом отклоняется от текста Писания. Хотелось бы как можно подробнее описать изменения, внесенные саксонским поэтом в историю Иисуса. Однако приспособление этой истории к германским реалиям затрагивает едва ли не всю жизнь ее главного героя и потому стоит ограничиться лишь очень кратким описанием правок, внесенных в ключевые евангельские сцены — сцены непорочного зачатия, рождения, крещения, распятия и смерти Иисуса Христа.

Приспособление истории жизни Иисуса к особенностям восприятия новой аудитории начинается в сцене Непорочного зачатия, в которой автор «Спасителя» смешал Второе и Третье лица Троицы (5, Р. 13).

Затем «правка» новозаветного текста продолжилась в сцене Рождества. Там, где пастухи, следовавшие указанию Ангела и пришедшие в Вифлеем, увидели ясли, младенца и Марию. Мария

при том пеленала младенца и украшала его «прекрасными драгоценностями» (*biuuand ina mid ... fagaron fratahun*; 379–380).

Не осталась нетронутой и сцена крещения Господня. Здесь, следуя за словом Нового Завета, вновь появляется Дух Божий. Как то и должно было случиться, Дух «ниспускался» на Иисуса «в телесном виде, как голубь» (Лк. III:22). Однако саксонский поэт дополнил описание Духа деталью, отсутствующей в Новом Завете: в его версии Священной истории тот сходил на Иисуса «в облике птицы мочучей» (*uuas im an gilicnissie lungras fugles*; 987).

Кроме того, в саксонском изложении Дух сходил на Иисуса буквально, то есть, усаживаясь на его плече, хотя евангельское «ниспускался на Него» не указывает на какую-либо часть тела Иисуса.

Но, вероятно, самые смелые коррективы евангельских сцен найдутся в конце «Спасителя». Там, где саксонский поэт пытается рассказать своим слушателям о том, что произошло на Голгофе.

Дело в том, что казнь, которой подвергся Иисус, не была известна саксам. Потому в саксонском словаре не нашлось ни глагола «распять», ни того слова, которое могло бы означать то, что римляне обозначали словом «сгух» (крест). Поэту пришлось обратиться за недостающим словом к латинскому словарю, откуда он позаимствовал слово «сгүсі» (крест). Вооружившись этим словом, он избразил убийство на кресте («an cruce aslagan»; 4462), упомянув холодную сталь гвоздей, вбитую молотом сквозь руки и ноги, и кровь, льющуюся на землю (5535–5540).

Однако за этим последовала неожиданная смена декораций. Вероятно, для большей наглядности поэт расположил на Голгофе инструмент казни, более понятный саксам — виселицу (*galgo*). В итоге этой смены декораций сам момент окончания земной жизни Иисуса обрел неожиданную двусмысленность. Наиболее распространенный вариант перевода соответствующих строк «Спасителя» небесспорен и оставляет возможности для иного прочтения. Однако обычно переводчики этого текста (Дж. Кейси, Р. Мерфи и проч.) сходятся в том, что в час смерти на шею Иисуса была накинута петля.

Эти и иные изменения, внесенные поэтом в евангельский сюжет, являются следствием адаптации нового и неизвестного, привнесенного в регион Северного моря вместе с принадлежащим средиземноморской культуре текстом Нового Завета. Механизм, рождающий эти отклонения, сложен и нуждается в крайне длинных и очень обстоятельных комментариях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Collitz H.* The Home of the Heliand // PMLA. Vol. 16. No. 1. 1901.
2. *Metzenthin E. C.* The Heliand: A New Approach / Studies in Philology. Vol. 21. No. 3 (Jul., 1924).
3. *Die Vitae Sancti Liudgeri.* Münster, 1881.
4. *Quispel G.* Gnostica, Judaica, Catholica. Leiden, 2008.
5. *The Heliand: the Saxon Gospel / trans. G. R. Murphy.* NY; Oxford University Press, 1992.

VII.

ИСКУССТВО СРЕДНИХ ВЕКОВ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ИГИНА Ю. Ф.

Санкт-Петербургский государственный университет

ЧИНКВЕДЕА С ГЕРБАМИ КАНИДЖАНИ И МЕДИЧИ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Статья посвящена декоративному оформлению чинкведеи из собрания Государственного Эрмитажа (инв. №З. О. 1498). Прежде всего, она интересна двумя геральдическими изображениями.

Первое представляет собой герб знатной флорентийской фамилии Каниджани (*Canigiani*). С XIV в. родовой герб Каниджани выглядел следующим образом: в серебряном поле — лазоревый полумесяц; бризура — червлёный турнирный воротник [1]. Изображения этого герба, выполненные на фресках, архитектурных фасадах и табернаклях, надгробиях, витражах и т. п., довольно многочисленны. Во Флоренции их можно видеть в церкви Санта-Феличита, патронами которой Каниджани были с конца XV в., в церкви Санта-Мария-Маддалена деи Пацци, в базилике Сан-Миниато аль Монте, в Палаццо Каниджани и других местах.

В начале XV в. Каниджани относились к наиболее состоятельным и влиятельным патрицианским родам Флоренции. Период наибольшего возвышения этой фамилии связан с приходом к власти во Флорентийской республике в 1434 г. семейства Медичи. При Козимо Старом (1389–1464), Пьеро Подагрике (1416–1469) и Лоренцо Великолепном (1449–1492) в ближайшее окружение Медичи входит Джованни Каниджани (1404–1477), сын Антонио Каниджани и его супруги Таддеа Альбицци. Он играл активную роль в публичной жизни Флоренции и Тосканы с 1430 г. вплоть до своей смерти в 1477 г. За этот период ему довелось занимать целый ряд важнейших государственных должностей. Вместе с другими членами многочисленного семейства Джованни Каниджани активно

занимался банковским делом, также представляя на этом поприще интересы клана Медичи. Об экономической стороне участия Джованни в жизни Флоренции свидетельствует золотой флорин 1449 г. с гербом Каниджани и литерой G над ним, который указывает на Джованни как на монетарио.

Джованни Каниджани проявил себя и на дипломатической службе. В 1464 г. он присутствовал в Риме в числе послов Флорентийской республики на коронации папы римского Павла II (1417–1471, понтификат с 1464 г.). Это событие стало знаменательным для семейства Каниджани. Именно тогда Джованни был возведен новым понтификом в рыцари, в связи с чем ему и его потомкам даровалось право добавлять к своему гербу знаки папской власти — ключи с тиарой [2, Р. 295]. Об этом событии мы узнаем из сочинения флорентийца Винченцо Боргини (1515–1580): «...в некоторых Гербах видно... изображение папских ключей с тиарой наверху... вполне вероятно, что это рыцари, возведенные в это звание Верховным Понтификом, и главным образом из членов Посольства, и главным образом, когда послов присылают Христианские Правители при вступлении на престол, дабы засвидетельствовать ему, как Викарию Христа, свою покорность; в наше время мы многократно наблюдали их изготовление; и потому вполне возможно, что они принадлежали к Гербам потомков М[ессера] Джованни Каниджани...» [3, Р. 177–178]. Изображение герба Каниджани с ключами и тиарой в главе сохранилось на потолке сакристии, воздвигнутой на деньги Джованни Каниджани в упомянутой ранее флорентийской церкви Санта-Феличита.

Тот же самый герб мы видим на исследуемом клинке: в серебряном поле — лазоревый полумесяц, бризура — червлёный турнирный воротник; в червлёной главе (соединенной с воротником) — герб Святого Престола: золотой и серебряный ключи, накрест перевязанные шнуром (тинктура не определена) и сопровождаемые вверху тиарой. Гербовый щит поддерживают два путти, под нижними углами щита — литеры L и S, означающие инициалы

владельца. Над гербовым щитом помещена сцена мученичества небесного покровителя Флоренции и патрона владельца клинка св. Лаврентия: обнаженная мужская фигура со сферой в руке заключена внутри решетки, под которой горит пламя. На узкой ленте находится латинская надпись «S. S. / TEN», которая, вероятно, означает «S[piritus] S[anctus] ten[eat]» — «Да сохранит (да поддержит) Святой Дух». Слева от щита изображена стоящая на постаменте женская фигура с пальмовой ветвью в руке — богиня Победы; справа — обнаженная мужская фигура, вооруженная луком и стрелами в колчане, — бог Апполон, над которым парит его иконографический спутник Амур.

Герб Каниджани с ключами и тиарой в главе и литерами L и S ясно указывают на принадлежность оружия владельцу, который относился к ветви рода Каниджани, происходившей от Джованни, и при этом носил имя, начинающееся на L. Единственным кандидатом, отвечающим необходимым условиям, является Лоренцо Каниджани, сын Маттео и внук упомянутого Джованни Каниджани.

К сожалению, о Лоренцо известно не так много, как о некоторых других представителях клана Каниджани. Отец Лоренцо, Маттео Каниджани, был сыном Джованни Каниджани и его супруги Сандры Барди (1413–1493), вступивших в брак около 1420 г. Из рожденных в этом браке восьмерых детей родителей пережили только двое: Маттео и его более знаменитый брат Антонио (1429–1487), карьера которого при Медичи сложилась не менее удачно, чем у его могущественного отца [4]. В отличие от биографических сведений об Антонио даты рождения и смерти Маттео, равно как и имя его супруги, еще не установлены. Единственным материальным свидетельством его деятельности является серебряный гроссо, отчеканенный в 1478 г. Присутствующий на монете герб Каниджани с тиарой и ключами в главе и литерой M над гербовым щитом позволяет идентифицировать Маттео как монетаро.

Интересующий нас Лоренцо Каниджани был одним из трех сыновей Маттео [5]. Из двух других сыновей — Джованни и Доменико

(1486–1548) — более известен Доменико, заказавший в 1507–1508 г. Рафаэлю Санти Урбинскому (1483–1520) картину «Святое семейство Каниджани» (Мюнхен, Старая Пинакотека) в честь своего брака с Лукрецией Фрескобальди. Единственная дочь Маттео, Сандра Каниджани, вышла замуж в 1505 г. за Лоренцо Нази, флорентийского патриция и, по словам Дж. Вазари, близкого друга Рафаэля Санти, которому в честь свадьбы Лоренцо и Сандры была заказана картина «Мадонна с щегленком» (Флоренция, Галерея Уффици). В свою очередь Лоренцо Каниджани женился в 1519 г. на Лукреции (по другим источникам — Клариче), дочери Бернардо Морелли [6, Р. XLIII, CLVI], которая родила ему троих детей. Сохранились подробные сведения только об одном из сыновей Лоренцо — Бернардо Каниджани (1524–1604), женатом на Эрмелине, дочери Бастиано Монтаути. Сын Лоренцо вошел в историю как консул (с 1548 г.) знаменитой Флорентийской Академии и один из основателей не менее знаменитой Академии делла Круска, учрежденной под патронатом Медичи во Флоренции в 1582 г. Близкий друг и сподвижник Козимо I Медичи, Бернардо Каниджани находился на государственной службе у флорентийского правителя, занимая с 1568 г. пост сенатора [7, Р. 126].

Приведенные выше исторические свидетельства о семье Каниджани позволяют предположить, что Лоренцо Каниджани родился в 90-е гг. XV в. Поскольку в период правления Алессандро Медичи (1510–1537, герцог с 1532 г.) Лоренцо находился на должности сенатора, он умер не ранее 1537 г. [7, Р. 126; 8, Р. 102].

Второе геральдическое изображение на клинке представляет собой герб дома Медичи. Он воспроизведен вольно, поскольку в верхнем шаре изображена только одна лилия вместо трех, дарованных, как известно, к гербу Медичи французским королем Людовиком XI (1423–1483, король с 1461 г.) в 1465 г. Гербовый щит на исследуемом изображении сопровождают страусовые перья и перстень с пирамидальным бриллиантом — геральдическая *impresa*, «немой девиз» Медичи. Перстень с заключенным внутри него гербовым

щитом поддерживают с противоположных сторон две полуобнаженные мужские фигуры; снизу он покоится на плечах сидящего на камне загадочного персонажа, склонившего голову на руки.

Присутствие на клинке изображения герба Медичи наряду с изображением герба Каниджани, вполне возможно, объясняется тем, что чинкведеа была даром одного из представителей дома Медичи — пока трудно сказать, какого именно. Вполне вероятно, что наличие геральдических знаков Медичи на оружии Лоренцо Каниджани также является символическим указанием на принадлежность его владельца к «дому» могущественного флорентийского семейства.

Пока не найдены документы, проливающие свет на историю создания чинкведеи, единственным методом определения ее авторства остается стилистический анализ, направленный на выявление предметов с похожим декоративным оформлением. К таким предметам, на мой взгляд, относятся два меча из собрания Художественно-исторического музея Вены, подаренные в 1509 г. Папой Римским Юлием II (Джулиано Делла Ровере, 1443–1513, понтификат с 1503 г.) императору Максимилиану I Габсбургу (1459–1519, император с 1508 г.) и его малолетнему внуку Карлу Бургундскому (1500–1558), будущему императору Карлу V (с 1520 г.) [9, Fig. 293–295, 298]. Авторский почерк, манера исполнения, композиционное решение и стилистические особенности, характерные для декоративного оформления этих мечей, проявляются во всех элементах декора клинка чинкведеи, что позволяет отнести исполнение всех трех предметов к одному и тому же мастеру.

Декоративное оформление обоих мечей традиционно приписывается Эрколе деи Фидели (1465–1521), феррарскому ювелиру еврейского происхождения, служившему при дворе герцогов Эсте в Ферраре и при дворе герцогов Гонзага в Мантуе [10, Р. 143–209]. Однако к этой атрибуции следует относиться с осторожностью. Единственная «подписанная» работа этого мастера — хорошо известная чинкведеа из собрания Каэтани в Риме, принадлежавшая

Чезаре Борджиа [9, fig. 209–223]. В других случаях авторство Эрколе дей Фидели остается на уровне гипотезы.

Чинкведеа с гербами Каниджани и Медичи из собрания Эрмитажа относится к числу редких экземпляров, поскольку чинкведей с геральдическими изображениями до нас дошло немного. Как вещественный памятник, она является ценнейшим историческим источником по итальянской геральдике эпохи Ренессанса, истории флорентийских знатных семей и взаимоотношений между ними и правящей семьей Медичи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Archivio di Stato di Firenze. Raccolta Ceramelli Papiani. Fasc. 1166. Ms. 471 C 43.
2. *Bouyé É.* Les clefs de saint Pierre, sur la terre comme au ciel // Signes et couleurs des identités politiques du Moyen Âge à nos jours / éd. D. Turrel, M. Aurell, Ch. Manigand, J. Grévy, L. Hablot et C. Girbea. Rennes, 2008. P. 275–311.
3. *Borghini V.* Discorsi di monsignore don Vincenzo Borghini. [Firenze, 1584–1585; Milano: Società tipografica de'Classici italiani, 1809]. Firenze, 1990.
4. *Giustiniani V. R.* Canigiani Antonio // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 18. Roma, 1975. P. 82–83.
5. *Cherubini F.* Cronologia dell'antichissima, e nobilissima famiglia de' Canigiani di Firenze composta dal signore Filippo Cherubini. Siena, 1722.
6. *Morelli G., Morelli L.* Croniche di Giovanni di Jacopo e di Lionardo di Lorenzo Morelli. Firenze, 1785.
7. *Balocchi G.* Illustrazione dell'i, e R. Chiesa Parrocchiale di S. Felicità che può servire di guida all' osservatore. Firenze, 1828.
8. *Salvini S.* Fasti consolari dell'Accademia fiorentina. Firenze, 1717.
9. *Boccia G. L., Coelho E. T.* Armi bianche italiane. Milan, 1975.
10. *Yriarte Ch.* Autour des Borgia. Paris, 1891.

КУТНОГОРСКОЕ ГОРНОЕ ДЕЛО ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Горное дело зародилось в глубокой древности, когда потребность в металлах уже не могла удовлетворяться за счет поверхностного сбора метеоритного материала, болотной руды и т. п.

В Римской империи оно достигло высокого уровня развития, породив ряд законодательных актов императоров, специально посвященных вопросам горного дела [1, С. 77-78].

В первые столетия эпохи Средневековья наблюдался заметный упадок горных разработок в связи с общей деградацией хозяйственной жизни, но уже к концу периода раннего Средневековья наблюдается оживление поисков месторождений драгоценных металлов. До конца XII в. главным очагом горного дела в Европе являлась Германия, однако в XIII в. центр добычи драгоценных металлов переместился в Чехию.

Именно в Чехии впервые было записано и кодифицировано горное право — свод правовых установлений, регулировавших отношения в сфере добычи и производства металла. Здесь выросли, окрепли и заняли важное место в политической структуре королевства, так называемые горные города.

Среди горных городов Чехии первой волны ведущее место занимала Йиглава — город, который обрел письменно оформленное горное право и ставший высшей судебной инстанцией для горных городов Чехии [2, С. 17-84].

На рубеже XIII–XIV вв. центр добычи чешского серебра перемещается в Кутную Гору, поступательное развитие которой было прервано потрясениями гуситских войн.

В больших масштабах разрабатываются руды полиметаллов в Богемии. С XI в. в странах Европы стали формироваться крупные города — центры ремесленной деятельности горняков (в Чехии, Саксонии, позже Англии и др.). Жители этих городов добывали руду для выплавки железа, золото и серебро для чеканки монет, каменную соль, олово и др. Со временем города добиваются от феодалов горных привилегий, которые закрепляются специальным законодательством — горным правом, которое впервые в писаном виде появляется в чешском городе Йиглаве. В связи с этим вопрос о роли чешского серебра в жизни чешского государства и государств Европы видится актуальным.

История добычи чешского серебра ведет нас к первым векам нашей эры. Кельты осуществляли примитивный поверхностный сбор руды, «о чем свидетельствует чеканка кельтских золотых и серебряных монет на территории чешских земель и Словакии, первой денежной единицы в Центральной Европе» [3, С. 9]. Однако в связи с вышеупомянутым кризисом горного дела на закате римской империи и сопутствующим ему кризисом во многих областях позднеримского общества, интерес к чешскому серебру угасает.

Однако в XII–XIII вв. интерес к чешским залежам драгоценных металлов получает небывалый интерес. Богатства горных недр порождают явление колонизации (которую справедливо можно назвать немецкоязычной), а также появление горных городов, первого писанного горного права и многого др. Однако ряд этих вопросов требует отдельного рассмотрения.

В XIV в. центр добычи чешского серебра смещается в знаменитую Кутную Гору, затем в связи с гуситскими войнами интерес к кутногорским залежам затухает.

Последствия разорительных войн, а также в значительной степени и отсутствие эффективных технологий добычи приостановили когда-то бурную жизнь Кутной горы. В связи с этим интересными кажутся изобразительные источники, которые рассказывают о жизни Кутной горы последней трети XV в.

Во все времена развитие и эффективность горного дела напрямую зависело от уровня технологий. Возникает закономерный вопрос, каким было горное дело в Средние века, каковы технологии и процесс добычи, чем объясняется небывалый объем добычи серебра чешских руд. Литература по данным вопросам достаточно объемна, но часто опускается вопрос о том, каким было горное дело в восприятии современников и почему, несмотря на достаточно низкую технологическую составляющую горняки добывали серебро в большом количестве. История сохранила некоторые интереснейшие чешские изобразительные источники, которые позволяют проследить процесс добычи и пролить свет на поставленные вопросы. Их немного, но они позволяют детально рассмотреть и проанализировать многие этапы горного дела средневековой Чехии: от спуска рабочего в шахту до конечного продукта на выходе, т. е. чеканки монеты. Последствия разорительных войн, а также эффективных технологий добычи приостановили темпы развития Кутной Горы. Тем не менее, судьбы города именно этого времени представляются особенно интересными, поскольку трудности обостряют движущие противоречия развития.

Изобразительный материал донесли до нашего времени преимущественно книги и сборники текстов, предназначенные для церковных служб. Важным источником по данному вопросу является Кутногорский Антифонарий (*Kutnohorský antifonář*) [4] (обиходная книга с песнопениями и текстами для церковных служб), считающийся одной из выдающихся святынь чешской книжной миниатюры. Другим важным источником является Кутногорский градуал (*Kutnohorský graduál*) [5] (обиходная книга с текстами и песнопениями для мессы), который датируется приблизительно 1490 г. Третьим источником, причем наиболее информативным, является главная страница градуала неизвестного мастера (*Úvodní list graduálu*) [6].

Важным источником по данному вопросу является Кутногорский Антифонарий. Источник считается одной из выдающихся святынь чешской книжной живописи. По уровню миниатюрного искусства вполне сопоставим с известными европейскими аналогами

того времени. Возник данный антифонарий в пражской мастерской художника Валентина Нога из Йиндрижихова Градека и был завершен в 1471 г. Детали горнодобывающего промысла, подробные иллюстрации источника являются доказательством тесной связи авторов с Кутной Горой. Среди антифонариев различают монастырские антифонарии и антифонарии для мирян, который, в отличие от более сложного, детализированного монастырского, более прост. Кутногорский антифонарий мы можем отнести к «приходским» антифонариям, что подтверждается тематикой его иллюстраций. Вероятно, данный источник использовался для отправления церковных служб горняков.

Вторым значительным источником является Кутногорский градуал, который датируется приблизительно 1490 г. Данный источник представляет собой иллюминированный манускрипт, который вышел из мастерской миниатюриста Матоуша и был создан чуть ранее или частично одновременно с Градуалом из Смисека. Источник представляет собой уникальную коллекцию горнодобывающей иконографии. Это утравкистский градуал. Намек на это можно увидеть в изображении евангелистов, стоящих вокруг чаши с надписью «*hoc facite in meam memoriam*» (сие творите в память обо мне). Существует предположение, что градуал был сделан от имени общины шахтеров для церкви св. Якуба. Это предположение подтверждает изображением церкви на одном из инициалов на первых страницах градуала.

Первая страница Кутногорского градуала содержит графическое описание всей технологии добычи руды, в том числе доставку на поверхность и продажу под руководством королевского чиновника.

Еще одним изобразительным источником, наиболее детальным из всех упомянутых выше, является главная страница градуала неизвестного мастера. Считалось, что этот памятник утерян, но в 2009 г. он появился на аукционе в Сотбис и был приобретен чешскими властями. Лист с иллюстрацией содержит панораму горного города, включая весь цикл добычи и переработки. Данный памятник аналогичен Кутногорскому градуалу.

На всех источниках горные рабочие, шахтеры одеты в белые рубы с колпаками и кальсоны. Они легко идентифицируются по своему внешнему виду из массы остальных горожан. Для защиты колен использовались особого типа наколенники из толстой дубленой кожи. Обувь также отличаются от обычной обуви горожан и крестьян. Археологические находки на юге немецких земель и приальпийском регионе обнаруживают особую обувь горных рабочих, подбитую почти сантиметровыми шипами, что вполне объяснимо.

Технология добывания руды и металлов еще в XIV в. претерпевает ряд изменений. Появляется ряд технических усовершенствований. Шахты углубляются, переход от открытых рудничных ям к подземным штольням требует новых приспособлений для вентиляции, откачивания воды, подъема добываемой руды. Глубина шахт составляла в конце XV в. не более 200 м., что связано с объективными трудностями — неспособностью бороться с грунтовыми водами и обеспечивать вентиляцию на такой глубине. Миниатюрный материал трех вышеупомянутых источников позволяет говорить о достаточно динамичном развитии технологий горной добычи в Кутной горе. Если Кутногорский антифонарий 1471 г. показывает единичное использование подъемных воротов для поднятия руды, то градуал и миниатюра неизвестного автора позволяют говорить о более широком внедрении в процесс добычи механизмов для поднятия руды и углубления разработок на большую глубину. В антифонарии преобладает разработка открытых рудничных ям, а в двух более поздних источниках 1490-х гг. рудничные ямы отходят на задний план, все внимание очевидца сосредотачивается на подземной добыче. Подземная добыча имеет разветвленную систему ярусов, что демонстрируют миниатюры 1490-х гг., таким образом, миниатюрный материал позволяет судить об увеличении глубины добычи. Переходы на ярусы снабжены деревянными лестницами. Частично в это время решается проблема с подземными водами, которые часто становились причиной гибели горняков. По словам Ф. Хоффмана, до сих пор грунтовые воды для горных городов Чехии являются

значительной проблемой [7, S. 115]. На миниатюрах неизвестного мастера наблюдаются примитивные каналы для отвода грунтовых вод. Они и представляют водоотводную систему.

Несмотря на явный прогресс и разделение трудового процесса, главным инструментом горняка по-прежнему оставалось кайло, а также молотки двух видов. Подобные инструменты можно увидеть на скульптурных украшениях церквей горных городов, изображающих шахтеров. Рабочий откалывал руду небольшими кусками, затем при помощи корзин и подъемных механизмов она доставлялась на поверхность, где дробильщики и сортировщики выполняли следующую стадию обработки.

Миниатюры ценны не только тем, что демонстрируют горное дело того времени в изображении современников, но показывают, какова в целом была жизнь горного города. Руда, затем уже серебро проходит путь от сырья до окончательного продукта на выходе, т. е. отчеканенной монеты. Горный город включает не только рудничные ямы и технологические приспособления, не только рабочих, собирающих руду, но и всю инфраструктуру по производству продукции: плавильные цехи, кузницы монетные мастерские, чеканку, королевских чиновников, надзирающих за процессом добычи, обработки и чеканки и т. д. Сам город демонстрирует насыщенную жизнь и многолюдность, возможность установить социальные страты, визуально ознакомиться с обликом горожан, о жизни которых рассказывают многие детали изобразительных источников.

В литературе высказывались суждения о том, что в середине XV в. кутногорская добыча временно угасает и ее темпы стремительно снижаются [8, С. 142-143]. Это связывают с событиями гуситских войн, и с тем, что запасы серебряной руды постепенно подходили к концу.

Однако с ними трудно вполне согласиться, принимая во внимание как сам факт появления целого ряда ярких изобразительных памятников, так и анализируя их содержание.

На основании изобразительных источников можно предположить, что в период с 1470 по 1495 гг. кутногорские горные промыслы переживали время возрождения, в основе которого лежало усовершенствование способов добычи серебра, о чем ярко свидетельствуют изобразительные источники.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ребрик Б. М.* У колыбели геологии и горного дела. М., 1984. С. 77-78.
2. *Ius regale montanorum aneb právo královské horníkuov.* Kutna Hora, 2000. S. 17-84.
3. Краткая история Чехословакии: С древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 9.
4. Kutnohorský antifonář [Электронный ресурс]. URL: <http://cantica.kh.cz/grad/?page=antifonar> (последнее обращение: 09.10.2015).
5. Kutnohorský graduál [Электронный ресурс]. URL: <http://cantica.kh.cz/grad/?page=viden> (последнее обращение: 09.10.2015).
6. Úvodní list graduálu [Электронный ресурс]. URL: <http://cantica.kh.cz/grad/?page=stc> (последнее обращение: 09.10.2015).
7. *Hoffman F.* České město ve středověku. Praha, 1992. S. 115.
8. Рынок и экспортные отрасли ремесла в Европе XIV-XVIII вв. // *Мельников Г.* Место и эволюция рынка чешского королевства в региональном разделении труда в Европе XIV-XVI вв. М., 1991. С. 142-143.

**МАСКИ, АТЛАНТЫ, КАПИТЕЛИ: О НЕКОТОРЫХ
АНАЛОГИЯХ В ДЕКОРАЦИИ РОМАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ
ЮЖНОЙ ИТАЛИИ И МИНИАТЮРАХ РУКОПИСЕЙ
ОТТОНОВСКОГО ПЕРИОДА**

Одним из многочисленных центров создания иллюстрированных рукописей в период так называемого «Оттоновского Ренессанса» являлся монастырский скрипторий бенедиктинского аббатства в городе Фульда [1, Р. 115]. Несмотря на то, что скрипторий при монастыре действовал с каролингских времен, особого подъема художественной деятельности эта школа достигла именно в период расцвета искусства книги при Оттоновской императорской династии. Самым ранним рукописным памятником, происходящим из скриптория этого центра, является Готтингенский Сакраментарий (MS theol. 231), датируемый 975 г. и хранящийся в Университетской библиотеке Готтингена [2, V. 2, Р. 135]. Одна из страниц миниатюры содержит изображение сцены Побинения камнями Святого Стефана. Композиция листа разделена на два регистра, в верхнем из которых разворачивается повествование. По центру расположена фигура преклоненного Святого с воздетыми наверх, к Господу, руками в развевающихся одеждах. Подобного рода изображение христианского Святого в молитвенном предстоянии, одно из тысяч аналогичных ему изображений на страницах средневековых рукописей, казалось бы, не заставляет задуматься о чем-то кроме самого предмета изображения — новозаветной сцены. Однако, это не совсем так.

В конце XI в., а именно в 1071 г. с падением последнего византийского центра — города Бари, территории Южной Италии были

завоеваны норманнами и тем самым включены в орбиту развития западнохристианского мира. Неразрывная связь культурной атмосферы и исторического контекста в данном случае нашла крайне яркое выражение в возникновении характерного явления в области Апулии, а именно в появлении на этих землях целого ряда романских базилик [3, Р. 16]. Начиная с норманнского завоевания вплоть до середины XIII в. в апулийских центрах возводятся базиликальные постройки, характерной особенностью которых является наличие крайне развитой и богатой скульптурной декорации.

Одной из наиболее примечательных и цепляющих своим неподдельным южноитальянским очарованием базилик является базилика в Трани. Значительная часть бесконечно богатой по количеству образов и их возможных интерпретаций скульптурной декорации базилики сосредоточена на ее западном фасаде. Центральный портал украшен развитой иконографической программой на сюжеты из ветхозаветной истории и растительно-зооморфным орнаментом, выполненными в невысоком рельефе, и скульптурными группами, расположенными в нижней его части. Симметрично от входа, по двум сторонам, помещены сгруппированные по три и заменяющие собой базы колонн человеческие фигуры. Каждая из них изображена в преклоненной позе с поднятыми вверх руками, как бы зрительно поддерживая расположенную сверху колонну. Сама по себе подобного рода поза преклоненного человека с воздетыми руками аналогична позе Святого Стефана в миниатюре Сакраментария из Фульды. Однако при сопоставлении двух изображений, живописного со страниц рукописи и скульптурного в пластике апулийской базилики, поза и трактовка складок одежд оказываются не просто аналогичными, они оказываются практически идентичными. Что, в свою очередь, наводит на следующий вопрос: миниатюрное изображение в рукописи конца X в. и выполненный в пластике образ на портале базилики XII в. — какая между ними связь и может ли она существовать вообще? Ответ, безусловно, положительный.

Конечно, возникновение столь похожего по формальному набору признаков изображения в скульптурном оформлении базилики

в Трани не свидетельствует напрямую о заимствовании и монументализации южноитальянскими мастерами конкретного образа из Фульдского манускрипта. Вопрос о том, насколько тесными были связи между оттоновскими иллюминированными рукописями и скульптурным оформлением апулийских базилик, как именно они осуществлялись, и почему отдельные живописные изобразительные мотивы получили интерпретацию в пластическом оформлении целого ряда памятников, на данный момент не имеет определенного ответа. Однако тот факт, что генетическое происхождение этого орнаментального и фигуративного мира явно восходит к более ранним разнообразным прототипам, одним из которых, по всей видимости, было поле оттоновских иллюстрированных рукописей, очевиден.

В апулийской скульптуре подобного рода образ — образ несущей на себе символическую или же реальную тяжесть человеческой фигуры — возникает в декоративном оформлении многих памятников XII – первой половины XIII вв. в самых разнообразных интерпретациях. Это может быть фигуративная консоль под карнизом, опоясывающим все здание по периметру, может быть крупная, практически круглая, скульптура, фланкирующая портал, может — выполненное в невысоком рельефе изображение. Форма каждый раз варьируется в зависимости от места ее расположения и декоративных задач, которые именно она в том или ином случае должна выполнять, но мотив фигуры, поддерживающей своим телом что-то, остается неизменным. Такие скульптурные фигурки можно найти в пластике базилик в Сан-Сабино в Бари, Санта-Мария-Маджоре в Барлетте, Сан-Франческо в Трани, Санта-Мария-Ассунта в Руводи-Пулья и многих др.

Мотив человеческой фигуры, несущей на себе архитектурный элемент, чаще всего колонну, был известен и в оттоновской миниатюре и широко там использовался. Наиболее часто такие изображения встречаются в декоративном оформлении аркад таблиц канонов, разделяющих столбцы соответствий в евангельских текстах. Как правило, такие фигурки заменяют собой базы или капители

колонн аркады и изображаются по пояс или в полный рост. Если обратиться к конкретным примерам оттоновской миниатюры, в которых встречается подобного рода мотив, можно упомянуть целый ряд рукописей, относящихся к разным школам и центрам XI в. Например, Евангелиарий из Бамберга (Clm 4454), Евангелие из Зальцбурга (MS. G.44) и Codex Aureus из Эхтернаха (Hs. 156142). В декоративном оформлении каждой присутствует мотив человеческой фигуры на опоре, являющейся базой либо для арки, либо для колонны, либо для антаблемента, как в случае с миниатюрой из Зальцбурга. При всем многообразии форм и стилистическом разнообразии изображений на страницах миниатюр, смысловое содержание человеческих фигурок остается неизменным. Фигурка, всегда заменяющая капитель или базу, является, таким образом, тектонически важным элементом. Элементом, с точки зрения понимания ордера, служащим для опоры на него тяжести антаблемента. Как человеческие изображения в декорации таблиц канонов оттоновских рукописей служат опорой для живописных аркад, так и образы в пластике апулийских базилик несут на себе, пусть и зачастую всего лишь зрительно, тяжесть отдельных архитектурных деталей.

Такое перенесение смысла архитектурного элемента на человеческую фигуру в декоративном оформлении иллюстрированных рукописей начинает широко применяться именно в оттоновскую эпоху, однако, истоки этого изобразительного мотива восходят к более ранним этапам развития рукописной традиции на западе. В каролингскую эпоху подобного рода мотив также используется на страницах миниатюр, примером чему может служить соответствующее изображение в Сен-Медардском Евангелии из Суассона IX в. (Latin 8850) [4, P. 52].

Возвращаясь к оттоновским рукописям, стоит отметить еще некоторые моменты. С одной стороны, разнообразие манускриптов и школ, использующих именно этот изобразительный мотив, не позволяет выделить какого-то одного центра, из которого, вероятно, этот мотив мог проникнуть на южноитальянские территории.

С другой же стороны, обилие самых разнообразных трактовок одного и того же мотива в самых разных областях оттоновского мира заставляет задуматься о более глубоких, античных, истоках и возможных прототипах этого образа в миниатюре вообще и его связях с территориями апулийского юга, в частности.

Еще одним изобразительным мотивом, по всей видимости, мигрирующим со страниц оттоновских рукописей в пластику апулийских базилик, является мотив капители, украшенной человеческой или животной маской [5, Р. 406]. В данном случае, можно задуматься о таком же, как и в случае с образом атланта, процессе восприятия южноитальянскими мастерами формы изображения, но не ее способа. Живописное изображение на страницах рукописи или монументализированное в пластике — не важно, важно наличие схожего изобразительного мотива. Подобного рода капители с масками регулярно встречаются в апулийских базиликах в самых разнообразных вариантах — с одной маской по центру капители, с четырьмя по углам или же и по центру и на углах одновременно; в декорации трехмерных капителей колонн, разделяющих нефы, или же в рельефном оформлении наружных пилястр. Если же рассматривать человеческие маски, можно упомянуть следующие памятники, в которых подобного рода мотив получает свое воплощение: базилики Санта-Мария-Ассунта в Руво-ди-Пулья, Сан-Сабино в Бари, Сан-Коррадо в Мольфетте, Сан-Пьетро в Бишелье, собор в Битонто и церковь Онъисанти в Трани.

На страницах оттоновских манускриптов декорированные человеческими масками капители встречаются, опять же, в декорации таблиц канонов или же просто на листах с полностраничными миниатюрами, где присутствует изображение колонны с капителью. Примерами использования человеческих масок в декорации капителей на страницах оттоновских рукописей могут служить миниатюры Евангелия из Сент-Шапель (Latin 8851) конца X в., Евангелия из городской библиотеки в Брешии (Cod. E. II. 9), Бамбергского Евангелиярия Оттона III (Clm 4454), происходящие из скриптория

Рейхенау; аналогичные им изображения, встречающиеся в рукописях школы Эхтернаха, а именно в *Codex Aureus* (Ns. 156142) и *Harley* 2821; а также в некоторых английских рукописях, созданных в оттоновскую эпоху, например, в Евангелии из Бери (Royal MS 1 D.III). Сопоставив, капители реальные, существующие в пластическом оформлении южноитальянских построек, и капители живописные, изображенные на страницах иллюстрированных рукописей, трудно не заметить соответствующего сходства в использовании одного и того же художественного мотива.

Так, прослеженные нами аналогии, как кажется, позволяют утверждать следующее. С приходом норманнских завоевателей на территории Апулии возникла совершенно особая художественная ситуация, специфика которой заключается в возникновении крайне развитой и богатой по количеству живущих там мотивов скульптурной декорации [6, Р. 265]. Ее пока лишь фрагментарный анализ дает возможность отметить существование многочисленных прямых аналогий между антикизирующими мотивами в южноитальянской пластике и оттоновской книжной миниатюре. На сегодняшний день эти аналогии кажутся более множественными, чем для любого другого ряда памятников книжной миниатюры как X, так и XI–XII вв. Говорить о прямом влиянии здесь все же рано: перед нами уравнение со многими неизвестными, из которых главное — это антикизирующие мотивы в византийской книжной традиции. Именно Византия — ближайшее общее поле истоков для этих двух культур. Особенно важен для интерпретации, но тоже требует дополнительного исследования, тот, попутно ставший очевидным, факт, что в целом ряде конкретных случаев антикизирующие мотивы в оттоновской книжной традиции полнее и разнообразнее, чем в каролингской, и имеют, очевидно, другие истоки, что представляется интересным полем для дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Панофский Э.* Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб., 2006.
2. *Mayr-Harting H.* Ottonian Book illumination. V. 2. L., 1991.
3. *Carl A. Willemsen.* Apulien — Land der Normannen, Land der Stauffer. Leipzig, 1944.
4. *Dodwell C. R.* The Pictorial Arts of the West 800–1200. Yale University Press, 1993.
5. *Bertaux E.* L'Art dans l'Italie méridionale de la fin de l'empire romain à la conquête de Charles d'Anjou. Paris, 1903.
6. *Pace V.* Nuovi spazi e nuovi temi nella scultura dell'XI e XII secolo in Italia meridionale // Medioevo: immagine e racconto. Vol. 3. Parma. P. 265–277.

КОД КУРТУАЗНОСТИ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЛЮБВИ В «КОДЕКСЕ МАНЕССЕ»

Многие изображения «Кодекса Манессе», известнейшего манускрипта XIV в., писались художниками в соответствии с идеалами куртуазности. Смысл «куртуазной любви» включает в себя идею рыцарского служения влюбленного своей возлюбленной-даме, и главным принципом этой службы выступает «истинная любовь» [1, С. 240].

Мастера изображали действительность, создавая «идеальные образы жизни» средневекового немецкого общества. Поэтому идеалы женской красоты и куртуазной любви, воспетые миннезингерами, нашли свое отражение в миниатюрах, выступающих носителями смысла. Однако, учитывая распространенность кодекса в средневековом социуме, миниатюры передают смыслы и содержат символику, соответствующие действительности того времени [2, S. 69].

Тематика иллюстраций довольно разнообразна и показывает различные аспекты повседневной жизни средневекового немецкого общества: турниры, охоту, сражения, танцы, любовные сцены, спортивные игры, купание, рыбную ловлю, морские путешествия, сцены прощания молитвы и подношения даров. Также мы можем встретить людей: изображения рыцарей, государей, миннезингеров, и т. д.

Любовь, показанная в миниатюрах, романтична и прекрасна, и она полна символов. О высоких чувствах персонажей нам говорят не только явные ситуации, но и обилие розовых кустов, листьев в форме сердца, цветочных венков, певчих птичек, множество музыкальных инструментов, милые собачки на руках у девушек.

Преобладание красного цвета в одежде, орнаменте и других предметах можно толковать как символ страсти и любви. Не последнее

место занимают жесты действующих лиц: застенчивость девушек, мечтательность и задумчивость юношей — все эти атрибуты передают нам атмосферу влюбленности, романтики и куртуазности.

С помощью стрелы доставляются тайные послания даме, если она недоступна для встречи. Также стрела в буквальном смысле пронзает сердце миннезингера, который показывает свою окровавленную грудь женщине, чтобы показать свои мучения. Стрелу девушка держит в руках, и она нацелена на грудь юноши, готовая вонзиться туда. На гербе Вахсмута Мюльхаузена мы видим наколенники стрел, что может служить аллегорией того, что сердечные муки неизбежны для него [3, S. 183].

Золотая стрела, изображенная на миниатюрах, играет важную роль в символике куртуазной культуры. Можно предположить, что она олицетворяет собой некий аналог «стрелы Амура», т. к. влияние античной культуры на средневековую прослеживается довольно часто [4, S. 69].

По мнению ученых [5, S. 290–292], к миниатюрам, отображающим куртуазную любовь можно отнести те, которые показывают певца в одиночестве, размышляющем над произведением (Вальтер фон Фогельвейде, Глирс, Генрих фон Фельдеке, граф Рудольф Невшатель), миннезингера, который находится на почтительном расстоянии от женщины (Кюренберг, Генрих Штретлинген, Майлох Беттинген), передачу венка из рук дамы поэту (Рудольф фон Ротенбург, Зингенберг, граф Тоггенбург) или шлема (Шенк фон Лимбург, Отто Турне).

Во многих случаях, миннезингер также передал письма и послания с его любовными стихами и песнями даме своего сердца (Хохенфельс, Уильям Хайнц, Рубин) [6, S. 368].

Многие миниатюры имеют похожие композиции, благодаря которым мы можем выделить несколько их типов. Ученые полагают, что многие сюжеты имеют давние традиции, ведущие начало даже с античных времен.

Примером может служить миниатюра с Вальтером Фогельвейде, где он сидит на холме, склоны которого усыпаны ростками

белого клевера. Он смотрит в пространство перед собой, подперев голову рукой и слегка отвернувшись от зрителя, у ног его стоит меч. Типичные позы использовались в древности для изображения поэта или писателя [7, S. 34].

Считалось, что чем сильнее любовь и правильной поступки мужчины, тем лучше его песни, а плохое качество сочинений будет говорить о том, что миннезингер не умеет любить [8, S. 281–283].

Сцена, в которой Кристан Хамле пытается добраться до окна своей дамы, берет свое начало в популярном средневековом мифе, сложившемся вокруг поэта Вергилия и его «Энеиды». Сцену часто можно встретить в рукописях, посвященных куртуазной любви. На верху башни замка стоит девушка, которая пытается поднять с помощью лебедки мужчину, сидящего в чане. Она обещает ему, что он сможет ночью проникнуть к ней, но на полпути она прекращает подъем с таким расчетом, чтобы поэт не мог выбраться, и оставляет его висеть так до утра, выставив на посмешище [3, S. 71].

По мнению Урсулы Петерс, мотив пользовался в позднем Средневековье большой популярностью и встречался, например, в других рукописях, «Хронике» Рудольфа фон Эмса, на gobеленах и в архитектуре. Сюжет выступает как демонстрация женской хитрости и власти над мужчиной [9, S. 352–355].

Исследователи полагают, что в миниатюрах «Кодекса Манессе» есть мотивы, связанные с эротикой и не принадлежащие к куртуазной культуре. Вернер Тойфен и его возлюбленная изображаются верхом на лошадях (обе лошади кусают осторожно друг другу гриву), и он касается пальцем рта женщины. Сцена здесь говорит о физической любви, которая не исходит из сердца. Якоб Ватре купается в деревянной ванне, и ему прислуживают четыре дамы. Генрих Тешлер проникает в комнату к своей даме и застаёт ее в постели, полуголой с обнаженной грудью [3 S. 69, 46].

Однако, по мнению О. В. Смолицкой, проблема отнесения сексуальных чувств, физических контактов и страсти к куртуазности занимала умы ученых постоянно [1, С. 255].

В произведениях миннезингеров воспевается «чистая» любовь, она побуждает мужчину быть лучше для своей дамы, совершенствовать свой внутренний мир. Наградой за такой труд будет благосклонность дамы и ответная любовь, которая не была исключена из мира куртуазных ценностей, просто акцент делается не на ней, а на дороге к ней [10, S. 85–91].

Поэтому любовь в романах чаще всего разделенная, плотская, что не мешает ей быть «куртуазной», т. е. подвигать и рыцаря, и его даму на постижение высшей нравственной сути рыцарства.

Миннезингер, как правило, не говорит открыто о своей любви к женщине. Дама сердца остается неизвестной, она замужем или имеет более высокий социальный статус. Часто это жена сеньора, на службе которого состоит миннезингер. Возлюбленная представляет идеал женщины и является воплощением всех добродетелей и женственности.

В большинстве случаев любовь поэта остается безответной. Тем не менее, она вызывает зависть у людей, которые шпионят за парой и пытаются не допустить встречи влюбленных. Все это приводит либо к практике тайных посланий, либо к страданиям миннезингера и насмешкам со стороны завистников.

Гербы любви поддерживают главный лейтмотив миниатюр, изображая всевозможные цветы, листья в форме сердец, птиц, открытую книгу, на страницах которой мы можем прочесть слова о любви. Доказательством прямой взаимосвязи гербов с миниатюрой и, соответственно, куртуазностью является тот факт, что во многих случаях элементы герба полностью совпадают с каким-либо объектом на миниатюре. Так, на миниатюре с Гюнтером Ворстом мы видим отдыхающих на траве поэта и его даму, которая передает ему кувшин с питьем. Над каждым из них растет по одному дереву, листья которых отличаются по форме: у дерева, раскинувшегося над дамой, листья в форме сердец, а у дерева поэта — в форме трилистника. Вверху иллюстрации мы можем видеть шлемовую эмблему и герб поэта, который относим к типу «Minnewarren». Интересен тот

факт, что на герб любви помещено изображение ветки с дерева девушки, а не самого миннезингера. Это может служить еще одним символом почитания дамы, который относится к куртуазной культуре.

Что касается сословного аспекта, то стоит сказать, что и представители высшей знати, и простолюдины были одинаково представлены в разнообразных контекстах куртуазной любви, хотя считается, что миннезингерами были преимущественно рыцари.

Обычный ремесленник или бедный странствующий миннезингер были помещены в похожие сюжеты, они имели цветочный венок — атрибут поэта и его возлюбленной, участвовали в танцах, турнирах, празднествах, подносили свитки с песнями дамам и т. д. Геральдика в данных контекстах никак не умаляла происхождение миннезингера: представители разных слоев общества имели гербы любви.

Стоит отметить тот факт, что художники, репрезентующие куртуазную культуру, не относились к высшему сословию, они были обычными ремесленниками. Поэтому в «Кодексе Манессе» визуализация куртуазной любви зависит от представлений социальной прослойки населения, не входившей в данную культуру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смолицкая О. В. Куртуазная любовь // Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича. М., 2007. С. 253–255.
2. Redolfi M. Die mittelalterliche Jagd und ihre Darstellung im Codex Manesse // *Mittelalter: Zeitschrift des Schweizerischen Burgenvereins*. Bd. 7. Basel, 2002. S. 61–70.
3. Cod. Pal. germ. 848 Große Heidelberger Liederhandschrift (Codex Manesse) [Электронный ресурс]. URL: <http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg848> (последнее обращение: 01.07.2015).
4. Flühler-Kreis D. Die Bilder: Spiegel mittelalterlichen Lebens? // Die Manessische Liederhandschrift in Zürich. Edele vrouwen — schoene man / Bearb. v. C. Brinker, D. Flühler-Kreis. Zürich, 1991. S. 65–72.

5. *Touber A. H.* Les biographies des Troubadours et les miniatures du Codex Manesse // Études médiévales. Revue. Bd. 3. Amiens, 2001. P. 290–293.
6. *Bumke J.* Courtly Culture: Literature and Society in the High Middle Ages. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1991.
7. *Costa R. da.* Codex Manesse: quatro iluminuras do Grande Livro de Canções manuscritas de Heidelberg (século XIII) — análise iconográfica // Brathair. Revista Brathair. Santiago, 2001-2003. Bd. 1, 1. S. 3–12; Bd. 2, 2. S. 9–16; Bd. 3, 1. S. 31–36.
8. *Kornrumpf G.* Die Heidelberger Liederhandschrift C. // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. Bd. 3 / Hrsg. v. K. Ruh. Berlin; NY., 1981. S. 584–597.
9. *Peters U.* Autorbilder in volkssprachigen Handschriften des Mittelalters: eine Problemskizze // Zeitschrift für deutsche Philologie. Bd. 119. Berlin, 2000. S. 321–368.
10. *Stolz M.* Die Aura der Autorschaft. Dichterprofile in der Manessischen Liederhandschrift // Buchkultur im Mittelalter. Schrift, Bild, Kommunikation / Hrsg. v. M. Stolz, A. Mettauer. Berlin, 2005. S. 67–101.

**БИБЛИЯ ПОЛИГЛОТА ИЗДАТЕЛЬСТВА КРИСТОФА
ПЛАНТЕНА. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ**

В данной статье нам хотелось бы обратиться к памятнику, почти не освещенному в отечественной литературе, — Библии Полиглоте (*Biblia Polyglotta*), напечатанной в Антверпене в издательском доме Кристофа Плантена. Наше небольшое исследование было проведено на материалах Иностранного фонда Российской Национальной библиотеки при поддержке и активнейшем участии ведущего библиотекаря О. Э. Фроловой. Были использованы хранящиеся в РНБ тома Полиглоты Плантена [1], Полиглоты Хименеса [2], а также отдельно изданные богословские труды Бенито Ариаса Монтано [3; 4]. Мы хотели бы кратко проследить историю создания этого выдающегося памятника мирового книгопечатания и исследовать его художественное оформление.

В тот момент, когда нидерландский гуманист и издатель Кристоф Плантен (1520–1596) задумался о создании своей Библии на четырех языках, полиглоты уже не были необычным явлением. Первая Библия на нескольких языках была издана на территории Испании, в Алькала-де-Энарес Арно Жильермом де Броккаром: Полиглота кардинала Хименеса (Комплютенская Полиглота) появилась в 1514–1517 гг. В XVI в., в ходе борьбы католицизма и протестантизма, представители обеих сторон готовили к изданию полиглоты, однако ни один из проектов не был завершен [5, С. 42].

В 1562 г. Плантен находился в не самом выгодном положении с политической точки зрения: несколькими годами ранее он напечатал протестантский памфлет в своей антверпенской типографии, о чем

вскоре узнали испанские власти, а издатель был вынужден уехать в Париж. Узнав о проектах издания библий на нескольких языках Жана Драконита, лютеранского теолога, и Ангуана Рудольфа ле Шевалье, профессора еврейского языка из Стратсбурга, которые не были окончены в связи с их смертью, Плантен загорелся идеей создать подобную книгу. Он начинает подготовительную работу: скупает лучшую бумагу по всей Европе, ищет знатоков древних языков и гравиров. Полиглота Плантена, известная впоследствии также как Королевская Библия (*Biblia Regia*) — редкое произведение, задуманное не заказчиком, а исполнителем. Заказчик, точнее спонсор, для Плантена был очевиден — испанский король Филипп II, набожный повелитель огромной католической империи, находящейся в состоянии борьбы с молодым протестантизмом. Издатель пишет секретарю короля о том, что готовится издать Библию на еврейском, халдейском, греческом и латинском языках, предположительно в шести томах. Плантен намеревался завершить работу в течение трех лет и утверждал, что не желает служить никому, кроме короля Филиппа, хотя многие уже предлагали спонсировать его труд. Не дожидаясь ответа, издатель начинает работу над переводами. Знатоки древних языков, в частности зять Плантена Франсуа Рефеленжбен, профессор из Кельна Жан Исаак, Жильерм Пастель, братья Ги и Николя ле Февр, Гвидо и Николас Фабрициусы, а также несколько профессоров Лувенского университета готовили к изданию тексты Ветхого и Нового Завета, создавали транскрипции (сирийского еврейскими буквами) и переводы (Евангелия на сирийский).

В 1566 г. бюрократические проблемы были решены, и с официальной бумагой от короля Плантен беспрепятственно вернулся в Антверпен через Брюссель, чтобы начать подготовку текстов к изданию. Для наблюдения за процессом создания Королевской Полиглоты и на помощь переводчикам и богословам Филипп II послал из Испании своего капеллана, дипломата и библиотекаря, Бенито Ариаса Монтано (1527–1598), которому суждено было стать сотворцом Библии Плантена. Теолог, получивший образование в университете

Алькала-де-Энарес и принимавший участие в Тридентском соборе, Ариас Монтано прибыл в Антверпен в начале 1567 г. и очень скоро стал добрым другом Плантена. Богослов собрал все тексты и переводы и составил восемь томов Полиглоты: четыре тома книг Ветхого Завета, том Нового Завета и трехтомный словарь. В последний вошли словари и грамматика каждого из древних языков и комментарии Ариаса Монтано.

После завершения основного этапа работы Полиглота была представлена на суд комиссии богословов из Лувенского университета. Несмотря на то, что одобрение было получено, Папа Пий V, бывший в конфликте с Филиппом II, затягивал с разрешением книги к печати. Даже кардинал де Гранвиль, покровитель Ариаса Монтано и Плантена, не мог ничем помочь. Папа стоял на крайне консервативных позициях, в частности, он был против включения в Полиглоту перевода Писания доминиканского монаха Санта Панныно и возмущался против цитат из Талмуда и подобных «еретических» книг. Пятилетняя кропотливая работа могла обернуться крахом, однако смерть Пия V и одобрение Полиглоты новым понтификом Григорием XIII позволили Плантену перейти к завершающему этапу.

В ходе подготовки огромного массива текста к печати, следовало разрешить две важные задачи: расположения текста и художественного оформления книги. Чертой, выгодно отличающей Полиглоту Плантена от предшествующих изданий подобного рода, является ясная архитектура листа. Каждая страница разделена на два столбца с библейским текстом, ниже часто располагается горизонтально ориентированный комментарий, напечатанный более мелко. Таким образом, на развороте расположены четыре столбца текста на разных языках. Одной из основных проблем издания полиглот является точное совпадение текста в каждом из столбцов. Решением выступают грамотно подобранные шрифты, поскольку буквы в древних языках различны по размерам. Кристоф Плантен обратился к граверам-мастерам шрифтов из Франции и Нидерландов.

Робер Гранжон создал большой греческий шрифт и курсив, Жильерм Ле Бе — большой еврейский. Малый еврейский шрифт был куплен у Корнелиса Бомберга. Также на Плантена работали Франсуа Гийот и Лоран ван Эвербрек [6, Р. 113–126].

Пять томов рассматриваемого издания имеют иллюстрации. Первый том имеет фронтисписы, созданные гравером Пьером ван дер Хейденом в Америке. Их сюжеты аллегоричны и тесно связаны с политическим курсом Филиппа II: «Объединение людей под властью христианства», «Четыре языка древней Библии», «Набожность короля Филиппа II и его верность католицизму», «Торжество Пятикнижия». Второй и пятый том открываются гравюрами Жана Вьерика. Это «Переход через Иордан» и «Торжество Нового Завета» соответственно. Фронтиспис на сюжет «Работа на Божьем винограднике», созданный Жераром де Кампеном, украшает третий том. Данные гравюры представляют собой однофигурные аллегорические композиции или многофигурные сцены, выполненные в духе романизма, близкого вкусам короля. В том же стиле выдержаны архитектурные заставки-рамы, отмечающие окончание одной книги Писания в рамках одного тома и начало другой. В отличие от готической — в шрифтах, инициалах и заставках — Полиглоты Хименеса, Королевская Библия изобилует инициалами-гротесками, хотя в них по-прежнему присутствуют библейские композиции.

Мы считаем нужным уделить особое внимание гравюрам словаря, составляющим отдельную вкладку в последнем томе Полиглоты. Созданные на основе изученных Ариасом Монтано библейских текстов, иллюстрации словаря представляют огромный интерес. Это и карты городов и регионов, в которых происходили события библейской истории, и архитектурные детали Иерусалимского Храма, и артефакты, фигурирующие в Ветхом Завете. Страницы населены очаровательными пухленькими ангелами-детьми, а на занимающей целый разворот карте мира в волнах океанов изображены корабли и причудливые морские существа. Особо хотелось бы отметить необычную иконографию гравюры по рисунку Петера Хьюса

с изображением плана Ноева Ковчега, в который вписана фигура Христа.

В ходе завершающего этапа создания Королевской Полиглоты были созданы несколько вариантов переплета, самый роскошный, из лучшей кожи, позолоченный вариант был послан ко двору Филиппа II. Король был очень доволен: труд всех участников долгого творческого процесса был щедро вознагражден, а сам Кристоф Плантен получил звание главного королевского типографа, монополию на издание религиозной литературы и право цензуры по отношению к другим издателям.

После завершения труда по составлению и комментированию текстов Полиглоты, Бенито Ариас Монтано возвратился в Испанию. Как и многие новаторы, он подвергся критике со стороны более консервативно настроенных богословов. Не вдаваясь в подробности этих споров, коснувшихся отчасти и Плантена, скажем, что создатели Королевской Полиглоты вышли из них победителями. Ариас Монтано несколько лет оставался библиотекарем Филиппа II, а последние годы провел в уединенном монастыре. Немаловажно отметить, что дружба с Кристофом Плантеном длилась до конца жизни издателя, Ариас Монтано вел с ним активную переписку и доверял ему издание своих многочисленных трудов [6, Р. 126–148].

Антверпенская Полиглота, созданная благодаря воле и организаторским способностям издателя Кристофа Плантена, знаниям и авторитету богослова Бенито Ариаса Монтано, таланту и трудам многочисленных художников, граверов, создателей шрифтов, печатников, переплетчиков, может быть поставлена в один ряд с другими замечательными произведениями искусства эпохи правления Филиппа II. Для ее создателей эта книга стала делом жизни, и, несмотря на множество препятствий, ставивших под сомнение существование Полиглоты, мы можем и спустя сотни лет наслаждаться ее гармоничными страницами и великолепными гравюрами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Biblia Sacra Hebraice, Chaldaice, Graece, & Latine. Antverpiae (Antwerpen): Christophe Plantin, 1570–1572. Т. II–IV, VI.
2. Novum Testamentum Graece et Latine. Compluti Alcalá de Henares, 1514.
3. *Arias Montano B.* Antiquitatum Iudaicarum libri IX. In quis, praeter Iudaeae, Hierosolymorum, & templi Salomonis accuratam delineationem, praecipui sacri ac profani gentis ritus describentur / Auctore Benedicto Aria Montano Hispanensi; Adiectis formis aeneis. Lugduni Batavorum Leiden: Ex Officina Plantiniana Apud Franciscum Raphelengium, 1593.
4. *Arias Montano B.* Humanae salutis monumenta / B. Ariae Montani studio conscripta et decantata. Antverp. (Antwerpen): Christoph. Plantinus, 1571.
5. *Люблинский В. С.* На заре книгопечатания. СПб., 2006.
6. *Rooses M.* Christophe Plantin, imprimeur anversois, par Max Rooses. Anvers, 1882.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ СТАРШЕГО

Власть

В творчестве Питера Брейгеля Старшего совсем немного картин, связанных с изображением власти.

В «Самоубийстве Саула» (1562, Вена, Музей истории искусства) мы видим царя Саула, пронзенного собственным мечом. Первый царь Израиля стал «неугоден» Богу и Бог «отступил» от него (1 Книга Царств 8:31). Саул показан отнюдь не героически. В целом, библейская легенда, изображенная на фоне грандиозного горного ландшафта, тонет в природном водовороте; копья воинов, сошедшихся в битве, напоминают тысячи хвойных иголок, опавших на землю. Быть может, этим мастер хотел сказать, что человек — не больше, чем хвоинка перед лицом вечной природы, и его гордыня смешна.

Следующее произведение, связанное с темой власти — полотно «Вавилонская башня» (1563, Вена, Музей истории искусства). О царе Нимроде, здесь представленном, в Библии говорится, что он «сильный зверолов перед Господом» (Бытие 10: 9). Владения его составляли «Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сеннаар» (Бытие 10:10), но прямо не утверждается, что Вавилонская башня строилась во время его царствования. Впервые предание, связывающее Нимрода с возведением Вавилонской башни, зафиксировано в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия (1,4), явно опиравшегося на длительную устную традицию. Нимрод в этом сочинении описан как необычайно жестокий и гордый правитель, добившийся от своего народа полного подчинения и повелевший возвести башню —

символ гордыни и отречения от Бога. И у Брейгеля нечестивое деяние (строительство башни) совершается по приказанию Нимрода. То есть, согласно трактовке художника, вина, в первую очередь, лежит на царе и грех гордыни обуял первым именно его. Гигантское сооружение, еще не достроенное, уже угрожающе накренилось, словно предупреждая о том, что восстание против Бога и извечных закономерностей мира изначально обречено на неудачу.

Последняя работа, в которой художник касается данной темы, — картина «Избиение младенцев» (1565-66, Вена, Музей истории искусства). Здесь власть представлена зловещим командиром карательного отряда, выполняющим приказ Ирода. Вновь мы видим отрицательный «имидж» власти. Часто писали, что возглавляющий солдат старик с длинной белой бородой, одетый в черные доспехи, похож на герцога Альбу (Альба был прозван в народе «черным герцогом»). Соответственно, получалось, что короля Филиппа II художник сравнивает с Иродом.

Однако такая трактовка уязвима уже из-за разницы в датах: войска Альбы вошли в Брюссель только в августе 1567 г., т. е. самое меньшее через год после создания картины. К тому же, следует помнить, что почти все картины Брейгеля (именно в них, а не в доступных широкой публике гравюрах, находят мотивы народно-освободительной борьбы) написаны на заказ. Заказчиков, среди которых были богатый купец Николас Йонгелинк, владевший шестнадцатью работами мастера, и доверенное лицо Филиппа II кардинал Гранвелла, трудно заподозрить в сочувственном отношении к восставшему народу. Очевидно, что живописец должен был с этим считаться.

По-видимому, Брейгель всегда проявлял разумную осторожность, и если каким-либо образом выражал свои политические взгляды, то делал это тайно. В жизнеописании Брейгеля, которое мы находим в «Книге о художниках» (1604) Карела ван Мандера есть одно очень интересное место. Как сообщает ван Мандер, у Брейгеля «было еще множество очень тонко и чисто сделанных сатирических рисунков с надписями, подчас слишком едкими и насмешливыми,

которые он перед смертью велел своей жене сжечь — не то из раскаяния, не то из боязни, что они могли причинить ей какие-нибудь неприятности» [1, С. 225]. Содержались ли в этих рисунках какие-либо политические мотивы, сейчас остается только гадать. Как патриот Брейгель, вероятно, желал ей мира и освобождения от испанского владычества, однако говорить об активном участии художника в революционной борьбе, было бы, видимо, преждевременным.

Итак, в целом мы видим отрицательный образ власти, к тому же смещенный в область истории и не выходящий за пределы существовавшей традиции. Отношение Брейгеля к действующим властям неизвестно.

Общество

Уже в ранних картинах Брейгеля «Нидерландские пословицы» (1559, Берлин, Картинная галерея, Государственные музеи Прусского культурного наследия), «Битва Поста и Масленицы» (1559, Вена, Музей истории искусства), «Детские игры» (1560, Вена, Музей истории искусства), человек у Брейгеля не представлен сам по себе, он — всегда часть массы, толпы. Эта толпа очень разнообразная, но, в то же время, в основе своей единая. В этом «мировом театре» никто не выделяется, все актеры в нем совершенно равноправны: они образуют единый коллектив горожан («Битва Поста и Масленицы»), одинаково ребячливы («Детские игры») или одинаково глупы («Нидерландские пословицы»).

Глупость и лень вообще, по Брейгелю, — одни из главных свойств людей. В «Несении креста» (1564, Вена, Музей истории искусства) народ не понимает смысла происходящего, он — в духовной спячке. Путь на Голгофу, лежащий между местом для колесования — символом смерти, и мельницей — символом Евхаристии и вечной жизни, служит выражением морального наставления: широкая дорога на «лобное место» олицетворяет легкость совершаемого зла, почти же недоступная мельница на крутой скале — подвиг праведной жизни. Лень и глупость составляют главное содержание таких полотен, как «Страна лентяев» (1567, Мюнхен, Старая пинакотека),

«Мизантроп» (1568, Неаполь, Галерея Каподимонте), «Разоритель гнезд» (1568, Вена, Музей истории искусства).

Картину «Притча о слепцах» (1568, Неаполь, Галерея Каподимонте) вообще можно считать одним из самых трагических произведений в истории мировой живописи. Трудно найти более монументальное изображение физической и духовной немощи человека. Содержание полотна многослойно: кроме непосредственного сюжета — евангельской притчи о слепцах, — можно выделить несколько уровней понимания. Одну из наиболее глубоких трактовок выдвинул австрийский искусствовед Ганс Зедльмайр. Он считал, что работа Брейгеля «должна быть понятна, исходя из четырех смыслов Писания: буквально это «жанровая сцена», аллегорически — образец «превратного мира» и вместе с тем, вероятно, аллюзия на религиозно-политические события того времени (еретики); анагогически — это прообраз Страшного суда (падение слепых) и тропологически, т. е. в отношении отдельной души, слепцы — это мы сами, каждый из нас» [2, С. 197-198].

У Брейгеля есть и другой образ человека, более положительный или, лучше сказать, нейтральный. В его серии «Времена года», из которой сохранилось пять полотен («Охотники на снегу», «Хмурый день», «Возвращение стад» (все — 1565, Вена, Музей истории искусства), «Жатва» (1565, Нью-Йорк, Музей Метрополитен) и «Сенокос» (Прага, Собрание Лобковиц)) ярко выражена идея слияния человека с жизнью природы. В графике эту же мысль мы можем проследить в рисунках «Лето» (1568, Гамбург, Кунстхалле) и «Пчеловоды» (Берлин, Кабинет графики, Государственные музеи Прусского культурного наследия). В них идея подчиненности человека природным ритмам достигает своего апогея, выражаясь в совершенной обезличенности, анонимности людей. На первом рисунке из десятка изображенных людей едва можно разобрать два лица, написанных в схематичной манере. На рисунке «Пчеловоды» лиц нет совсем — они закрыты защитными масками. Австрийский историк искусства Отто Бенеш отмечал близость взглядов Брейгеля

и немецкого философа Себастиана Франка (1499–1542/43). «Франк дал следующее определение человечества: «существует одна одинаковая жизнь на земле»; «все люди как один человек»; «кто видит естество одного человека, видит естество всех» <...> Человек воспринимается как часть безликой массы, подчиненной великим законам, управляющим земными событиями, так же как они управляют орбитами земного шара во вселенной. Содержанием вселенной является один великий механизм. Повседневная жизнь, страдания и радости человека протекают так, как предвычислено в этом часовом механизме... Это идея механизма вселенной, которая в конце XVI столетия господствовала также в философских системах Бернардино Телезио, Томмазо Кампанеллы и Джордано Бруно» [3, С. 142-145].

Брейгель изображал крестьян и «вблизи», но можно ли сказать, что он им искренне симпатизировал? Карел ван Мандер пишет, что Брейгель со своим приятелем купцом Гансом Франкертом «часто ходил по деревням, когда там происходили ярмарки или свадьбы. Они являлись на свадьбы переодетыми крестьянами и, выдавая себя за родственников либо жениха, либо невесты, подносили, как и все другие, подарки. Здесь Брейгелю доставляло большое удовольствие следить за теми безыскусственными приемами крестьян в еде, питье, танцах, прыганье, ухаживанье за женщинами и других забавах» [1, С. 221-223]. Несмотря на то, что доверять ван Мандеру у нас особых причин нет, контекст он обрисовал, по-видимому, верно. Такие картины, как «Крестьянская свадьба» и «Крестьянский танец» (обе — Вена, Музей истории искусства), были созданы философом, горожанином и интеллектуалом. Крестьяне на них в целом не выглядят привлекательно: они грубые, слишком любят поесть и выпить, склонны к чувственным удовольствиям. Думается, Брейгель не осуждал их и не смеялся над ними, но, может быть, это был некий урок для высших классов общества о том, как не следует себя вести [4, Р. 150]. Главное здесь то, что мастер сумел гениально отразить реальность, немного экзотическую для него, но поражающую стихийной красотой жизни.

Наиболее «сознательная» из толп изображена в картине «Проповедь Иоанна Крестителя» (1566, Будапешт, Музей изящных искусств). По мнению некоторых ученых, работа могла быть вдохновлена тайными собраниями протестантов в окрестностях нидерландских городов. Но рассматривать ее как политическое заявление Брейгеля, на наш взгляд, сложно. Нам представляется, что художник и здесь — в первую очередь философ, он не выражает никаких предпочтений, а просто анализирует людей. Далеко не все из них захвачены проповедью Иоанна, многие откровенно скучают или занимаются своими делами.

Что же мы можем узнать о людях по картинам Брейгеля? В основном он говорит об их материальном мире, который очень разнообразен. Мастер подробно рассказывает о том, что они носили, ели, пили, во что играли и т.п. Духовная и интеллектуальная сферы жизни очерчены у Брейгеля несколько бледнее: в основной своей массе люди бездуховны, глупы, слепы и следуют животным инстинктам.

Если это общество и подчинено какой-то власти, то это — власть рока, судьбы, всеобщего закона, единого для человека и мира. Человек у Брейгеля — лишь звено великой цепи событий бытия, переживаемых вместе с природой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мандер К. ван.* Книга о художниках / пер. с голл. В. М. Минорского; под ред. Г. И. Федоровой. 2-е изд. СПб., 2007.
2. *Зедльмайр Г.* Искусство и истина: теория и метод истории искусства / пер. с нем. Ю. Н. Попова. СПб., 2000.
3. *Бенеш О.* Искусство Северного Возрождения. Его связь с современными духовными и интеллектуальными движениями / пер. с англ. Н. А. Белоусовой, пред. и общ. ред. В. Н. Гращенкова. М., 1973.
4. *Harbison C.* The Art of the Northern Renaissance. London, 2012.

VIII.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО
В СРЕДНИЕ ВЕКА: ТЕОРИЯ И
ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

КОНСТАНТИН МОНОМАХ И КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОЙ ВИЗАНТИИ

Автократия Константина IX Мономаха (ок. 1000–1055) традиционно рассматривается как закономерное продолжение системного кризиса империи, последовавшего за железным правлением [1, С. 585] Василия II (976–1025). Сравнительно непродолжительное царствование Мономаха (1042–1055) преимущественно изучается лишь в связи с его третьим браком с Зоей Порфирогенитой — последней (наряду с младшей и незамужней сестрой Феодорой) представительницей Македонской династии, что собственно и обеспечило Константину престол и легитимировало власть.

Оценки этого императора и его политической деятельности не отличаются разнообразием. «Расслабленный развратник» [2, С. 114], «ничтожный жуир и весельчак» [3, С. 375], который почти не оказывал влияния на управление страной, отданной на откуп коррумпированной константинопольской бюрократии [4, С. 406] — таким предстает василевс Константин едва ли не во всех трудах, в той или иной степени затрагивающих его личность и правление (см., наприм. [5, Р. 590-596]). Коль скоро специальных исследований, посвященных политике Константина IX нет, она продолжает оставаться заложницей стереотипов, сформированных подчас слишком пристрастными очевидцами событий, для которых Мономах — пример худшего василевса, от автократии которого *«начали хиреть дела ромеев и, придя в упадок, достигли полного бессилия»* [6, Р. 444-445; 7, Р. 119-120].

Вместе с тем царствование Константина IX нельзя недооценивать, равно как и не стоит переоценивать его персону, далекую

от активной политической и государственной деятельности, хотя, вероятно, и не лишённую добродетелей [8, С. 79-80, 108-109, 120-121]. Именно это время — середина XI столетия — явилось своеобразным экватором, отделившим империю классической поры (с середины IX в.) от периода ее крушения и складывания новой, комниновской Византии (вторая половина XI – XII вв.). Эпоха Константина Мономаха — последний сравнительно спокойный этап существования империи [2, С. 114, 117], когда кризисные тенденции, обозначившиеся еще во второй четверти XI в. или даже ранее [9, С. 130-131], не проявились в полную силу, и Византия инерционно продолжала жить наследием Василия Булгароктона. Захлестнувшие страну катаклизмы не являлись порождением чьей-то злой воли или, наоборот, бездарности, кризис был системным, а на царствование Мономаха пришлось только его начало, поэтому то, что в силу объективных причин ускользнуло от внимания современников [10, С. 15], может быть учтено и осмыслено почти тысячелетие спустя. Остается лишь пристальнее взглянуть в события 1040-х – первой половины 1050-х гг., отчетливо представить и понять их сущность.

Сразу оговоримся, что формат статьи позволяет остановиться лишь на ключевых проблемах правления Константина IX, оказавших влияние на последовавшее развитие Византии и ознаменовавших подтачивание основ классической империи IX–X вв. Эти вопросы можно распределить по трем группам: во-первых, поиск новых источников дохода и разорение стратиотского ополчения; во-вторых, демилитаризация административного управления; в-третьих, углубление раскола внутри правящей верхушки.

На основе показаний современников неоднократно подчеркивается расточительство Мономаха, который в ущерб государственным интересам тратил громадные суммы на личные прихоти, двор, храмовое строительство и подкуп Церкви, одновременно, промышляя порчей монеты [8, С. 78, 87, 117, 125-126; 11, С. 272; 12, Р. 249-250; 5, Р. 593, 595]. Однако важно понимать, что поиск новых источников налоговых поступлений являлся не только следствием

удовлетворения бесконечных прихотей окружения василевса, «*который погубил и разорил царство ромеев*» [3, С. 289]. В условиях прекращения внешней экспансии, когда важнейшей статьёй дохода императорской казны были военные трофеи [13, Р. 534], содержание разветвленного государственного аппарата оказывалось чрезмерно дорогостоящим, что, таким образом, вызывало необходимость сокращения расходов. При наличии, казалось, безопасных границ [12, Р. 250] наиболее подходящей для урезания статей расходов представлялась именно армия.

В поисках новых источников доходов правительство Мономаха окончательно превратило свободных стратиотов в налогоплательщиков [4, С. 412], что стимулировало упадок фемного ополчения. Лишенные *ситиресия* (*опсония*) — регулярного ежемесячного солдатского довольствия в виде продовольствия, одежды, обмундирования и фуража, — стратиоты были обязаны обеспечивать себя материально за счет собственных *стасей* — земельных наделов [14, С. 303]. Ощутимое сокращение мужского военнообязанного населения [10, С. 20-21], разорение громадного числа стратиотов, а также соображения экономии вынудили Мономаха пойти на полную ликвидацию фемных контингентов в некоторых областях, в частности, в Иверии [3, С. 153, 155; 5, Р. 595-596]. Больше того, само слово «фема» с середины XI в. вышло из употребления в качестве обозначения отрядов провинциальной армии [4, С. 412]. Теперь, когда налоги, ранее поступавшие в качестве *опсония* с нескольких областей [11, С. 270], шли прямо в казну, а фемная организация ослабела, оборона страны была доверена различным наемническим контингентам, расквартированным не по всему периметру границы, а лишь в ее ключевых пунктах [1, Р. 598].

В то же время «первый министр» Константина IX — *месадзон* («управляющий») [15, Р. 1346; 5, Р. 591] — Константин Лихуд [8, С. 123-124], будущий константинопольский патриарх Константин III (1059–1063) — провел ряд реформ, связанных с усилением гражданской администрации на местах и упрощением военной

организации [1, Р. 598]. Именно в годы автократии Константина IX — «скорее, императора мирного, нежели воинственного» [8, С. 90] — завершился процесс демилитаризации провинциального управления. Областная власть сосредоточилась в руках фемного судьи (*крита*), а не *стратига* [12, Р. 250], как было принято в течение последних трех-четырех веков, хотя перераспределение полномочий началось уже столетием ранее при Романе I (919–944) [16, Р. 343–344]. Показательно, что такое «оцивиливание» фемной администрации рассматривалось как некое «восстановление империи», возвращение жизни Византии в нормальное русло путем отказа от сверхмилитаризации и чрезвычайщины, достигших апогея в полувековое царствование Болгаробойцы [1, Р. 599]: василевс Константин «заслужил добрую славу прежде всего управлением гражданскими делами» [8, С. 130]. Достаточно радикальный демонтаж старой военной администрации и ставка на наемнические подразделения, наряду с возложением тягла на стратиотские массы, вызвали недовольство не только в крестьянской среде, но и среди провинциальной армейской аристократии [1, Р. 600]. Острые реформ правительства Мономаха, политика которого была всецело подчинена интересам столичной бюрократии и дворцовой знати, оказалось направлено против фемной военной элиты. Ответом на это стали мощные антиимператорские восстания ее представителей, поднявших голову впервые за несколько десятилетий: Георгия Маниака, Стефана Севастофора, Льва Лампроса (1043) и Льва Торника, племянника василевса по матери (1047) [17, С. 178–186; 18, С. 218]. Во многом именно страх перед мятежными военачальниками вынуждал императоров 40–70-х гг. XI в. проводить политику ослабления вооруженных сил, делая ставку на наемническую армию, требовавшую новых огромных расходов [10, С. 20].

Вместе с тем Константин IX возбудил недовольство и среди синклита — группировки, непосредственно способствовавшей его воцарению: василевс, нарушив одну из главных заповедей Македонского дома, начал раздавать титулы и должности по собственной

прихоти, пренебрегая табелью о рангах [8, С. 78-79; 11, С. 271-272]. Впрочем, здесь проявились не столько каприз и кумовство Мономаха, а, скорее, его политическая изворотливость: открывая доступ в синклит широким общественным слоям — в первую очередь столичной торгово-ремесленной верхушке [8, С. 79] — император, таким образом, расширял опорную базу режима [4, С. 409], и это Константину IX неизменно удавалось [8, С. 79]. Подобные меры оказывались тем более актуальны, поскольку социальное напряжение, несомненно, возросшее во второй четверти XI в., уже не могло быть поглощено путем расширения экспансии во вне, как было в течение X в. [1, Р. 589].

Показательно, что альянс («гражданский мир») военно-землевладельческой аристократии и константинопольского чиновничества — один из важнейших столпов государственного здания — исчерпал потенциал в острый момент массовой варварской атаки византийских границ. Здесь фактор внутренней напряженности тесно переплетался с внешнеполитическими проблемами, внезапно обрушившимися на империю в конце 1040-х гг.: на фоне полного господства столичного чиновничества и ее антимилиитаристской политики [11, С. 270] впервые в истории ромеям пришлось воевать сразу на трех фронтах — против турок-сельджуков, печенегов и норманнов [13, Р. 539-540].

«Переменчивый душой, порой сам на себя не похожий, Константин хотел прославить свое царствование, и нельзя сказать, что вовсе не достиг цели», — так пишет о василевсе один из его ближайших конфиденентов *инат философов* Константин (Михаил) Пселл [8, С. 126]. Действительно, у нас нет оснований отмахиваться от времени Мономаха как от вполне заурядного царствования очередного ставленника придворной камарильи среди бесконечной череды бесцветных и неспособных императоров постбулгароктоновской эры. Хотя Константин IX не был героем собственного правления и центральной, определяющей его образ фигурой, в то же время он не являлся и откровенной марионеткой [8, С. 83, 124]. Будучи типичным

кабинетным монархом [13, Р. 540], Мономах, тем не менее, отстоял власть, оградив ее от многочисленных поползновений выходцев из армейской среды, удачливых командиров. Вместе с тем, на рубеже 1040-х – 1050-х гг. возобладали те процессы и явления, которые размыли плотину, возведенную Булгароктоном ради сохранения «Византии X в.» [9, С. 131], и буквально через два десятилетия свели в могилу классическую империю василевсов Македонского дома, а вместе с ней и ромейское великодержавие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Cambridge History of the Byzantine Empire: c. 500-1492 / ed. by Jonathan Shepard. Cambridge, 2008.
2. Гельцер Г. Очерк политической истории Византии // Очерки по истории Византии / под. ред. В. Н. Бенешевича: В 4 вып. Вып. I. СПб., 1912.
3. Кекавмен. Советы и рассказы. Сочинение византийского полководца XI в. / подг., введ., пер., комм. Г. Г. Литаврина. М., 1972.
4. Острогорский Г. А. История византийского государства / пер. с нем. М. В. Грацианского; ред. П. В. Кузенков. М., 2011.
5. Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. Stanford, 1997.
6. John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History, 811-1057 / Transl. by J. Wortley with Introductions by J.-C. Cheynet and B. Flusin and Notes by J.-C. Cheynet. Cambridge, 2010.
7. Michaelis Attalioetae Historia / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1853.
8. Михаил Пселл. Хронография / пер., статья, прим. Я. Н. Любарского. М., 1978.
9. Курбатов Г. Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984.
10. Литаврин Г. Г. XI столетие в истории Византии: факторы прогресса и упадка // *Albo dies notanda lapillo: коллеги и ученики* — Г. Е. Лебедевой / отв. ред. В. А. Якубский. СПб., 2005. С. 14-21.
11. История Византии: В 3 т. / под ред. С. Д. Сказкина: Т. II. М., 1967.
12. Gregory T. E. A History of Byzantium. Blackwell Publishing, 2005.
13. Holmes C. Basil II and the governance of Empire (976-1025). Oxford, 2005.

14. Византийский словарь: В 2 т. Т. II: М – Я / сост., общ. ред. К. А. Филатова. СПб., 2011.
15. The Oxford Dictionary of Byzantium: In 3 vol. / ed. in chief A. P. Kazhdan. NY.; Oxford, 1991.
16. *Whittow M.* The Making of Orthodox Byzantium. L., 1996.
17. *Скабаланович Н. А.* Византийское государство и церковь в XI в.: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: В 2 кн. Кн. I / вступ. ст. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2004.
18. *Литаврин Г. Г., Янин В. Л.* Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 204-221.

КАТЕГОРИЯ «РАБСТВО» В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ИОАННА ДУНСА СКОТА

Мировоззрение Иоанна Дунса Скота (1265/1266–1308) сложилось преимущественно во францисканской среде под влиянием интеллектуальной традиции ордена и сочинений Августина и Аристотеля. Творческое наследие Скота весьма обширно и характеризует «высший» (теоретический) уровень социального сознания. Общество-ственно-политические взгляды философа нашли отражение в богословских комментариях *Reportata parisiensia* (IV) и *Ordinatio* (III; IV).

В последние годы своей жизни большое внимание Скот уделяет рассмотрению вопросов общественного устройства. В социально-политической теории «Тонкого доктора» особе место занимает категория «рабство», которая является ярким примером критического синтеза социальных, политических, религиозных и этических понятий. Такое единство философии и теологии в сочинениях Скота показывает согласованность целого мира мысли, интеграцию философских и богословских аспектов.

В своих теоретических построениях первостепенную роль Скот отводит естественному праву, он утверждает, что все люди рождаются свободными по закону природы, и пребывание в свободе является обязательным свойством людей, а потому институт рабства не является справедливым [1, Р. 449].

На этом основании Скот заключает, что тот, кто добровольно подвергает себя рабству, совершает смертный грех, и такие подчинения являются безрассудными, но, как только он сделал это, должен сохранять свое положение [2]. Здесь Скот очень осторожно признает право человека на самоопределение, в частности право свободно принимать плен. Такой путь возникновения зависимости

был распространен в то время. Члены некоторых религиозных орденов, например Ордена мерцендариев, приносили особый четвертый обет к обычным трем: употребить все свое состояние на то, чтобы выкупать пленных христиан, а также, если потребуется, освободить раба ценой собственной свободы [1, Р. 449].

Несправедливо рабство и потому, что, будучи в зависимом состоянии, человек преграждает себе путь ко многим добрым деяниям. Скот имеет в виду, прежде всего, служение Богу, при этом не только духовное, но и посредством дел: подвергнуть свою жизнь опасности за правое дело, вести борьбу против врагов Церкви [3, N. 6], а также следование божьим заповедям, от чего лишенный свободы человек вынужден воздерживаться, потому что постоянно находится в подчинении своему господину [4, N. 6].

Но, несмотря на то, что, по мнению Скота, всякое рабство является от угнетения [4, N. 6], францисканец все же называет два случая, когда оно будет справедливым: как наказание за совершение тяжкого преступления и как право победившего по отношению к побежденному в войне за сохранение ему жизни.

В первом случае Скот говорит о праве властей на применение наказания постоянным рабством для порочных людей, поступки которых угрожают общему благу, подразумевая под этим пожизненное лишение свободы. Во втором — речь идет не о полном и действительном рабстве военнопленных и побежденных, а об условном, об обязательстве побежденного не враждовать больше никогда с победителем. Но если спасенный от смерти в другой раз начнет войну против своего господина, который прежде милостиво сохранил ему жизнь, тогда за его вину справедливо может быть назначено наказание рабством. И этот случай также стоит рассматривать как рабство за преступление [5, С. 535]. Именно в последнем Скот видит истоки самого института рабства и относит их к международному праву, праву войны [4, N. 6].

Если Скот не признает справедливость действительного рабства, кроме как за совершение тяжкого преступления, то Августин занимает иную позицию. Он признает действительный, в отличие

от идей Скота, военный плен, имеющий оправдание, поскольку войны, по учению Августина, не противоречат божьим заповедям [6, С. 347].

Впрочем, со времен Августина многое изменилось. Продавать пленных в рабство запретил еще III Латеранский собор в 1179 г. Но, церковные запреты не вводили существенных ограничения на применение рабства в качестве меры наказания, особенно в отношении нехристиан. На протяжении всего Средневековья христианская позиция в вопросе о рабстве была таковой, что нехристианин не был по-настоящему человеком, и один лишь христианин мог пользоваться правами человека — среди них и защитой от рабства [7, С. 184].

Позиция Скота была иной. Он наделяет правами всех зависимых людей. Так, Скот утверждает, что как бы не был раб неразумен, он человек, и, несмотря на то, что такой человек находится в подневольном положении, он имеет естественные права, которые не могут быть ограничены властью господина [4, N. 8].

К естественному праву человека Скот относит вступление в брак. Францисканец выразительно отстаивает право раба на заключение брака даже со свободным человеком [4, N. 3]. Объясняя это тем, что супружество проистекает из закона природы, а рабство — из положительного закона, стоящего иерархически ниже естественного права, следовательно, рабство не может помешать брачному союзу [4, N. 4]. Но в этом случае свободный человек, вступивший в брак с человеком зависимым, должен отказаться от своей свободы, права выбора в своих действиях [4, N. 11].

Что касается принятия зависимым человеком какого-либо религиозного учения, то, по мнению Скота, человек, находящийся в подневольном положении не может без согласия господина своего исповедовать религию [8, N. 1]. Монах-францисканец ничего, однако, не говорит о том, что вера господина и подвластного ему человека должны совпадать, он отмечает лишь исключительное право господина на свободу вероисповедания и его отсутствие у зависимого человека. Так, кроме того, что господин имеет полную власть

над телом подчиненного ему человека, над его действиями, имеет судебную власть, он обладает и религиозной властью над ним.

Такая власть господина распространяется на людей находящихся в прямой, личной зависимости, преимущественно на тех, кто попал в рабство за долги. Характеризуя долговое рабство, Скот утверждает, что, как и всякое лишение свободы, оно не является справедливым, но если случилось так, что кто-то не выплатил своевременно долг, он тем самым совершает смертный грех, и правила церковные обязывают такого человека отказаться от своей свободы [4, N. 11].

Во многом сторонники такой позиции обоснование искали в Священном Писании, где долговое рабство не запрещается, а лишь регламентируется, ограничивается сроком пребывания в нем и более мягким отношением к отработывающему долг человеку, чем к обычному рабу.

Церковь появилась на свет в мир, где рабство было общепринятым социально-экономическим институтом, относящимся к самой структуре общества, в дни Скота рабство уже не было универсальным социальным фактом. Тем не менее, францисканец поднимает вопрос о работорговле, основным источником которой были войны. Скот высказывается за то, что господин по справедливости своей может продавать человека, находящегося в личной зависимости от него, в отдаленные земли и области, поскольку имеет полную власть над его телом [4, N. 10].

Наконец, Скот различает два вида зависимости: прямую, когда человек является собственностью господина, как вол или лошадь, и в этом случае раб свободен в своих действиях не больше чем вол или лошадь, а также непрямую, при которой человек может обладать правом выбора в своих действиях, когда он не занят службой своему господину [4, N. 12]. В первом случае речь идет о личной зависимости, о самом рабстве, а также в ряде вопросов к прямой зависимости Скот относит серваж. Во втором, вероятно, — о гражданской, выраженной в системе вассалитета, где францисканец отмечает, что жители какого-либо государства являются подчиненными,

рабами, короля или принцепса, хорошо управляющего ими, но не для зла, а для их же блага [4, N. 4].

Возникновению общественного блага способствует, как утверждает философ, добровольное ограничение свободы подданными, оправданное некомпетентностью народа в управлении, а потому человек лучше может быть управляем тем, кому он себя подчинил, нежели самим собою [5, С. 351].

Во многом идеи Скота отражают принятые в католической церкви доктрины, имеют непосредственную близость с взглядами авторитетных мыслителей эпохи. Однако те разнообразные элементы, которые Скот привносит в устоявшиеся положения, представляют собой независимую и оригинальную позицию.

Скот рассматривает рабство не как социальную группу, а как социальный статус, выраженный в личной зависимости, приобретение которого происходит несколькими путями: пленение, вступление в брак с подневольным человеком, по приговору суда и за долги. Этот статус может быть изменен по объективным причинам, например, если был уплачен долг, и субъективным — по воле господина. За исключением случая, когда рабство является наказанием за совершение тяжкого преступления, будь то наказание преступника правителем государства, или же наказание проигравшего в войне победителем, если первый нарушил условия мирного договора, здесь Скот признает необходимость постоянного, пожизненного рабства.

Что же касается возникновения подневольного состояния по рождению, то францисканец об этом ничего не говорит, но, вероятно, такой путь приобретения зависимости Скот не признает справедливым. Поскольку главный тезис, выдвигаемый им при рассмотрении категории «рабство», состоит в том, что человек по природе своей рождается свободным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vos A. The Philosophy of John Duns Scotus. Edinburgh, 2006.
2. Ordinatio, IV, d. 36, q. 1. // Opera Omnia: Editio nova iuxta editionem Waddingi Vives ed. P., 1893. 19 vol. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/operaomnia19duns> (последнее обращение: 25.09.2015).
3. Ordinatio, IV, d. 15, q. 3 // Opera Omnia: Editio nova iuxta editionem Waddingi Vives ed. P., 1894. 18 vol. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/operaomnia18duns> (последнее обращение: 5.11.2015).
4. Reportata parisiensia, IV, d. 36, q. 2 // Opera Omnia: Editio nova iuxta editionem Waddingi Vives ed. P., 1894. 24 vol. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/operaomnia24duns> (последнее обращение: 25.09.2015).
5. *Блаженный Иоанн Дунс Скот*. Избранное / сост. и общая ред. Г. Г. Майорова. М., 2001.
6. *Блаженный Августин*. Творения. СПб., 2000. Т. 4.
7. *Ле Гофф Ж*. Цивилизация средневекового Запада / общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1992.
8. Reportata parisiensia, IV, d. 36, q. 1 // Opera Omnia: Editio nova iuxta editionem Waddingi Vives ed. P., 1894. 24 vol. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/operaomnia24duns> (последнее обращение: 25.09.2015).

ГОНЧАРОВА Е. С.

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

**К ВОПРОСУ О РАССТАНОВКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ
ВОКРУГ АННЫ БОЛЕЙН В 1528–1529 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ)**

Даже в условиях монархического строя, принятие решений по важнейшим вопросам жизни государства происходит под влиянием не только монарха, но и под влиянием ближнего королевского круга. В правление династии Тюдоров формирование политических групп и активное перемещение их участников было характерным явлением. Особенно ярко это проявилось при Генрихе VIII, когда близость к королю зависела не столько от деятельности конкретного человека, сколько от расположения его окружения при дворе. Поскольку задачей таких групп было достижение расположения короля и лоббирование, таким образом, собственных интересов, то и состав этих участников постоянно менялся. Выход участника из группы означал не только расхождение целей его и этой группы, но и изменение их взаимоотношений. Примером тому могут служить перемены во взаимоотношениях кардинала Вулси и Анны Болейн в период 1528–1529 гг.

К 1528 г. сформировался активный состав участников окружения Болейн, среди которых были Томас Говард, Томас Болейн и Анна Болейн, а также кардинал Вулси. В 1498 г. Томас Болейн вступил в брак с Элизабет Говард, представительницей одного из знатных английских родов [1, Р. 16-17].

Политические деятели Томас Болейн и Томас Говард, связанные семейными узами, уже к 1520 г. стали обладателями титулов и должностей со значительным ежегодным доходом [2, Р. 540]. Еще в 1515 г.

после смерти своего деда по материнской линии Томаса Батлера, 7-ого графа Ормонда, Болейн вступает в борьбу за титул и наследство со своими родственниками — Пирсом Батлером и его сыном Джейсомом Сент-Ленджером [3, Р. 28]. Томас Говард занимавший в то время должность пост-губернатора Ирландии, попытался найти компромисс для решения этого спора, выдав дочь Томаса Болейна замуж за Джеймса, наследника Пирса Батлера [1, Р. 72].

Такой союз шел на пользу двум противоборствующим сторонам. Идея о союзе понравилась и кардиналу Вулси [4, Р. 267]. Джон Хорс Раунд, в своем критическом очерке XIX в. также пишет, что «Кардинал Вулси и Томас Болейн были готовы к компромиссу, но у ирландского вождя были заоблачные претензии, после решения, которых в 1522 году они все-таки нашли компромисс...» [3, Р. 51-53].

Из этого следует, что Анну возвратили из Франции, где она получила образование, в 1522 г., изначально с целью заключения брака с наследником дома Батлеров. В это время складывается вполне благоприятная картина: Анна уже близка к обручению с видным наследником, а Мария, старшая дочь Томаса Болейна, еще в 1520 г., находясь при английском дворе, стала не только фрейлиной королевы Екатерины, но и фавориткой короля.

Изменили сложившуюся ситуацию несколько обстоятельств. Во-первых, Мария Болейн перестала интересовать короля, после 1520-х гг. Во-вторых, Томас Говард, граф Суррей, после смерти отца 21 мая 1524 г. унаследовал титул графа Норфолка и занял высокие должности при дворе — лорд-казначей и граф-маршала. [5, Р. 64-77]. В-третьих, договоренность о союзе Анны и Джеймса Батлера так и не была реализована. В-четвертых, у Анны был роман с Генри Перси, сыном герцога Нортумберлендского. Историк Фриман, позже в своем исследовании пишет, что: «В сентябре 1523 г., а может и раньше, граф Нортумберлендский был помолвлен с Мэри Тамблорд» [3, Р. 43]. Здесь можно предположить, что разрыв отношений Анны и Генри Перси был вызван заинтересованностью короля в персоне Анны.

Как видно, сложились определенные обстоятельства, повлекшие изменение курса этой политической группы, состоявшей на тот момент из Томаса Болейна, Томаса Говарда и Анны.

В этот период, после разрыва отношений Анны и Генри Перси, Анну вводят в королевское окружение. Механизм приближения к королю через использования его «плотской слабости» доказывает, что возвышение Анны изначально не было случайностью. Анна получила прекрасное образование за границей и была готова к вхождению в придворное окружение. Поэтому не удивительно, что Анна сразу заинтересовала короля. Заслуживает внимания тот факт, что 10 июня 1525 г. Томас Болейн получил звание пэра, что может свидетельствовать о расположении короля к этой семье [6]. В 1526 г. Анна, став фрейлиной королевы Екатерины, пишет письмо Генриху, датированное августом 1526 г., выражая благодарность за данную должность и согласие на их отношения: «Как славно, может быть и дурно, что я получаю радость, когда чувствую любовь короля, которого я обожаю. Статус фрейлины королевы побуждает меня думать, что вы имеете некоторые мысли в отношении меня. И я заверяю своими устами, что я, Ваше Величество, Ваша покорнейшая слуга...» [7, Р. 45-46].

Сильную увлеченность Генриха Анной можно проследить по серии писем, написанных им позже в период с декабря 1527 г. по октябрь 1528 г. В этих письмах король пишет о любви к Анне, желании быть с ней [8, Р. 51].

Такая увлеченность монарха могла способствовать продвижению по службе ее родственников, дарованию титулов и приближению к королевским апартаментам членам ее семьи. Подобный расклад и возможный исход событий для себя понимала и Анна. Еще в 1525 г. в письме своему отцу она писала: «Я нахожу, Сэр, что вы хотите, чтобы я появилась при дворе и вела себя, как подобает леди... Будьте уверены, я буду скромным и послушным ребенком...» [9].

После таких событий, в 1527 г. кардинал Вулси, сближается с окружением Анны для лоббирования своих политических интересов. Такая ситуация характеризуется упоминанием, когда кардинал

способствовал удовлетворению притязаний Томаса Болейна на ирландские владения и титул графа Ормонд. 17 февраля 1527(28) г., кардинал дает распоряжение сэру Пирсу Батлеру: «Вам следует отказаться от всех претензий на совместное наследство, титул и поместья, и последнее должно быть отдано в [церковь] Святой Леджерс и Болейнам» [3, Р. 46].

Итак, к 1528 г. окружение Болейн начинает поддерживать кардинал Вулси. Поскольку к этому времени Анна приобретает при дворе уже «статус возлюбленной короля», как правая рука короля, кардинал не смог бы противодействовать «искренним отношениям» Анны и монарха, поэтому он поддержал Анну и ее окружение, рассматривая ее, в свою очередь, как средство для достижения собственных целей. Для рассмотрения именно Анны в роли своего рода орудия у кардинала были следующие причины: во-первых, она была выходцем из благородной семьи; во-вторых, она была образованна; в-третьих, ее род в тот момент являлся не настолько влиятельным, чтобы лоббировать свои интересы при королевском дворе в обход своего покровителя и других сторонников. Повышение роли Анны при дворе и в их взаимоотношениях с королем могло способствовать усилению влияния Вулси не только на самого короля, но и на королевское окружение.

Но здесь устанавливается и обратная связь, на тот момент Анне нужен был человек, который был приближен к королю и занимал достаточно высокую должность. В то время этим человеком был Вулси, поскольку он сосредоточил в руках две могущественные должности: кардинала и лорд-канцлера. Именно он способен был поддержать и укрепить ее позиции при дворе.

Такую гипотезу можно подтвердить письмом Анны к Томасу Вулси, датированным июлем 1528 г. В этом письме Анна выражает доброжелательное отношение к министру, проявляя доверие и преданность: «Мой милорд, с самой смиренной мудростью мое сердце может думать, что я могу вас благодарить...за ваш богатый, славный подарок, который бы я никогда не смогла заслужить без вашей помощи» [8, Р. 51].

Дальше Анна в письме пишет: «И если будет на то Божья милость, я прошу его скорее благополучно разрешить это дело; а затем, я верю, что вам, милорд, частично воздастся за ваши великие труды... Написано рукой той, что более всех обязана быть вашей скромной и покорной слугой» [8, Р. 51]. Из этой фразы Анны выходит, что она ожидает действия со стороны Вулси, которые приведут к изменению ее статуса. Рассматривая это письмо, можно сказать, что именно от действий кардинала в период 1528 г. зависела как группа, так и Анна. Цели участников, связанных семейными узами понятны. А цель кардинала в этот период состояла в том, что бы удержать Анну именно в статусе фаворитки короля, не более.

Но наметившиеся изменения внутривполитического и внешнеполитического курса привели к перегруппировке сил среди близкого окружения короля. После неблагоприятных бракоразводных слушаний в Блэкфайерсе позиция Вулси в отношении происходящих событий стала очевидной: если постараться растянуть процесс подготовки развода на длительное время, то Генрих мог бы потерять интерес к Анне. На это у него была, как минимум, одна серьезная причина: события, происходившие внутри страны, влекли за собой установление напряженных отношений Англии с Францией и Испанией. В связи с этим, когда начинается бракоразводный процесс, кардинал Вулси, примыкает к окружению Арагонских, поддерживавших первую жену Генриха — Екатерину — и отрицательно относившихся к разводу. Помимо него в это окружение входили Томас Мор и Маргарет Поул, графиня Солсбери.

Поскольку цели Вулси и остальных участников окружения Болейн разошлись, то это привело к ухудшению отношений Анны и кардинала. Немаловажным фактором было то, что советником Анны на тот момент выступал герцог Норфолк. Дело в том, что устранение Вулси как политического деятеля открывало дорогу для получения хороших должностей этой группе. К примеру, герцог Норфолк после кардинала мог бы стать лордом-хранителем большой печати.

Такое развитие можно проследить во втором письме Анны к Томасу Вулси, датированном 1529 г. Тон этого письма значительно отличается от ранее приведенного. Анна, поняв, что Вулси всячески пытается затормозить начавшийся процесс, пишет: «Я признаю, что я вложила много уверенности в ваши обещания, в которых я считаю себя обманутой» [8, Р. 52-53].

Таким образом, взаимоотношения Вулси и политической группы Болейн видоизменились, а вследствие этого, изменения отразились на взаимоотношениях Анны и кардинала. После опалы Вулси, которую спровоцировала эта группа, Томас Болейн в 1530 г. получил должность лорда-хранителя малой печати, Томас Говард стал лордом-хранителем большой печати, а Анна готовилась стать новой королевой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ives E.* The Life and Death of Anne Boleyn. L., 2004.
2. Hall's chronicle: containing the history of England, during the reign of Henry the Fourth, and the succeeding monarchs, to the end of the reign of Henry the Eighth, in which are particularly described the manners and customs of those periods. L., 1809. P. 540-560. // Boston Public Library [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/hallschronicleco00hall> (последнее обращение: 29.09.2015).
3. *Round J. H.* The early life of Anne Boleyn: a critical essay. L., 1886. // Cornell University Library [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/cu31924027960594> (последнее обращение: 29.09.2015).
4. *Starkey D.* Six Wives: The Queens of Henry VIII. NY., 2004.
5. *Sidney L.* Dictionary of National Biography. Vol. XXVIII. NY., 1898. P. 64-77.
6. *Benger E., Fabyan G.* Memoirs of the Life of Anne Boleyn, Queen of Henry VIII. NY., 1822. // New York Public Library [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/stream/memoirslifeanne00conggoo/memoirslifeanne00conggoo_djvu.txt (последнее обращение: 29.09.2015).
7. *Ellis H.* Original Letters Illustrative of English History: Including Numerous Royal Letters and One or Two other Collections, Keeper of the Manuscripts in the British Museum. Vol.2. L., 1824. // American Libraries [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/originalletters30elligoo> (последнее обращение: 29.09.2015).

8. Henry VIII to Anna Boleyn: the love letters. NY., 2010. // University of California Libraries [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/henryviiiioanneb00henriala> (последнее обращение: 29.09.2015).
9. Dixon W. H. History of Two Queens: I. Catharine of Aragon. II. Anne Boleyn. NY., 1874. // New York Public Library [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/historytwoqueen00dixogoog> (последнее обращение: 8.11.2015).

ПОНОМАРЕВА М. А.
НИУ «Высшая школа экономики»

«СПОР МЕЖДУ СВЯЩЕННИКОМ И РЫЦАРЕМ...» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Полемический диалог, озаглавленный «Спор между священником и рыцарем...» является памятником развития французской политической мысли. Написанный на рубеже XIII–XIV вв. неизвестным автором по поводу введения налога на французское священство, он не был известен в первой половине XIV в., и был «открыт» только в 1378 г., будучи включенным в состав сборника «Сон садовника». Также «Спор...» был известен в Англии и даже переведен на английский Джоном Тревиза в 1398 г. [12]. Печать трактата относится к концу XV в. [6, Р. 289b], а также он был издан в сборнике швейцарского правоведа и историка Мельхиора Голдаста (1578–1635) [7, Р. 13–18]. В 1967 г. американской исследовательницей Н. Эриксон было предпринято критическое издание трактата и новый перевод на английский язык [6]. «Спор...» затрагивает вопросы, которые лежали в основании знаменитого противостояния короля Франции Филиппа IV Красивого (1285–1314) и Папы римского Бонифация VIII (1294–1303). Период упомянутого противостояния представляется во многом переломным в истории королевской власти во Франции. Ее противоречивый характер требовал нового теоретического базиса, и политическая теория была напрямую сосредоточена на природе королевской власти. На таком фоне возникает множество сочинений, в том числе и «Спор...». Необходимость изучения «Спора...» обуславливается несколькими факторами. В первую очередь, в исследовательской литературе интерпретация «Спора...» обыкновенно зависела от того, кто понимался под термином «легисты», как отметил Т. Ренна [10, Р. 676–677]. В русскоязычной

историографии «Спор между священником и рыцарем...» упоминается лишь единожды в качестве самостоятельного текста, и еще несколько раз в качестве части «Сна садовника» Ю. П. Малининым [3, С. 229]. Таким образом, помимо подробной источниковедческой справки в критическом издании «Спора...» и упомянутой статьи Ренна, «Спор...» обычно анализируется авторами в контексте их собственного видения исторического процесса. Это создает сложную ситуацию вокруг «Спора...»: с одной стороны, литература по близким с ним сюжетам обширна, с другой, сам по себе он остается практически не изучен. Во-вторых, жанровые особенности «Спора...» заставляют предположить, что он ориентирован на широкую аудиторию, а значит, его властная терминология должна быть семантически близка к общепринятым представлениям о власти в образованных французских кругах конца XIII в. Целью настоящей статьи является представление «Спора между священником и рыцарем...» как ценного исторического источника, анализ которого важен для понимания как особенностей развития позднесредневековой политической мысли, так и истоков зарождения политической мысли Нового времени.

Среди ученых не существует соглашения о датировке трактата. В основном в качестве ключей к датировке используются содержащиеся в тексте «Спора...» отсылки к папским буллам, но последним на сегодняшний день словом в этой полемике остается статья Т. Ренна, который высказывается за самые широкие рамки датировки: 1296–1303 гг. Он оспаривает аргумент Н. Эриксона, издательницы трактата, в пользу ранней датировки и основывается на собственном анализе стеммы [10, Р. 675]. Авторство «Спора...» — еще один открытый вопрос. Несмотря на то, что сама по себе рукописная традиция в основном анонимна (5, Р. 288b), в качестве автора обыкновенно фигурирует Уильям Оккам (1280–1347) [13, Р. 557]. Также Оккам является лидирующим кандидатом в английской традиции [9]. Однако в том числе существует кандидатура Марсилиуса Падунского [6, Р. 288b]. В позднейших исследованиях трактат принято

атрибутировать анониму из легистского окружения Филиппа IV [6, Р. 288b]. На данный момент считается, что автор «Спора...» не может быть установлен на основании описанной источниковой базы [11, Р. 335–337; 6, Р. 288b; 10].

Аргументация в «Споре...» отдает дань экзегетической традиции, что в сочетании со сложной риторикой подразумевает большое количество литературных источников. Так, из Ветхого Завета автору в основном необходимы сюжеты, связанные с положением священников (Вторая и Четвертая книги Царств, Вторая книга Паралипоменон). Новозаветный текст представлен в «Споре...» гораздо шире. Для этого есть две причины: в первую очередь, основным источником доктрины двух мечей является Евангелие от Луки (Лк. 22:36–38). Во-вторых, лазейкой в монолите доктрины двух мечей для автора «Спора...» является представление о двух временах жизни Христа и соответственно двух ипостасях его власти [6, Р. 295а], восходящее к Ипполиту Римскому (170–235) [4, С. 236]. В общей канве аргументации автор разбирает и правовой казус, отсылающий к праву наследования *ratione matrimonii* [6, Р. 296b]. Здесь же автор приводит исторический пример: историю герцога Роберта II Фландрского (1065–1111). Еще один источник, который необходимо иметь в виду при изучении «Спора...» — каноническое право. Это то, что имеет в виду священник, отвечая на вопрос рыцаря о том, что он подразумевает под правом [6, Р. 294а] — папские постановления, отсылки к которым, как уже было сказано, играют роль при попытках датировки трактата.

«Полемический диалог» (*combative dialogue*), жанр «Спора...», имеет свои отличительные признаки в логической теории [8]. В первую очередь, это экстериоризация внутреннего диалога. Во-вторых, аргументация в диалоге сводится исключительно к цели победить в споре. Кроме того, полемический диалог предполагает, что герои находятся в едином «игровом поле» и их действия не нарушают определенных правил. Однако автор «Спора...» играет с этим: первое высказывание рыцаря является риторической провокацией,

которая остается одним из его главных приемов на протяжении всего диалога и играет важную роль в оценке потенциальной целевой аудитории. Так и литературная канва диалога в «Споре...» обладает рядом особенностей, наводящих на мысли о потенциальных читателях: риторический и публицистический элементы. «Спор...» можно рассматривать с литературоведческой точки зрения именно потому, что в нем присутствует литературная условность. Так, рыцарь предстает своеобразным героем-трикстером, провокатором, откровенно смеющимся над священником [6, Р. 294b]. Это сообщает привлекательность образу рыцаря и выводит «Спор...» за рамки официальной литературы.

Аргументация в «Споре...» неоднородна. Помимо классического привлечения канонических текстов, присутствуют апелляция к юридической практике, апелляция к авторитету католической веры, нелегитимная гиперболизация аргумента противника, апелляция к личному опыту, и проч. Сомнение в легитимности писаного слова и провокационный характер ряда аргументов выделяют «Спор...» именно как публицистику, а не теоретизирование, предназначенное для манифестации официальной позиции. Со сложной риторической структурой в «Споре...» сочетается сравнительная простота грамматики и синтаксиса. Ход аргументации обеспечивается ставящимися риторическими и провокационными вопросами [6, Р. 297b], и текст «Спора...» выглядит имитирующим устную речь, что обеспечивает легкость чтения.

Целевая аудитория трактата представляется широкой: его язык и аргументация не сложны. Однако главным кандидатом в адресаты текста является французское священство по ряду причин. В первую очередь, сама проблематика трактата заставляет предположить целевой аудиторией священников; кроме того, на это указывает история текста [6, Р. 289a]. Тем не менее, стилистика трактата плохо соответствует официальной полемике. Оставаясь в рамках гипотезы, что автор — один из легистов, можно предположить, что сам «Спор...» написан для студенческой аудитории, исходя из ряда

фактов. Во-первых, уже упомянут мотив высмеивания священника, который выглядит как характерное для средневековой низовой культуры гротескное снижение официальной ценности [1, С. 86–97; 2, С. 485]. Кроме того, провокация как риторический ход является откровенным лжеигровым приемом, а такие приемы в полемическом диалоге являются важной формой интеллектуальной деятельности именно для школярской культуры Средневековья [5, С. 177]. Эти особенности, на мой взгляд, указывают на то, что «Спор...» был написан для аудитории, которая способна и оценить игровую сторону текста, и внять серьезной аргументации. Такой аудиторией могло быть студенчество, а сам «Спор...» в таком случае оказывается дидактическим сочинением.

Цель написания «Спора...» в свете такой трактовки его адресата представляется более многогранной и глубокой. В любом случае, легитимация права короля на налог остается ближайшей, буквальной целью трактата в рамках самого текста. С социальной точки зрения это право нужно легитимировать в глазах священства ради краткосрочной перспективы и студенчества — ради долгосрочной перспективы.

Как уже было сказано, для рубежа XIII–XIV вв. уплата подати была формой вассалитета, что необходимо осознавать: спор между Филиппом IV и Бонифацием VIII, спор между рыцарем и священником идет не о деньгах, а о пределах власти. Именно поэтому, даже отражаясь в начале «Спора...» [6, Р. 294a], и проходя далее сквозной темой, тема материального богатства выводится к теме власти [6, Р. 298b].

Таким образом, трактат относится к первой фазе знаменитого противостояния Филиппа IV и Бонифация VII; датируется приблизительно периодом 1296–1302 гг., и его автор также не установлен окончательно. «Спор...» имеет широкую текстовую базу: Ветхий Завет, Новый Завет, положения римского права, каноническое право, исторические примеры в разной степени. Что касается литературного контекста «Спора...», то с широкой точки зрения он стоит в

ряду полемических трактатов того времени. «Спор...» — единственный трактат всей легистской литературы, написанный полностью в жанре диалога, что обуславливает его литературность и сложную риторику. Его целевой аудиторией можно предполагать французское священство, если принимать во внимание содержание трактата, и студенчество, если учитывать также особенности стилистики и аргументации. Таким образом, трактат является манифестацией обоснования легитимности претензий Филиппа IV в ущерб григорианским идеалам, которыми руководствовался Бонифаций VIII. Спор завершается длинной репликой рыцаря об абсолютной власти короля в своем королевстве, в том числе над законами и абсолютным правом налогообложения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
2. *Гаспаров М. Л.* Поэзия вагантов // Поэзия вагантов / изд. под. М. Л. Гаспаров, отв. ред. Ф. А. Петровский. М., 1975.
3. *Малинин Ю. П.* Франция в эпоху позднего средневековья. Материалы научного наследия / сост., отв. ред. М. В. Аникиев, А. Ю. Карачинский, В. В. Шишкин. СПб., 2008.
4. *Святой Иннокентий, епископ Римский.* О Христе и Антихристе. СПб., 2008.
5. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл., общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М., 1992.
6. *Erickson N.* A Dispute between a Priest and a Knight // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 111 (N. 5), 1967. P. 288-309.
7. *Goldast M.* Monarchia S. Romani imperii, I. 1612.
8. *Mattice S. A.* Rethinking Combative Dialogue: Comparative Philosophy as a Resource for Examining Models of Dialogue // Paideusis, Vol. 19 (2010), N. 1. P. 43-48.
9. *Ockham W.* Dialogi inter clericum & militem / Trans. by John of Trevisa, ed. by A. J. Perry // Early English Text Society. Vol. 167 (1925).
10. *Renna J.* Kingship in the Disputatio inter Clericum et Militem // Speculum, V. 48, N. 4 (Oct., 1973). P. 675-693.

11. *Sholz R.* Die Publizistik zur Zeit Philipps des Schönen und Bonifaz' VIII; ein Beitrag zur Geschichte der politischen Anschauungen des Mittelalters. Stuttgart, 1903.
12. *Waldron R.* Trevisa's Original Prefaces on Translation: A Critical Edition // Medieval English Studies Presented to George Kane / Ed. by E. D. Kennedy, R. Waldron and J. S. Wittig. Wolfeboro, 1988.
13. *Wilks M. J.* The Problem of Sovereignty in the Later Middle Ages. Cambridge, 1963.

ШМАЛЬКАЛЬДЕНСКАЯ ВОЙНА В ЗЕРКАЛЕ БИОГРАФИИ СЕБАСТЬЯНА ШЕРТЛИНА ФОН БУРТЕНБАХА

Мемуары и автобиографии как исторические источники всегда представляли огромную ценность для историков. В них вполне оправданно стремились разглядеть не только картины общественного быта, но и авторизованный взгляд на различные явления эпохи. Успехи исторической антропологии и микроанализа социальных структур сегодня вновь и вновь возвращают ученых к, казалось бы, хорошо известным памятникам.

Противостояния и социальные катаклизмы в Германии эпохи Реформации отразились на судьбах огромного количества выдающихся личностей. Шмалькальденская война стала важнейшим событием, показавшим неизбежность религиозно-политического раскола общества, ее события отразились во внушительном блоке разнообразных источников [1, S. 230].

В этой связи нельзя обойти стороной жанр автобиографий. Мемуары XVI в. построены несколько по-иному, чем эго-документы современного человека: в них есть определенный стандарт, отражающий поведение персонажей или наиболее существенные для них поступки, а не ярко выраженная индивидуальность. Все это обуславливает отрывочность рассказов, недостаток внимания к индивидуальным эмоциям, к духовной жизни героев. Умножение подобного рода произведений в немецких землях эпохи Реформации весьма показательно, ибо косвенно отражало и динамику событий, и возросшую антропоцентричность общественного восприятия (к примеру, биографии братьев Фрундсбергов) [2, S. 13].

Ярчайшим примером такого жанра является автобиография немецкого предводителя ландскнехтов, участника Шмалькальденской

войны и умелого полководца Себастьяна Шертлина фон Буртенбаха [3]. Рукопись была окончательно закончена в 80-х гг. XVI в. родственниками и друзьями прославленного наемника. В печатном виде источник был опубликован Отмаром Шенхутом в 1852 г. Издание рукописи получило название «Жизнь и деяния в прошлом благородного и грозного господина Себастьяна Шертлина фон Буртенбаха написанные им самим» [3]. Источник представляет собой дневник боевых действий: Шертлин повествует о заработке, контактах, передвижениях, сражениях, а так же об отдельных эпизодах его личной жизни, которые встречаются крайне редко.

Себастьян Шертлин родился 12 февраля 1496 г. в городе Шондорфе. О его семье и происхождении сведений практически нет. Ясно одно — он не был человеком знатного сословия. Себастьян начал путь свой к славе еще простым ландскнехтом в армии императора, а через несколько лет сражался против турецких войск и участвовал в знаковых битвах Итальянских войн 1526–1529 гг. Буквально 10 лет понадобилось Шертлину, чтобы заработать звание полковника наемников и хорошую репутацию способного командира. За военные успехи он был хорошо вознагражден деньгами и дворянским достоинством. Нам известно немного примеров такого быстрого и стремительного карьерного роста в подобной сфере. Как правило, многие наемники не доживали до 40 лет в связи со спецификой своей опасной профессии. В 1544 г. он получил звание почетного маршала от императора Карла V, однако дружба с ландграфом Филиппом Гессенским привела его в лагерь Шмалькальденского союза. Война с императором принесла Шертлину славу умелого военачальника и отправила в вынужденную эмиграцию [4, S. 132-135].

В автобиографии наемника отчетливо видна панорама боевых действий «Немецкой войны» со стороны военного предводителя союза, ведь именно он выполнял функцию главного стратега [5, S. 97-98]. Конечно же, важна и картина взаимоотношений с вождями Шмалькальденского союза (в основном с ландграфом Филиппом Гессенским), а так же отношение к императору Священной Римской

Империи — к его потенциальному противнику [3, S. 46]. Именно во время этой непродолжительной схватки протестантов с католиками в сознании свободолюбивого Себастьяна Шертлина формируются конфессиональные изменения [3, S. 34]. Кроме того, в глазах предводителя ландскнехтов война становится схваткой за «отечество», что особо подчеркивается в его воспоминаниях [3, S. 60].

Обратимся к предыстории участия Себастьяна Шертлина в Шмалькальденской войне. Несмотря на свой большой опыт участия в военных конфликтах, Шертлин впервые ставит идею выше материальных ценностей, что не вполне характерно для наемного воина, тем более для профессионала. На то были свои причины — в 1530-х гг. прославленный наемник получает дворянский титул и покупает поместье Буртенбах, где ведет жизнь знатного человека, занимаясь хозяйством и периодически враждуя с местной элитой [4, S. 132-134].

Конфликт с дворянином Гансом Адамом фон Штайном усугубил положение Шертлина, и настроил против «рыцаря Буртенбахского» ряд католических князей, в особенности эрцгерцога Фердинанда [3, S. 18, 19]. Опираясь на поддержку Ульриха Вюртембергского и ландграфа Филиппа Гессенского, Шертлин смог сгладить углы противоречий. Сближение с ландграфом Филиппом «Великодушным» Гессенским давало определенный результат в деятельности Себастьяна. Шертлин поддерживал Шмалькальденский союз, самого Филиппа в его конфликте с Генрихом Брауншвейгским, который требовал много сил и времени на подготовку [3, S. 30-33]. Он участвовал в каждой войне против турок или французов и в некоторых междоусобицах внутри империи, и зарабатывал деньги. Шертлин прекрасно зарекомендовал себя как стратег и организатор. Именно на эти способности обращал внимание ландграф Филипп.

Знакомство с этим ярким персонажем внутренней политики Империи XVI в., прежде всего, изменило отношение у Шертлина к материальным средствам и принесло с собой новую конфессиональную идентичность. Именно под влиянием ландграфа Гессена,

Себастьян Шертлин ввел в своем поместье евангелическую службу в 1546 г., пригласив к себе лютеранского пастора [3, S. 33]. В тексте автобиографии можно заметить, что на первом этапе отношений Филиппа и Себастьяна нет никаких противоречий между ними. Ландграф Гессена доверяет сбор войск своему новому товарищу и очень часто вознаграждает тогда уже «великого маршала», но имперский князь слишком боится потерять такого союзника из-за того, что Император Карл V сам пытается переманить Шертлина в свой лагерь. Себастьян был почетным гостем в Касселе, и, как говорят его мемуары, он сблизил курфюрста Пфальцского Фридриха III Благочестивого и ландграфа Филиппа [3, S. 32, 33]. Как опытный воин, он стал одним из самых важных офицеров Шмалькальденского Союза. Но сделал он это не просто так. В то время он получал 400 гульденов в месяц и имел 12 телохранителей, два фургона, 14 лошадей, барабанщиков, волынщиков и 35 человек слуг. Таким образом, он мог бы просто так продержаться, или хитро лавировать между фронтами. Но, тем не менее, Себастьян Шертлин не собирался становиться перебежчиком.

Еще до начала активной фазы конфликта, Шертлин как маршал Империи должен был выполнять приказы Карла V: Император приказал наказать непослушных князей [3, S. 34]. Затем отправиться к князям Саксонии, Гессена, Вюртемберга и передать им, что «неподчинение карается». Фердинанд или «Римский король» как его называет Шертлин, передал «главнокомандующему» через одного герольда приказ приехать к нему. Данный приказ звучал довольно жестко, как пишет Себастьян, он должен был вступить на сторону императора и Фердинанда, дабы защитить отечество [6, S. 68, 69]. «Я ответил ему скромно, — написал Шертлин, — но изложил свою точку зрения немного иначе: он защищает отечество по-своему и не намерен выходить на борьбу с «непослушными князьями» [3, S. 35].

Как только было принято решение о начале войны, Шертлин был назначен командующим всего войска верхних союзных городов и начал ускоренное наступление на имперские подразделения.

Полки «рыцаря Буртенбахского» двигаются к Альпийским перевалам, чтобы не дать войскам верным императору с юга пройти в немецкие земли. 9 июля 1546 г. Шертлин победно вошел в Фюссен, где отменил католическую службу [5, S. 97, 98]. Об этом Себастьян пишет следующее: «В Тироле я не встретил сопротивления, мужчины и женщины дружелюбно вышли нас встречать, руководство города тоже не выступало против меня. Фюссен был также занят мною. Замок был полностью разграблен, но простому населению ущерб не был причинен. Однако церкви были разграблены и приспособлены для общего пользования в качестве ночлега или места отдыха. Вся епархия в Оберланде была занята от моего имени. Я со своим племянником Хансом Лаурентцен Шертлином 14 июля переехали в Фюссен, нам было выплачено 1100 талеров, чтобы монастырь не был сожжен» [3, S. 37]. «19 июля я занял замок Цузамек, мне было приказано Аугсбургом сохранить Цузамек, но я приказал разрушить его, мне было легче это сделать и потом его восстановить, чем видеть его в чужих руках» [3, S. 37]. За военные успехи Шертлин получил подарок от администрации Аугсбурга, которой он служил во время войны. «Городские власти Аугсбурга подарили мне большой серебряный кубок, принадлежавший епископу Аугсбурга, и в который казначей, наверняка, наполнял вином» [3, S. 40].

К августу 1546 г., Шертлин отправляется в Донауверт, по настоянию городских советов, чтобы там встретиться с предводителями Шмалькальденского союза. Однако, покидая место дислокации, наемник не забывал по пути грабить церковное имущество католиков. Себастьян пишет: «В эти дни император направился в Регенсбург, вместе с ним были Ландсбергер и Шауенбергер со своими войсками. Мы одни повернули на Тонаверде, и ожидали всех этих вышеназванных курфюрстов из Саксонии и ландграфов из Гессена, которые должны были привести 5000 всадников и 15 000 пехотинцев, полностью снабженных провиантом. Тем временем я договорился с властями города, что они сдадут без боя город, а я не буду его грабить, еще они мне за это да 500 золотом. За сохранение монастыря

мне заплатили 50 золотом. Чтобы я обеспечил сохранность жизни епископу Ульриху фон Эйлтенбаху, мне заплатили 400 золотом» [3, S. 39].

24 августа 1546 г. произошло крупное столкновение шмалькальденцев с войсками Карла V под Ингольштадтом. Себастьян Шертлин настаивал на энергичном наступлении, однако вожди союза не поддержали призыв к атаке полководца. Фактически, с этого момента начинается разрыв отношений Филиппа Гессенского и Шертлина. Однако армия ждала момента вступить в бой. Автор мемуаров пишет: «Император еще никогда так не опасался и не был полон забот. Но настал день и он заметил, что сражение по воли Бога не состоится, что оказалось необычно, потому что он был готов защищать укрепления. Сердце императора забилося с новой силой. Хочу отметить, что мы в тот день около 3000 тысяч огромных ядер в войска императора отправили. Пять дней и ночей длилось сражение, в котором мы боролись не на жизнь, а на смерть» [3, S. 46]

И все-таки полководец убедил вождей идти в атаку: «Вскоре я поговорил с князьями и главнокомандующий в смятении сообщил, что он находится в обороне, и может нанести значительный урон противнику и вернуться обратно. Я понял, что враг слаб и имеет меньше шансов, после чего я выразил надежду на удачный исход битвы, и два других полководца меня поддержали. Когда я совершил нападение, они мужественно сопротивлялись, но когда поняли что нас не одолеть, они стали молить о пощаде. И тогда я понял, что враг повержен» [3, S. 44, 45].

Когда Шертлин чувствовал, что нужно было добить армию противника до конца, в сентябре войска союза начинают отходить от Ингольштадта. Эти события вновь послужили ухудшению отношений между полководцем и ландграфом Гессена [4, S. 135, 136]. Тем не менее, слуги императора не упускали возможности преследовать Шертлина, однако, он постоянно скрывался и буквально выходил сухим из воды. Самая удачная попытка ликвидации Шертлина

имперским «тайным агентом» с треском провалилась — убийца был пойман и был отправлен в лучший из миров [3, S. 51, 52].

Себастьян описывает, как во время одного из ночлегов, когда он находился под охраной собственного сына и других солдат, на него было совершено покушение неким Банталеоном Эрбнером из Линдау. Причем палатка Шертлина стояла в центре всего войскового лагеря. Автор пишет об этом так: «Я проснулся во время нападения, и попытался заговорить его, но был ранен в грудь слева рядом с сердцем, в это время я схватил свое оружие, но убийца пытался ударить меня в горло, но удар пришелся в плечо. Отбиваться я не мог и получи еще 10-12 ударов. Я увидел уже небеса, но смог доползти до кровати и дернуть палатку, чтобы позвать на помощь. Мой сын Ганс отправился в погоню за убийцей, который пытался скрыться. Мой сын и его рыцари поймали убийцу и привели в лагерь, они хотели его сразу убить, я приказал этого не делать. Когда настало утро, я пришел к нему, чтобы спросить, что я ему сделал и кому он служит, и зачем он хотел причинить мне боль. Я обещал ему спасти жизнь, если он скажет, кто ему заплатил. Он же все отрицал, сказал, что ему никто не платил. Его приговорили к четвертованию, но по его настоятельной просьбе ему сначала отрубили голову и разместили ее на улице на шесте, а 4 части тела на других улицах» [3, S. 51, 52].

Вялые действия его коллег разочаровывали Себастьяна, однако добиться перехода инициативы в руки Шмалькальденского союза не удалось. Шертлину все более не нравятся совместные действия с князьями, и когда в октябре 1546 г. поступила просьба о срочной помощи Аугсбургу, он получил разрешение выступить с маленьким отрядом к городу. Однако на пути были серьезные препятствия [5, S. 119]. «Я не знал, что лагерь врага расположился под Лавингенном. Но жители деревень меня предупредили, я не хотел верить в то, что император движется на Аугсбург. Всю ночь я слышал выстрелы под Лавингенном, но предполагал, что это холостые. Я оказался в лагере императора, перед мною были 8000 наемников, а перед стеной

стояли испанцы, я не хотел отступать и решил защищаться до последнего, нас окружал враг с двух сторон. Мне не оставалось ничего другого, как идти прямо на врага и пробиваться к воротам. Когда мне удалось добраться до ворот, один из моих людей затрубил в рог. Меня услышали, и когда узнали кто я, он и попросили меня перейти к другим воротам. Меня пустили в город, ко мне прибыли бургомистр, высшее сословие, я не мог им обещать ни защиту, ни спасение, поскольку наши войска не смогут быстро добраться, а мне самому необходимо двигаться дальше [...]. Я благополучно добрался 11 октября ночью в Аугсбург. Меня ждали с нетерпением и беспокойством. Много моих рыцарей погибло. Никогда в жизни я не был в большей опасности, чем когда я пробирался через лагерь в Лавингене» [3, S. 54, 56].

Ситуация усугублялась с каждым днем, однако в момент крушения всех планов Шмалькальденского союза и наступления Императора, городские власти не торопятся выплатить деньги Шертлину. Его представленный совету 3 января 1547 г. отчет, в котором он сообщал о героической обороне города и сражении не на жизнь, а на смерть не повлиял на желание управляющих вознаградить полководца [4, S. 136].

«Почетный маршал» принимает решение наказать своих должников и берет свою армию на штурм Аугсбурга [6, S. 113, 114]. Он описывает, как жители Аугсбурга просят его не грабить город, как они его за это благодарят, со слезами на глазах, чтобы он относился к ним по-рыцарски, пощадил детей и женщин. Он описывает это очень подробно. Ему доставляет это удовольствие. За его благосклонность они готовы оплатить ему расходы за доставку товара в Буртенбах, а это около 1500 мешков товара. Далее Шертлин пишет, что за всю войну он заработал в виде подарков, подношений, дани 30 000 гульденов [3, S. 61, 62].

29 января 1547 г. Шертлин покидает город. Преодолевая различные опасности, ему удалось прибыть с сыном Гансом Себастьяном и 18 стрелками на родину жены Себастьяна в город Констанц.

Будучи неуверенным за свою безопасность, Шертлин покидает город в ноябре 1547 г. и едет в Базель. Он пробыл там недолго, к нему прибыли посланцы нового французского короля Генриха II Валуа, передали ему подарки и узнали, «сколько ему дать военных» [3, S. 64]. Шертлин был теперь вне закона в империи, его имущество было конфисковано. Кроме того, ему была необходима защита в Швейцарии, так как в основном католические города требовали его высылки. И вот, как и многие протестанты в изгнании, он поступил на службу Франции — его сын Ганс Себастьян служил в чине капитана, а своего младшего сына он послал в Орлеан «учиться и учить язык» [7].

В описании «Немецкой войны», о которой Себастьян говорил как о «защите отечества», хорошо иллюстрируется его отношение к мятежному герцогу Саксонии Морицу. Вот что пишет наемник в своих мемуарах: «Герцог Мориц Саксонский в мае присоединился к врагу и оставил свои земли, между тем мы смогли занять все его земли со всеми его людьми. Это вынудило его повернуть домой. Но хвала всемогущему богу, он заставил герцога заплатить за его поступки, тем, что маркграф Альбрехт (маркграф Бранденбург-Кульмбахский) с 2000 всадников выступил в Рохлиц, где он потерпел поражение и попал в плен. Курфюрст (Иоганн Фридрих) вынужден был уходить из Лейпцига» [3, S. 60].

При всем упорстве Шертлина, его военным планом не суждено было сбыться — князья не до конца понимали значение его действий и не были заинтересованы в открытых и энергичных выступлениях. Дружба Филиппа и Себастьяна была разрушена и отношения между ними были испорчены. Этот с одной стороны предвзятый оттенок неприязни к Филиппу Великодушному присутствует в тексте мемуаров Шертлина. Описание боевых действий этой войны и эмоциональная окраска повествования занимает достаточно много места в тексте автобиографии. Схватка Шмалькальденского союза и Императора является переломным моментом в жизненном пути Себастьяна Шертлина — перед нами уже немного другой Шертлин,

который воюет за истинную веру и «отечество», которое он понимает по-своему. Однако нельзя с уверенностью сказать, что Шертлин окончательно рвет с прошлым: он все так же жесток по отношению к врагу, честолюбив, не забывает про финансовую сторону вопроса и не упускает возможности наказать ненавистных наемниками священнослужителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Schilling H.* Aufbruch und Krise. Deutsche Geschichte von 1517 bis 1648. Berlin, 1988. S. 230.
2. *Schweikhart G.* Autobiographie und Selbstportrait in der Renaissance. Köln, 1998.
3. Leben und Taten des weiland wohledlen und gestrengen Herrn Sebastian Schertlin von Burtenbach: Durch ihn selbst dt. Beschrieben. 1852.
4. *Stern A.* Schertlin von Burtenbach, Sebastian // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 31. Leipzig, 1890.
5. *Rexroth F. von.* Der Landsknechtführer Sebastian Schertlin. Ein Bild seines Lebens und der beginnenden Neuzeit. Röhrscheid; Bonn, 1940.
6. Sebastian Schertlin von Burtenbach und seine an die Stadt Augsburg geschriebenen Briefe / Mitgeteilt von Theodor Herberger. Augsburg, 1852.
7. Интернет ресурс: Westenfelder, Frank: «Sebastian Schertlin: Landsknecht und Kriegsunternehmer» URL: <http://www.kriegsreisende.de/neuzeit/schertlin> (последнее обращение: 20.11.2015).

IX.

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
МЕНТАЛЬНОСТИ: МИФЫ, ОБРАЗЫ,
ИДЕНТИЧНОСТИ, СИМВОЛЫ

ХРИСТИАНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗА ВЛАСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА: ОТ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО ДО ХЛОДВИГА

Современное восприятие средневековой цивилизации как синтеза трех культур — христианской, античной и германской — неизбежно должно ставить вопрос о влиянии каждого из перечисленных компонентов на отдельные институты и явления средневековой реальности.

Так, христианская политическая теология¹, римско-античная концепция власти и германские представления о вожде оказали значительное влияние на формирование образа власти в Средние века. В частности, следы этих трех традиций хорошо прослеживаются в образах монархов, созданных литературой каролингского времени [1; 2; 3, С. 608, 610]. Именно поэтому определить степень влияния этих толкований на представления об образцовом средневековом правителе представляет огромный исследовательский интерес. Ведь определить и вычленить отдельные «слои» в структуре средневекового образа власти — значит понять механизм его создания. Понять же таковой механизм — значит внести еще один вклад в изучение становления всей цивилизации Средневековья, в которой власть правителя занимала огромное, подчас решающее место, вторгаясь в сферы аристократического этикета, теологии и народного мировоззрения.

На взгляд автора, наибольшее влияние на создаваемые учеными мужами образы правителей Средневековья оказала именно христианская концепция власти, образ идеального христианского монарха. Данная позиция не является авторским изобретением: она

¹ Авторство термина принадлежит Э. Х. Канторовичу (1895–1963).

активно циркулирует в трудах историков, начиная с XX столетия, когда появился интерес именно к образу власти, а не ее институтам [4; 5, S. 3-22; 6; 1; 7, С. 86-161].

Когда же зародился образ христианского монарха и как проник в средневековую политическую теологию, в биографии и зеркала государей?

Первый кирпич в основание христианского толкования власти положила еще ветхозаветная традиция. Согласно Книгам Царств, источник власти израильских царей следует искать в их договоре с Богом, главный принцип которого гласит: «Владычествующий над людьми будет праведен, владычествуя в страхе Божьем» (2Цар. 23:2-3). Из этого правила следует двойная ответственность монарха перед Господом: за свою собственную праведность и за праведность подвластного ему народа. Кроме этого, яркие исторические примеры царей Саула (вторая половина XI в. до н.э.), Давида (ок. 1005–965 до н.э.) и Соломона (965–928 до н.э.) добавляют к образу идеального библейского царя такие обязательные функции, как справедливый судья, законодателя, строителя и воина (1-3Цар.).

Эти принципы получили развитие в трудах латинских и греческих писателей, творивших уже после реформы Константина Великого (306–337 г.) в 313 г. Этот период античной истории характерен тем, что, в отличие от раннехристианского периода, вера в Иисуса Христа не только стала дозволенной в Империи, но и получила политическую почву в виде христианского государства, сформировавшегося во второй половине IV в. Таким образом, христианская концепция власти, сформулированная еще в послании апостола Павла (Рим. 13), нашла свое место в политической реальности Римской империи.

Однако в отличие от ветхозаветных владык, унаследовавших иудейскую религию от Авраама и Моисея, Константину — главному герою труда его биографа Евсевия Кесарийского (ок. 263–340) — требовался акт прихода к вере, причем добровольный. Следствием совершения этого акта является ситуация, когда Бог постоянно

помогает христианскому императору в его деяниях: во всех победах Константина ощущается длань Божия. Не обходится концепция Евсевия, наиболее совершенная в труде «Жизнь Константина», без появления ярко выраженных антагонистов, «антиобразов» благочестивого кесаря: Максенция, Максимиан, Максимиана и Лициния. Под пером Евсевия Константин предстает идеальным христианским императором, неизменными атрибутами которого являются функции защитника церкви, бедных и больных, миротворца и, конечно, защитника единства веры и карателя еретиков [8, 9]. Кроме того, такие более поздние авторы, как Руфин Аквилейский (340–410 гг.) и Сократ Схоластик (380–450 гг.) дополняют данный идеальный образ, рисуя портреты других римских кесарей: именно благодаря содействию Бога и Его прямому вмешательству в земную историю христианские императоры сокрушают врагов истинной веры и достигают успехов во время своего правления. Примеры Константина, Констанция (337–340 гг.) и Феодосия (379–395 гг.) доказывают, что именно император, по мнению позднеримских церковных авторов, являлся фактическим главой христианской церкви, способным разрешать догматические споры (вплоть до проведения решений по подобным вопросам) и назначать представителей высшего духовенства, включая патриарха Константинопольского, на их должности [10, С. 242-284; 11, С. 6-124].

Однако с крушением в 476 г. в Западной Европе римской бюрократической системы и разрыва преемственности остготов с Римом после смерти Теодориха Великого (493–526 гг.) [12, С. 97-99] созданная латинской литературой христианская концепция власти потеряла свою политическую почву. «Варварским» королям приходилось строить систему господства и подчинения, во многом, с нуля. Тем не менее, в меровингской Франкии владевшие латынью авторы попытались осмыслить деятельность первых франкских королей именно как христианских монархов. У автора «10 книг истории франков» Григория Турского (ок. 540 – ок. 594) король Хлодвиг (486–511) предстает именно таковым. Однако его путь к вере —

более трудный, чем у Константина: Хлодвиг принимает крещение только после демонстрации Богом своей силы (указанием брода через реку и поддержки короля в сражении с алеманами), согласия франков и активной проповеди святого Ремигия [13, II, 29-30]. После своего крещения Хлодвиг предстает «новым Константином», божьим избранником, и на любую просьбу короля Господь отвечает помощью. Во время же триумфального въезда в Тур Хлодвиг выступает в образе римского императора [13, II, 31].

Заданные Григорием тенденции развивает автор VII в. — Фредегар — в своей «Книге истории франков». Согласно его описаниям франкских королей того периода, подлинного христианского монарха отличает личная нравственность: любовницы и кровосмешение для него неприемлемы. Традиционная щедрость христианского государя несовместима со скупостью, а тиранический образ правления однозначно осуждается: грубое отношение к придворным, народу и, особенно, церкви, является тягчайшим грехом против Бога [14, II, 22, 36, 58, 60, 64]. Несмотря на сомнительное соответствие известных Фредегару правителей этим правилам [14, II, 60], они позволяют нам понять, каким хотели видеть церковные авторы своих государей. Как видно из приведенного, несмотря на отсутствие императорской власти на Западе, интеллектуальная элита Франкского королевства попыталась сохранить преемственность в восприятии светских правителей своего времени.

Таким образом, на стыке Античности и Средних веков христианская концепция власти прошла в своем становлении несколько отдельных этапов.

Своеобразным «прологом» складывания этой мифологемы власти стал ветхозаветный образ царя, главным мотивом которого стал нерушимый союз монарха и Бога. Становление же христианской концепции власти и обретение ею политической почвы, «вместилища» в виде Римской империи, происходит в IV–V вв. Затем, в условиях «перемещения» Империи на восток цивилизованного мира западноевропейскими авторами предпринимаются попытки

внедрения христианского элемента в образы «варварских» королей VI–VII вв. Благодаря этим попыткам внутри христианской традиции изображения правителей сохраняется «континуитет» от Античности к Средневековью.

Однако завершение складывания образа идеального христианского государя стоит отнести именно к Каролингской эпохе, когда наряду с идеей христианской империи — Града Божьего на земле — существовали и другие толкования роли правителя в обществе: римско-античное и тяготевшее к германским традициям [3, С. 610]. Тем не менее, разобранные выше взгляды авторов IV–VII вв. позволяют рассматривать эру перехода от Античности к Средневековью как время формирования фундамента каролингских и, затем, средневековых представлений о христианском монархе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Anton H. H. Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters.* Darmstadt, 2006.
2. *Naripzanov I. H. The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877).* Leiden; Boston, 2008.
3. Гайворонский И. Д. К вопросу об образах власти в эпоху «каролингского ренессанса» // Молодой ученый. 2013. №6 (53). М., 2013. С. 608–612.
4. *Schramm P. E. Die deutschen Kaiser und Könige in Bildern ihrer Zeit 751–1152.* Munchen, 1983.
5. *Berges W. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters.* Stuttgart, 1992.
6. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серegiной. М., 2014.
7. Флори Ж. Идеология меча / Пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб., 1999.
8. *Eusebius of Caesarea. The Ecclesiastical history Vol. 2. Book VI-X.* L.; NY., 1942. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:greekLit:tlg2018.tlg002> (последнее обращение: 20.10.2015).
9. *Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина.* М., 1998.

10. Руфин. Церковная история // Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии. СПб., 2005. С. 230-284.
11. Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996.
12. Шкаренков П. П. Королевская власть в Остготской Италии по “Variae” Кассиодора: Миф, образ, реальность. М., 2003.
13. *Gregorius Tironensis*. *Historiarum Francorum libri X* / Ed. Bruno Krusch, 1937. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hs-augsburg.de/~Harsch/Chronologia/Lspost06/Gregorius/gre_hi00.html (последнее обращение: 20.10.2015).
14. *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum continuationibus // Scriptores rerum Merovingicarum*. Т. 2. Hannover, 1888. S. 18-167.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА

Максим Исповедник — философ, богослов, монах, живший в VII в. в Константинополе. Почитается в лике святого в Православной и Католической церквях. Именно он считается подлинным отцом византийского богословия, вобравшего в себя силу «греческого гения», но переработавшего ее с чисто христианских позиций. Максим Исповедник создал целостное учение, противостоящее оригенизму, отголоску, продолжению мысли «языческого» мира. Поэтому легко объясняется исследовательский интерес к его работам. В данной статье мы будем рассматривать Максима Исповедника именно как философа, не углубляясь в подробности его биографии (хотя, без исторического контекста нам, конечно, не обойтись). Мы рассмотрим онтологическую концепцию учения св. Максима, его нравственную философию и антропологию. Причем антропологию можно рассматривать как ключ ко всему учению Максима Исповедника: она с необходимостью основывается на онтологии, использует методы практической философии и отображает всю цельность его богословия. Но сначала нужно вкратце вспомнить историческую ситуацию, которая повлияла на ход рассуждений мыслителя.

В Византийском богословии IV–V вв. сложились две традиции: александрийская и антиохийская. «Термины «антиохийский», «александрийский» — условные, технические. Они служат для обозначения оттенков в богословствовании церковных писателей IV–V вв. [1, С. 18]. Обе традиции повлияли на развитие византийской мысли, хотя впоследствии определяющую роль будет играть александрийская. Несмотря на то, что оба направления развивались параллельно, они сильно отличаются. Если говорить кратко,

то александрийцы — это мистики, ценящие свои озарения, приближения к божественному определяющими в богословии. Для них рациональное обоснование христианства — пустое занятие, более всего ценится таинственная составляющая в учении. Среди наиболее известных представителей можно упомянуть Евсевия Кесарийского, св. Григория Нисского, св. Григория Богослова. Антиохийцы шли совсем иным путем: рациональное обоснование догматов, выведение богословских формул, конкретно-исторический подход к экзегетике Священного Писания (которое зачастую александрийцы воспринимали как таинственное и до конца непостижимое). Точные логические построения могли увлечь даже до отрицания Божества Иисуса Христа, что случилось с Арием, создателем самого известного еретического учения того времени. Однако подвергались опасности отойти от положений христианства не только антиохийцы, но и александрийцы, которые непосредственно во Христе видели Бога, и без всяких рассудочных положений о догмате Троицы могли дойти до ереси (как это случилось с монофизитами).

В эпоху Юстиниана был сделан выбор духовных авторитетов, внесена определенность. Выбор этот был не в пользу антиохийского богословия, александрийцы вышли на первый план.

Однако после Юстиниана богословская мысль, по словам С. Л. Епифановича, российского дореволюционного патролога, чье имя практически всегда упоминается при исследовании трудов св. Максима, «...заметно мельчает, чуждается созидательной работы в широких размерах и постепенно замирает в слепом повторении готовых фраз и положений» [1, С. 48].

Ярким светом в этом положении дел станет Максим Исповедник. В то время он — звезда первой величины, во-первых, благодаря широте своих интересов: экзегетика, аскетика, литургика, пасхалия, поэзия, а во-вторых, из-за своей силы творческого синтеза, объединившей схемы Дионисия Ареопагита с мистическим духом александрийцев. Оттолкнувшись от оригенизма он создал стройную и непротиворечивую, живую и чисто церковную систему.

Философских, богословских «достижений» у св. Максима, конечно же, очень много. Одним из наиболее существенных является антропологический поворот, иное восприятие роли внутреннего мира человека, его положения во вселенной и влияния на нее. Следует уточнить, что это не античная идея человека как микрокосма (хотя сам термин «микрокосм» здесь очень уместен), речь идет о человеке как о преобразователе действительности, ее изменении и о взаимосвязи внешнего мира с внутренним состоянием человека.

Основа онтологии Максима Исповедника — триада «генезис — кинезис — стасис» (т.е. начало в смысле сотворения, середина как становление и конец как успокоение в цели своего движения). Отсюда два темпоральных понятия: «время» — процесс, протекание и «эон» (век) — «...время, когда оно прекращает свое движение» [2, С. 89]. Множество эонов как завершенных систем можно сравнить с множеством миров (эта идея очень популярна в современных онтологических исследованиях). Весь мир пронизан Божественными логосами, которые не являются сущностью Бога, но и не смешены с вещами чувственного мира. Их цель (если говорить очень кратко) — направлять творение к своему Творцу. Отсюда задача творения — следовать своему логосу на пути к Богу. Принудительного характера этого соотношения здесь нет, отношение вещи и ее логоса пронизаны, по словам Максима, «дыханием любви и свободы». У человека, как центра творения, всегда есть выбор: идти к Богу, следуя своему логосу или идти от Бога, вопреки направлению своего логоса. Логос здесь понимается и как причина существования, поэтому зло в богословии Максима Исповедника — это неведение своей причины. У человечества два пути: путь в бытие, «благо-бытие», «присно-благо-бытие» и путь в небытие, в «зло-бытие». Первый путь — это путь от сложности к простоте, от напряжения к покою, от чувственного к Богу. Второй путь — путь к рассеянности смысла, утрате цели, к постоянному повышению напряжения.

Антропологию Максима Исповедника следует рассматривать через призму иерархичности бытия. Каждому уровню соответствует

свой логос (учение о Божественных логосах является основой онтологической составляющей учения). И на каждом уровне существует различие. Мир отличен от Бога, между творением и Творцом существует непреодолимая пропасть. Творец прост и совершенен, творение же имеет сложную многоуровневую структуру. Св. Максим исходил из принципа творения мира «из ничего» (в противовес оригенизму). Поэтому Бог непознаваем и недоступен как для «дольного» (материального, чувственного, мира вещей), так и для «горнего» (умопостигаемого, совершенного, мира ангелов) миров. В «Мистагогии» он пишет о двух именах Бога как «бытии» и «небытии»: «И оба эти суждения о Боге — я подразумеваю обозначение Его как бытия и как небытия — по праву допустимы, и ни одно из них невозможно в строгом смысле слова. Оба справедливы, поскольку утверждение о том, что Он есть, имеет основание в Нем как Причине сущих, а отрицание Его бытия справедливо, поскольку Он превосходит всякую причину сущих. И, наоборот, ни одно из этих суждений недействительно, потому что они не высказываются относительно самой сущности и природы того, что составляет содержание бытия исследуемого» [3, С. 156].

В антропологической системе Максима Исповедника разрыв между Творцом и творением изначально положителен. Внутри творения, на уровнях его бытия преобладает единство, к этому единству оно должно стремиться. Бог является совершенным Творцом, поэтому не может быть пренебрежительного отношения к какой-либо из ступеней бытия: ничто в творении не является ненужным и злым (что совсем иначе в традиции неоплатонизма).

Лучшей метафорой для многоуровневой структуры бытия служит метафора евангельского горчичного дерева, которую он использует. Птицам на ветвях этого дерева соответствуют логосы вещей, ветвям — уровни в иерархии, стволом — общее, направляющее единство. Из зерна, из малого (от одной мысли Бога) творение происходит и оно есть единый организм, каждая его часть необходима и полезна. Общее в различии, единство в многообразии — одна из важнейших идей Максима Исповедника.

Позиция человека в творении центральна, так же как и важна его задача. Человек является связующим звеном между двумя мирами: «дольним» и «горним» благодаря двум родовым логосам. «Логосы, как и связанные с ними вещи, образуют иерархию, составляют древо Порфирия» [4, С. 24]. Св. Максим резко выступал против идеи оригенистов о предсуществовании души: душа не может мыслиться без тела, так же как тело без души теряет свою основу. Даже после смерти телесность в определенном смысле сохраняется: мы говорим об индивидуальной душе, душе конкретного человека. К концу же истории мира человек обретет другое, совершенное тело. Душа и тело неразрывно связаны и для тела нет никакой негативной окраски, напротив, оно сравнивается с церковью, с храмом души.

Тем не менее, в антропологической иерархии тело, конечно же, ставится ниже души. Максим Исповедник говорит о тех, кто предпочитает творение Творцу, тело — душе, как об идолопоклонниках в своих «Главах о Любви»: «Если душа лучше тела и несравнимо лучше мира сотворивший его Бог, то предпочитающий душе тело и Богу созданный Им мир ничем не отличается от идолослужителей» [3, С. 97].

Сейчас мы только поверхностно рассмотрели учение св. Максима, но даже при таком анализе видно то, что было сказано в самом начале — антропология является ключом ко всему учению. Она с необходимостью основывается на онтологии, использует методы практической философии для усовершенствования, открывает основной смысл существования человечества. Антропология Максима Исповедника очень интересна в плане политической теологии: идеи церкви как тела народа, внутренней иерархии как способе существования нуждаются в более подробном анализе.

Идеи св. Максима — это живое учение, которое отвечает на многие вопросы, как теоретические (какое место занимает человек в иерархии бытия) так и жизненные (как сосуществовать людям в обществе, как искоренять пороки). Труды Максима Исповедника нуждаются в многогранном анализе и исследования проводятся постоянно (например, недавно прошедшая в Тбилиси III международная

конференция, посвященная житию и богословию Максима Исповедника, координатором которой был Жан-Клод Ларше). За широкий охват проблем и целостность (неотделимость философии от богословия) систему св. Максима можно назвать мировоззренческой. Недаром Георгий Флоровский писал, что учение св. Максима — «Это скорее симфония, чем система — симфония духовного опыта...» [5, С. 557], чем совокупность обособленных теоретических построений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Епифанович С. Л.* Преп. Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996.
2. *Геронимус А.* Современное знание в свете антропологии преподобного Максима Исповедника // Богословская конференция Русской Православной Церкви «Учение Церкви о человеке». М., 2001. С. 84-105.
3. Творения преподобного Максима Исповедника. Книга I. Богословские и аскетические трактаты. М., 1993.
4. *Петров В. В.* Максим Исповедник: онтология и метод византийской философии VII в. М., 2007.
5. *Флоровский Г.* Восточные Отцы Церкви. М., 2003.

ИНСТИТУТ КУРТУАЗНОЙ ЛЮБВИ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Явление куртуазности характерно для определенного периода средневекового общества; оно предполагало особую модель поведения при дворе, заимствованную из арабских стран вместе с привозом предметов роскоши (предполагавших усвоение подобной модели) в процессе торговли, а также с экспансией крестоносцев. Необходимо рассматривать его в двух аспектах: морально-индивидуальном и социальном, классовом [1, С. 480]. Отсюда исходит и явление куртуазной любви (фр. *courtois* — высокий, учтивый) или любви рыцаря (трубадура) к Прекрасной Даме, которое современники также называли *fine amour* — «утонченная любовь» (термин введен Парисом) [2, С. 253], в отличие от собственно любви (незаинтересованной, приравнивающейся к строго к сексуальной связи).

Основными источниками по данной теме являются песни трубадуров, труверов, миннезингеров Средневековья, а также классический рыцарский роман [3].

Хронологические рамки возникновения и распространения куртуазной любви определены XI–XIII вв. По мнению множества историков возникновение данной практики относится к Франции XI в. [4], расцветом Ж. Дюби [5, С. 90] считает начало усилий проповедников в развитии форм чисто женской духовности (1200 г.). Символом вырождения куртуазной любви же некоторые считают знаменитый «Роман о Розе» (1240 г. — первая часть написана Гийомом да Лоррисом; в 1280 г. — продолжение Жана де Мена), где лишь один шаг «от любви до ненависти» отражает это вырождение. Таким образом, нижняя граница достигается уже серединой XIII в.,

хотя и эта планка большинством историков продлена (вспомним произведения гуманистов) и связывается с закатом рыцарства и зачатками капитализма в раннее Новое время.

Поэты и поэтессы куртуазной лирики составляют отдельный вопрос. Для нас важно различать трубадуров по их социальному статусу, в целом можно выделить две группы: в первую входят высшие феодалы (графы, бароны и другие знатные сеньоры, в том числе короли), во вторую — собственно рыцари-певцы, воплощавшие на практике именно идеологию первичной рыцарской куртуазии. Но есть и исключения, так например, Ги раут Рикьер (ок. 1230 – ок. 1295 гг.) был выходцем из городской среды, а еще более известный Маркабрюн – один из трубадуов неаристократических корней. Здесь существенно отражается принцип возвышения любого, кто пишет как трубадур.

Корни куртуазной поэзии усматривали в мире рыцарства в сфере феодальных отношений, в христианском спиритуализме, в еретическом движении катаров, в арабском неоплатонизме. Делались также попытки комплексного изучения проблемы происхождения поэзии трубадуов, в большинстве случаев уже лингвистами и филологами вроде М. Б. Мейлах [6, С. 6-10]. Частным примером может являться мнение М. Аверьяновой, говорившей о преодолении кризиса тысячелетия и последовавшему духовно-нравственному развитию общества [7]. Вага Фауста высказывает предположение о тайной преемственной связи с Орденом Храма [8, С. 90-110]. Эрнст Скотт же выдвигает теорию более мистическую, связывая творчество трубадуов с экспериментов суфистов [9, С. 200].

Сама же куртуазная любовь возникает, в первую очередь в феодализме и ситуации близости рыцаря к даме как жене его сеньора, значит уже в определенной степени — к своей госпоже. Это следовало и из рыцарского воспитания в малом, но все же раннем женском окружении при дворе. По мнению французского историка Ж. Дюби, толчок явлению дал установившийся в среде феодального рыцарства принцип майората, отразивший определенную

социально-экономическую несостоятельность класса рыцарства, кодекс чести и компенсацию агрессии против института власти составляло нравственное совершенствование через принципы куртуазной любви [5, С. 95].

Можно связать распространение куртуазной любви с появлением альбигойских ересей (XI в.), что объясняло изменение отношения народа ко многим явлениями, особо строго запрещавшимися Церковью: активность трубадуров оборвалась именно после альбигойского похода. Интересный пример Д. Фолькета Марсельского в песне об альбигойском походе показывает отношение автора к Папе «...Клянусь Христом, что он скорей Антихрист злой, нежели посланец Рима».

Церковь вообще играла довольно противоречивую роль в развитии института куртуазной любви. Многие исследователи полагают, что поскольку в традиционном браке любви не существовало, то настоящая любовь всегда выражалась в любви к Богу, в связи с чем культ Девы Марии и культ Прекрасной дамы отождествлялись. Такое слияние приводит к сублимации любовной страсти, перевод ее в высшие, духовно-мистические сферы, что мы можем проследить и в описании Хейзинги в «Осени Средневековья» [10, С. 300-600]. Чуть позднее Церковь стала говорить о женщинах, как о служительницах дьявола, что также сильно повлияло на расколовшийся рыцарский класс и его отношение к женщине. С одной стороны мы видим духовно-рыцарские ордена, борющиеся с ересями, активно сражающимися за рыцарскую честь, дающие обет целомудрия и восхваляющие чистую любовь к Деве Марии. С другой стороны, обездоленная, во многом грабительская, невоенная по своей сути прослойка рыцарей, воспевающих светскую любовь и ее ценности.

Интересен взгляд Нины Эптон о куртуазной любви как идолопоклонстве, остатке языческой идеи женщины как вместилища оккультных сил [11].

Спорным остается сексуальный аспект куртуазной любви. Ответ на этот вопрос можно найти в характере самих песен трубадуров,

которые четко подразделяются на север (Шампань и пр.) и юг (Прованс). Южные трубадуры чаще воспевали именно духовно-эзотерический облик любви, используя неявные формулировки. Север же был, по мнению самих южан, более грубым и варварским, так как не стеснялся прямо говорить о намерениях влюбленного, порой и с долей грубой нетерпимости. Такое различие можно объяснить, что в феодальных кругах Южной Франции женщины вообще пользовались относительно большей свободой. Согласно древним римским законам, сохранившимся в Провансе, они могли наследовать феодальные владения и выступать в роли феодальных сеньоров, окруженных толпой придворных. Для подтверждения этого постулата попробуем сравнить несколько примеров. Ниже приводятся строки провансальского трубадура Бертрана де Борна: «...Молода дама, знающая, как чествовать дворян, и она молода хорошими делами, когда совершает их. Она остается молодой, когда у нее чистое сердце и не рискует хорошей хвалой и репутацией...» [12].

Теперь для сравнения обратимся к северной поэзии. Колен Мюзе пишет: «...И если хозяйка была бы так же любезна, как ее муж и всегда приносила бы мне удовольствие, днем и ночью до моего отъезда, и хозяин не был бы ревнив, но оставлял бы нас часто одних, тогда я бы вовсе не желал плестись, весь в грязи, за злым и опасным господином...» [12].

По мнению М. Буланаковой, стимулом для развития куртуазных отношений оставалась возможная, а часто и обязательная любовная связь, и если этот шаг слишком долго оттягивался, то женщина подвергалась обвинениям в среде мужчин [13]. Довгополова по этому поводу пишет: «Женщина должна отдаться в любом случае, но рыцарь сам может не позволить себе по мужскому кодексу самосовершенства («техника себя») [14, С. 126]. Александр Бальхаус как бы в подтверждение в своей книге описывает случай любовного суда, где королева публично обвиняет даму в подобном проступке [15, С. 179].

Сразу возникает и второй спорный вопрос о реальном отношении к женщине. С одной стороны ее положение, безусловно, повышается, с другой стороны — отсутствие описания индивидуальных черт Дамы в поэмах подтверждает тот факт, что акцентировалось внимание именно на переживаниях субъекта, а не на прекрасном объекте воздыханий [16, С. 20]. Не стоит забывать и о том, что мы говорим не о женщине в целом, а об аристократке. Но некоторыми историками также подчеркивается небольшое изменение в положении женщины в связи с уходом в крестовые походы и на войну большей части мужчин, что возлагало на женщину определенную ответственность за оставленные огромные владения, а также своего рода самостоятельность действий, что может и поспособствовало возникновению Судов любви, где огромную роль играло именно мнение высокопоставленной женщины. Картина Ж.-П. Лоранса «Отлучение Роберта Второго» рассказывает трагичную судьбу короля, который отрекся от церкви и был опозорен из-за любви.

Куртуазная литература составляла огромный контраст с предшествовавшей церковной литературой и следовавшей чуть позднее буржуазной: как правило, у авторов приведенного социального круга женщина сильно принижалась, несмотря на ряд исключений, не повлиявших заметно на дальнейший период.

Куртуазная любовь, родившаяся благодаря литературе, была своего рода реакцией на сложившуюся форму брака по расчету, она уже выступала действенным регулятором внебрачных отношений и компенсировала противоречивость чувственного и духовного в рамках церковного брака. Прослеживается взаимовлияние куртуазии с браком «суньянтаж» во Франции той эпохи (см. Ю. Л. Бесмертный [17]). Эта ментальная особенность и стала субъективной причиной, как и развитие собственно куртуазной и даже антикуртуазной лирики. Объективными причинами выступили здесь такие материалистические аспекты как крестовые походы и сложившаяся политико-экономическая ситуация в средневековой Европе: отда-

ленность провансальского круга трубадуров от центральной власти во Франции, феодальная система, майорат и т.п. Куртуазная любовь возымела значение для дальнейшего развития культуры, философии; интересна тень явления в викторианскую эпохи и даже на современном этапе: сексуальная революция, мужская галантность, умеренные взгляды на феминизм и многое другое.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зюмтор П.* Опыт построения средневековой поэтики. СПб., 2003.
2. *Смолицкая О.* Куртуазная любовь // *Словарь средневековой культуры.* М., 2003. С. 253-255.
3. *Жизнеописания трубадуров.* М., 1993.
4. *Муравьева М. Г.* Куртуазная любовь // *Словарь гендерных терминов* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/> (последнее обращение: 10.09.2015).
5. *Дюби Ж.* Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1990. С. 90-96.
6. *Мейлах М. Б.* Язык трубадуров. М., 1975.
7. *Аверьянова М.* Куртуазные традиции и особенности воспитания в эпоху европейского Средневековья (XI-XIV вв.) // *Станислав.ру* [Электронный ресурс]. URL: <http://stanislaw.ru> (последнее обращение: 15.10.2015).
8. *Фауста В.* Тамплиеры: история и легенды / пер. с итал. Пылев Г. А. М., 2007.
9. *Скотт Э.* Люди тайны / пер. с англ. Степанов А., Переведенцев Ю. М., 2006.
10. *Хейзинга И.* Осень средневековья / пер. с голланд. Сильвестров Д. М., 2013.
11. *Энтон Н.* Любовь и французы // *Мировая литература* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.me> (последнее обращение: 25.10.2015).
12. *Произведения труверов* // *Русская планета* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianplanet.ru/> (последнее обращение: 25.10.2015).
13. *Буланкова М.* Ментальные стереотипы и образ знатной женщины в период утверждения церковного брака в средневековой Франции // *Библиотека «Гумер»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumer.info> (последнее обращение: 21.09.2015).

14. *Довгополова О. А.* «Услада по любовному праву» — принятие или отторжение принципа удовольствия (на материалах «Жизнеописаний трубадуров») // Феномен удовольствия в культуре. Материалы международного научного форума 6-9 апреля 2004 г. СПб., 2004. С. 124-127.
15. *Бальхаус А.* Любовь и секс в средние века. М., 2012.
16. *Рябова Т.* Женщина в истории западноевропейского Средневековья. Иваново, 1999.
17. *Бессмертный Ю. Л.* К изучению матримониального поведения во Франции XII–XIII вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.monsalvat.globalfolio.net> (последнее обращение: 25.10.2015).

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ ПОРТУГАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1589 ГОДА

Португальская экспедиция 1589 г., или поход Английской кон-трамарды, стоит в одном ряду с самыми крупными операциями, осуществленными англичанами за годы Англо-испанской войны 1585–1604 гг. Но в то же время это было одно из самых неудачных предприятий за годы конфликта. На первый взгляд, экспедиция была подготовлена в благоприятный для англичан момент. После разгрома Непобедимой армады испанцы оказались лишены пре-имущества на море, испанский флот временно перестал угрожать английскому побережью. Войска герцога Пармы были блокирова-ны в Нидерландах. Если в прежние годы действия англичан на море и в испанских колониях могли восприниматься как репрессальные акции, а помощь мятежникам в Нидерландах как опосредованное вмешательство в конфликт, то поход испанской Армады не остав-лял шанса на скорое примирение сторон и полностью развязывал англичанам руки.

В сложившейся ситуации действовать нужно было быстро. Вернувшись обратно в Испанию, остатки Армады могли стать ос-новой для нового испанского флота. Средства, поступавшие из ко-лоний, позволяли Филиппу II в короткие сроки построить новые корабли. Таким образом, первоочередной задачей для англичан ста-новилось уничтожение остатков испанского флота, что позволило бы начать планомерную морскую блокаду Испании.

Было известно, что большинство уцелевших испанских ко-раблей находилось в плачевном состоянии и направлялось для ремонта к портам Бискайского залива. Уже 9 августа 1588 г. лорд

Берли обращался с предложением перехватить и уничтожить остатки испанского флота: «Я предлагаю, если они (корабли испанского флота — Д. М.) пойдут близ Ирландии, направить четыре больших корабля, хорошо снаряженных и подготовленных, чтобы они последовали за ними в их порты, где смогли бы уничтожить большую их часть» [1, Р. 85].

Но почти сразу стало понятно, что казна истощена, а королевский флот находился в плачевном состоянии [2, Р. 2-5]. Лорд-адмирал Ховард сообщал государственному секретарю Уолсигему 27 августа 1588 г., что он совещался с Дрейком по поводу «желания ее Величества перехватить королевский Серебряный флот из Индии». Но ни он, ни Дрейк не нашли во всем флоте корабля, пригодного для подобной экспедиции [1, Р. 167].

В сложившейся ситуации против Испании можно было действовать только с привлечением частного капитала и каперов. Поступали предложения привлечь к новой королевской каперской экспедиции голландцев [3, Р. 545].

11 октября 1588 г. Елизавета специальным указом наделила сэра Френсиса Дрейка и сэра Джона Норриса полномочиями для подготовки экспедиции против правителей, которые в текущем году пытались «совершить вторжение в Английское королевство». К ее организации было разрешено привлекать частных инвесторов [3, Р. 551].

В случае проведения, предприятие сулило неплохую прибыль, и желающих присоединиться к эскадре нашлось немало. Среди прочих выделялся претендовавший на португальскую корону дон Антониу. Королева не проявляла большого интереса к его планам по захвату Лиссабона, но он обещал оплатить все расходы на португальскую часть экспедиции. Кроме того, многие торговцы, спонсировавшие предприятие, были заинтересованы в успехе претендента на португальский престол. Всем им дон Антониу обещал торговые привилегии и свободу вероисповедания для английских купцов в Португалии и ее колониях [4, Р. 343-344].

Кроме того, при посредничестве дона Антониу были налажены отношения с правителем Марокко, который предлагал англичанам поддержку, если они атакуют испанцев в районе Гибралтара. В ходе переписки Елизавета согласилась получить снабжение и помощь от марокканцев, но планов экспедиции менять не стала [5, Р. 96, 130, 193].

Очень быстро небольшая операция по уничтожению остатков Армады и перехвату галеонов Серебряного флота превратилась в крупнейшее королевское каперское предприятие. Частные пайщики внесли в него от 40 000 до 70 000 фунтов, 20 000 фунтов должна была вложить королева и еще 10 000 голландцы [2, Р. 8]. После того, как расходы на подготовку экспедиции были поделены, пришлось допустить инвесторов к подготовке и управлению всем предприятием. Не вызывало сомнения, что частные пайщики рассчитывали с лихвой окупить свои затраты.

23 февраля 1589 г. Дрейку и Норрису было направлено очередное распоряжение, где оговаривались основные цели экспедиции:

Во-первых, уничтожить военные корабли, принадлежавшие испанскому королю.

Во-вторых, атаковать Азорские острова и организовать там постоянную базу, чтобы перехватывать сокровища, идущие в Испанию.

Как дополнительную цель королева рассматривала помощь дону Антониу в его утверждении на троне Португалии [3, Р. 581].

К началу 1589 г. было известно, что основная часть уцелевших кораблей Армады укрылась в Сантандере и Сан-Себастьяне — двух портах, достаточно удаленных от Португалии. Нападение на испанцев здесь не сулило большой прибыли частным пайщикам предприятия, а наоборот, грозило большими потерями. Учитывая это, накануне отплытия, 6 апреля 1589 г. Дрейк и Норрис направили сообщение в Совет. По их сведениям, до 200 кораблей с припасами, необходимыми для испанского флота, сосредоточились в Лиссабоне и Ла-Корунье [3, Р. 588]. Данный факт давал им формальный повод отказаться от атаки на Сантадер и Сан-Себастьян. Главной

целью Дрейка и Норриса, не смотря на распоряжения королевы, был Лиссабон [6, Р. 208-209].

Таким образом, допустив частных инвесторов к организации экспедиции, королева уже не могла в полной мере ее контролировать. Главные цели предприятия были забыты, и на первый план вышли корыстные интересы участников экспедиции и их спонсоров. Королевская операция по уничтожению испанской Армады и блокаде испанских Серебряных флотов превратилась в крупную каперскую экспедицию. Именно так ее воспринимали многие участники, о чем свидетельствует тот факт, что после разграбления Ла-Коруньи более 2000 добровольцев, участвовавших в экспедиции, поспешили обратно в Англию, покинув Дрейка и Норриса [7, Р. 286].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. State Papers Relating to the Defeat of the Spanish Armada. Vol. II. L., 1894.
2. *Wernham R. B.* Queen Elizabeth and the Portugal Expedition of 1589 // *The English Historical Review*. 1951. Vol. 66. P. 1-26.
3. Calendar of State Papers, Domestic Series, Elizabeth. 1581-1590. L., 1865.
4. *Kelsey H.* Sir Francis Drake: The Queen's Pirate. L., 1998.
5. Calendar of State Papers Foreign, Elizabeth. Vol. XXIII. January-July 1589. L., 1950.
6. *Loades D.* The Making of the Elizabethan Navy 1540-1590: From the Solent to the Armada. L., 2009.
7. *Rowse A. L.* The Expansion of Elizabethan England. L., 1971.

**ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ДУНАЙСКИХ
КНЯЖЕСТВ И ТРАНСИЛЬВАНИИ
В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (XVII – НАЧАЛО XVIII ВВ.)**

По мнению британского исследователя Б. Андерсена, национальные языки появились в раннее Новое время «в результате постепенного, прагматичного и даже в какой-то мере случайного процесса» [1, С. 89]. Ученый рассматривает язык как данность образующая основу, на которой будет построена национальная идентичность [1, С. 91]. Согласно этому утверждению, появление национального языка, сложившегося на основе народного, находится в центре интерпретации идеи нации, основанной на общности языка и культуры. Попытаемся проиллюстрировать данный принцип на конкретном примере румынского языка.

На XVII – начало XVIII вв. приходится эпоха молдавского и валашского гуманизма [2, Р. 7]. Идеи государственного и социального устройства занимали общественное сознание на протяжении этого периода. Гуманизм стимулировал интерес к народному языку [2, Р. 234]. Для практических целей, на разговорном языке издаются памятники правового и религиозного характера. Первые источники права на устном «румынском языке» — корпус юридических документов, среди которых «Избранное правило» (*Pravila aleasă*) [3, Р. 381-503] составлен в Молдавском княжестве в 1632 г. Ему последует в 1640 г. «Малое правило» (*Pravila cea mică*) Валахии [3, Р. 621-789]. Другой значимый юридический документ эпохи — свод законов Молдавского княжества «Правило Василия Лупу» (*Pravila lui Vasile Lupu*) [3, Р. 155-318]. В 1646 г., Еустратие Кэлугэрул завершил работу над переводом этого законника [4, Р. 15]. «Исправления закона» (*Îndreptarea legii*), также известный как «Правила Матея Басараба»

(*Pravila lui Matei Basarab*) ценный юридический памятник эпохи [5, Р. 594-720]. Его издание в 1652 г. перечисляют к продукции типографии г. Тырговиште (Валахия) [4, Р. 10]. В этих документах впервые в заимствованных юридических формулировках, употреблены фразы на разговорном языке. Это первые примеры народной речи в письменной фиксации в XVII в.

Параллельно утверждается идея о свойствах разговорной речи (*vernacula lingua*) выражать высшие истины. Народный язык должен служить просветительским средством в общерумынском контексте, поэтому церковно-славянский постепенно вытесняется живым «румынским языком». Исследователь С. Нягое констатирует определенную солидарность между православными архиереями княжеств в XVII в. Историк акцентирует важность книгопечатания как способа развития этой религиозной коммуникации [6, Р. 60]. Книгоиздательское дело было нацелено на введение в богослужении единых текстов «для общей пользы всех румын» [6, Р. 60]. Так, устное народное наречие введено в церковное обращение и возникает определенная нравоучительная литература на народном языке для всего православного населения княжеств [6, Р. 60]. Например, «Казания» (*Cazania*) также известная как «Румынская книга учения» (*Carte românească pentru învățătură*), молдавского митрополита Варлаама, изданная в 1643 г. [7]. Первая в Молдове печатная книга на «нашей румынской речи» (*pre limba noastră românească*) [8, Р. 19]. Казания излагала нормы крестьянской морали, принадлежала к категории вероучительной литературы. В ней дан подробный комментарий, изложенных в Евангелиях деяний Иисуса Христа, которые читались во время литургии. Казания Варлаама была отпечатана при государе Василие Лупу на его дотациях [8, Р. 21]. Следует отметить, что ряд исследователей считают присутствие в названии книги слова «румынская» доказательством этнического самосознания автора [9, Р. 10].

В 1648 г. митрополит Трансильвании Симион Штефан (1643-1656 гг.), современник Варлаама, в Предисловии к первому румынскому переводу Нового Завета, изданного в трансильванском

городе Белград (сегодня Алба Юлия) напишет: «слова подобно монетам, которые имеют хождение в разных странах, полезны, когда они понятны всем (*прим. пер.*)» [9, Р. 22]. В своем переводе Симион Штефан стремился избегать регионализмов «чтобы учение Писания было понятно всему румынскому роду» [8, Р. 10].

Выход книги, известной румынской традиции как «Псалтирь в стихах» (*Psaltirea în versuri*) митрополита Молдовы Дософтея (1673–1675) приходится на 1673 г. [10, Р. 10–11]. Псалтирь Дософтея представляет собой первую попытку изложения устного языка в стихах [11, Р. 35].

В процесс введения родного языка в религиозном обращении вписывается и изданная в 1688 г. на «румынском языке» Бухарестская Библия (*Biblia de la București*) [11, Р. 41]. Этот перевод, осуществленный по инициатирующей поддержке господаря Валахии Шербана Кантакузино (1678–1688), был знаковым, потому что он способствовал не только формальному наличию Библии на «румынском языке», но что самое важное, способствовал развитию «обще румынской» богословной культуры в языковой сфере [9, Р. 55]. Молдавский историк Г. Бобынэ делает акцент на этно-культурные основания солидарности, проявленной при работе над переводом Священного Писания, со стороны известных интеллектуалов трех княжеств: Николае Милеску Спафарий, валашский стольник Константин Кантакузино, валашские хронисты Раду и Штефан Гечану [2, Р. 243]. Очевидно, что мы имеем дело с «культурной программой», в рамках которой созрел вопрос о народном языке. Здесь стартует то, что мы называем «румынским языком».

Этот язык не составляет собственность никакой отдельной провинции, а принадлежит им всем вместе. Он благороден потому, что обладал древностью, общностью, естественностью. Знатность и древность языка отмечают не только переводчики и представители духовенства особенно усердны в этом смысле писатели и летописцы. Молдавский автор Мирон Костин (1633–1691) в комментариях к его философской поэме «Жизнь мира» (*Viața Lumii*) убежден, что

«румынский язык» может служить поэтическим средством [12, Р. 19]. «Он, как и его предшественник, летописец Григоре Уреке (1590–1647), автор «Летопись Земли Молдавской отколь образовалось государство, о течении годов и о жизни господарей повествующей от Драгоша-воеводы до Арона-воеводы», первое историческое сочинение, написанное на народном, «румынском» языке, доказывает связь «румынского языка» с классической латынью — язык высокой культуры [13, Р. 8]. Цель этих доводов — изменить представления народа о самом себе, о своей идентичности.

Православные священники, протопопы из города Брашов (Трансильвания) Василий (1577–1659) и Раду Темпя (1691–1742) написали первые трансильванские хроники на разговорном «румынском языке». Первая из этих двух сочинений описывает события с 1392 по 1633 г. Второй текст продолжает это изложение, доводя его до 1742 г. [8, Р. 27]. В своей хронике, Раду Темпя выражает неприимчивость с актом Унии, заключенным между православными румынами Трансильвании и римской католической Церковью (1699) [14, Р. 31]. Как нам кажется, такая позиция указывала на конфессиональную принадлежность, как на главную черту идентичности валахов Трансильвании.

В работах начала XVIII в., в условиях позднего гуманизма, реестр темы языка шире. Вокруг идеи превосходства родного языка выстраиваются другие концепции в культуре и в политике. Валахский стольник Константин Кантакузино в «Истории Румынской земли» (*Istoria Țării Rumânești*) сообщает, что во времена формирования языка (римская эпоха) население трех княжеств было единым, но впоследствии это единство распалось [15, Р. 72, 74]. Так, идея золотого римского века имела и лингвистические контуры.

У Д. Кантемира в «Хронике стародавности романо-молдо-влахов», написанной между 1717 и 1722 гг., «румынский язык» был первым признаком идентичности единого народа, именуемого автором «романо-молдо-влахами», наследниками римской цивилизации: «...всему миру известные римляне (...), предки наших родителей

и всех нас молдаван, мунтян, арделян и остальных румын, что на других землях проживают <...> о чем язык наш родной (которой от латинского идет) верный свидетель есть» [16, Р. 63]. Таким образом, созревает новая идея «латинства» в тесной связи с языковым наследием. Ее проводники выражают готовность сказать что-то новое об этом народе, земле, о его исторической судьбе и они находят для этого язык.

Решение внедрить язык в судопроизводстве и в религиозной среде, имело утилитарный характер. Тем не менее, эти меры воздействовали на укреплении идентичности. В особенности религиозная составляющая, имела политическую и этнокультурную направленность. В произведениях летописцев язык становится первым маркером идентичности валах, молдаван и трансильванцев. Идея общности языка в раннее Новое время помогает проследить становление унифицированного национального языка впоследствии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсен Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. *Bobâna Gh.* Umanismul din cultura românească din secolul al XVII — lea începutul secolului al XVIII — lea. Chişinău, 2005.
3. Adunarea izvoarelor din colecția vechiului drept românesc. Bucureşti, 1962.
4. *Mazilu D. H.* Cronicarii moldoveni Grigore Ureche, Miron Costin, Ion Neculce. Bucureşti, 1997.
5. Îndreptarea legii 1652 // Adunarea izvoarelor din colecția vechiului drept românesc. Bucureşti, 1962.
6. *Neagoie S.* Istoria unirii românilor de la începuturi până la Cuza Vodă. Bucureşti, 1986.
7. Carte românească de învățătură — 1646 / Ediție critică întocmită de colectivul vechiului drept românesc al Academiei RSR condus de Acad. Andrei Rădulescu. Bucureşti, 1961.
8. *Martinescu D.* Cronicari și cronici din Țările Române. Bucureşti, 1967.
9. *Olteanu Gh.* Cronicarii. Bucureşti, 1995.
10. Dosoftei (1624–1693). Psaltirea în versuri. Chişinău, 1998.

11. *Dușu A.* Coordonate ale culturii românești în secolul al XVIII-lea. București, 1968.
12. *Costin M.* Viața Lumii // Opere. Vol. II. București, 1965. P. 26–41.
13. *Ureche G.* Letopisețul Țării Moldovei. Chișinău, 1997.
14. *Kellogg F. J.* O istorie a istoriografiei românei. București, 1995.
15. *Cantacuzino C.* Istoria Țării Rumânești. București, 2006.
16. *Cantemir D.* Hronicul vechimei a romano-moldo-vlahilor. București, 1999-2000.

КАТЕХИЗИС НА СЦЕНЕ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЦЕНОГРАФИИ ШКОЛЬНОГО ТЕАТРА XVI–XVII СТОЛЕТИЙ

В землях Священной Римской Империи театр в XVI–XVII вв. существовал в двух формах: полупрофессиональных постановок, зачастую осуществляемых педагогами местной школы, гимназии или колледжа при участии учеников, и представлений кочующих актерских трупп (начиная с 1570-х гг. — английских и итальянских комедиантов). Между «исполнителями» (*spieler*) и «комедиантами» (*comedianter*), как их называет музыкант и теоретик искусства Иоганн фон Рист (1607–1677), существовал определенный конфликт: первые видели театр инструментом проповеди и назидания, вторые — творили искусство ради искусства. Полупрофессиональные представления были основной и наиболее востребованной формой театральной жизни: ученические коллективы осуществляли регулярные постановки в городах и прилегающей местности, известны случаи гастрольных выступлений. Отдельные как католические, так и протестантские учебные заведения — например, венский колледж или страasbourgская академия — становятся известными театральными центрами, поддерживающими высокий уровень мастерства. Влияние профессиональных трупп до середины XVII в. достаточно незначительно, хотя они влияют на становление придворного театра, а в итоге и на сложение независимого публичного театра в середине XVIII в.

Сравнительно с другими европейскими регионами немецкий независимый театр «запаздывает» почти на столетие: историки связывают это со спецификой территориального устройства немецких

земель и с фактическим отсутствием столичных городов. Разумеется, дело не только в «провинциализме» культуры, но и в духовных запросах общества: дидактическая сцена была гораздо дольше востребована в землях, где сосуществовали различные конфессиональные группы. Комедианты оказывают влияние и на развитие школьного театра. Высокий уровень актерской игры, использование перспективных декораций, машинерии и пр. наряду с легкостью и ненавязчивостью постановок, предлагаемых кочевыми актерами, составляло серьезную конкуренцию дидактическому театру. Уже во второй половине XVI в. появляется большой пласт полемиической литературы за авторством иезуитов и протестантских драматургов, направленной именно против «мирских» представлений. Однако было очевидным, что для сохранения зрительских симпатий было необходимо предлагать не уступающую по качеству альтернативу: ведь как в середине XVII в. указывал в своем трактате «О всевозможных искусствах для увеселения и достойных любви стараниях» уже упомянутый Иоганн фон Рист, игра «исполнителей» вызывала у зрителей насмешку, тогда как игра комедиантов — эмпатию. Развитие школьного театра в середине XVI–XVII вв., таким образом, является специфическим этапом развития театрального искусства, когда складываются различные парадигмы взаимоотношений между зрителем и сценой, развивается эстетика сценического действия и культура ее восприятия. В данном тексте мы поделимся нашими наблюдениями о принципах и сценографии протестантского и иезуитского спектакля этого периода.

Театралы XVI–XVII вв. совершенно единодушны в том, что театр является уникальным по своей эффективности инструментом проповеди. Это утверждение имеет две предпосылки. Одно — чисто текстового характера, близкое к пониманию риторики Меланхтоном: драматургическая проповедь эффективна, поскольку являет собой конкретное преломление теологических принципов, более понятное неподготовленному человеку. Очевидна была и значимость зрелищных компонентов театрального действия. Томас Нагеорг

(1511–1563) приводит цитату из Горация о том, что увиденное запоминается лучше услышанного. Рудольф Гвалтер (1519–1586) говорит, что всем образованным людям известно о большей эффективности стимула, внушаемого комедийными действиями, для обучения и поощрения людей к исполнению долга. Иоахим Греф (1500/1505–1552) в «Пасхальной пьесе» также повторяет этот тезис: «то, что мы видим, глубже входит в наши сердца, и по этой причине подобные постановки совершаются». Пауль Ребхун (1500/1505–1547) в предисловии к «Паммахию» (1538) Томаса Наогеорга говорит о превосходстве «визуальной проповеди». Пропагандистский потенциал визуального образа был особенно оценен иезуитами: об этом говорится в постановлениях Тридентского собора.

Надо сказать, что собственно зрелищные составляющие школьного и особенно протестантского спектакля (язык, мимика, жестикация, сценический костюм, декорации, освещение и акустика) до недавнего времени редко привлекали внимание исследователей. Причиной, на наш взгляд, является не только недостаток источников, более или менее освещающих лишь поздний орденский театр, сколько определенная непривлекательность самого материала. Вполне очевидно, что в период конфессионального противостояния (1517–1648), регулярных военных столкновений, была весьма сомнительна возможность использования дорогостоящих реквизитов, театральных декораций и машинерии. Исполнители зачастую носили будничный гражданский костюм, соответствующий возрасту и социальному положению, однако, конечно, актеры использовали то, что имелось в наличии. Например, ветхозаветный патриарх Авраам в одной из постановок притчи о бедняке Лазаре носил пасторское платье, тогда как на полководце Олоферне был изрядно потрепанный шлем, в котором, по словам Иоганна Риста, курицы высиживали яйца. Акт передачи некоторых костюмов в дар особенно отмечен городским советом. Внешние данные актеров, вероятно, представлялись второстепенным фактором: Иоганн фон Рист описывает, как героическую вдову Юдифь играет полная и вульгарная

женщина, сопровождаемая еще более толстой служанкой, несущей корзину всякой снеди. Декорации также использовались самые простые: так, для виденной Иоганном Ристом «Юдифи» использовался город Любек, условно выдаваемой за Ветилуу. Наиболее популярным типом сцены была простая плоская или риторическая сцена (также известная как сцена Теренция), предполагающая незамысловатый реквизит — в основном убранства комнат того или иного персонажа. Что касается уровня актерской игры, то здесь, конечно, нередко были случаи крайнего дилетантизма. Иоганн фон Рист достаточно категорично заявляет, что «исполнители» зачастую слишком юны и не могут ни осмыслить, ни запомнить текста, а их исполнение вызывает насмешку. Он также описывает эпизод перепалки актеров со сцены с раздраженной публикой. Английский писатель Томас Нэш (1561–1601) также описывает, что во время постановки «Притчи о блудном сыне» в университете Виттенберга грохот ног заглушал речь. Стремясь «разбавить» дидактические тексты комическими элементами, постановщики вводили сцены пиршества, застольных песен и пр. Как сходятся в описаниях Томас Нэш и Иоганн фон Рист, актерская игра была наиболее выразительна как раз в моменты поглощения пищи (блудным сыном — рожков из корыта, богачом со своей женой и другом — «свиного окорока и полпалки колбасы», причем в отсутствии ножа (!)).

Эти очевидные знатокам недостатки уже в конце XVI в. привели к профессионализации школьного театра. Иезуиты, похоже, несколько опережали немецких коллег, поскольку следовали за последними веяниями итальянского светского театра и активно использовали машинерию (например, т. н. «адский фонарь»), перспективные декорации в своих представлениях, которые также стремились сделать привлекательнее для простой публики за счет интермедий, развернутых песен хора, балетных вставок и др., нашедших полное воплощение в творчестве Франца Неймайра (1697–1765) и Николауса Аванцини (1611–1686). Сценическая проповедь в орденском театре подразумевает использование образов средневековой

сакральной иконографии (в первую очередь, образы мучеников и распятого Христа, а также отдельные аллегорические фигуры) и таким образом апеллирует к культурной памяти. Сцены страдания и насилия, помимо этого, служили действенным психологическим аргументом. Заметим, что внимание к ярким образам во многом было вынужденной мерой: спектакли в большинстве случаев шли на латинском языке, и иначе они были бы совсем недоступны простому зрителю. Однако визуальная насыщенность и разнообразие сценических действий становятся отличительными чертами орденского театра, где сцена осознается как «чудесная коробка». И хотя сомнительно, что католические школяры были одареннее протестантских, их непрофессионализм менее бросался в глаза. Не искушенный визуальными излишествами зритель переживал эстетический и психологический шок, который, вероятно, осмыслял как мистическое откровение. Об этом позволяет судить уникальный источник — отчет о постановке «Ценодокса» Якоба Бидерманна в 1609 г. в Мюнхене. Собственно трагедии, посвященной жизни Св. Игнатия, предшествовали выступления комедиантов, перетекшие в изображение людских пороков, а затем и картины мучения грешников в аду (возможно, с использованием «адского фонаря»). Автор отчета отмечает эмпатию зрителей, их ужас и рефлексию: таким образом, интермедии создали определенную настрой для лучшего восприятия агиографии святого — нам известно о большом количестве обратившихся в католичество под впечатлением от спектакля.

Протестанты высоко ценили риторический потенциал театра, и постановки строго дифференцировались в зависимости от аудитории: спектакли на латинском языке демонстрировались только перед элитой, но никак не перед широким городским населением. Протестантские авторы не были вынуждены «переводить» свою проповедь на язык символов: их тексты достаточно выразительны и доступны для простого люда, отражают диалектизмы и разговорные обороты. Во многом за счет этого протестантский спектакль был лишен визуального напряжения, свойственного орденскому

театру: сами тексты не подразумевают ярких иконографических сцен. Характерно, например, что агиографические сюжеты, как и обработки сюжета о Страстях Господних, получают развитие за счет второстепенных сюжетных линий (пламенная проповедь накануне подвига, обращение антагониста, дальнейшая судьба положительных персонажей и пр.). Так, например, у Мельхиора Нейкирха (1540–1597) в трагедии 1592 г. не изображено избиевание первомученика камнями, зато показан развернутый диалог между Стефаном, его женой и детьми накануне мученичества. Машинерия и сложные декорации, похоже, также используются минимально: лишь отдельные произведения — как, например, «Комедия студенческой жизни» (1545) Христофера Стиммелия (1525–1588) — подразумевают использование глубокой сцены. Означает ли это, что протестантский театр уступает театру иезуитов, являя собой более примитивную форму спектакля? Такая постановка вопроса, безусловно, не до конца корректна: она подразумевает, что классический театр, где сцена представляет собой вселенную в миниатюре, а зритель наблюдает за происходящим из зала, является вершиной развития театрального искусства. Протестантский театр — по крайней мере, это справедливо для общегородских спектаклей на национальных языках — существует по другим законам организации пространства. Концентрации внимания на сценической коробке здесь не происходит: по причине активного использования протестантами архитектурного окружения как элементов декораций. По описаниям современника, в 1530-х гг. в Базеле Сусанна в одноименной постановке погружалась в фонтан на Рыбном базаре, тогда как городские стены означали границы города Ветилую в постановке «Юдифи». Почти столетием позже праотец Авраам в притче о бедняке и богаче Лазаре выглядывает из окна трактира, возвышающегося над сценой и символически обозначающего рай. Возможно, схожий прием использовался в «Трагедии о новозаветном первомученике Стефане» Мельхиора Нейкирха, где также существует верхний уровень сценического действия — диалоги Бога-Отца, Христа

и ангелов. Есть основания предполагать, что зрители участвовали в представлении — по крайней мере, в исполнении песен хора, часто представлявших собой лютеранские гимны или музыкальные переложения псалмов. Слияние городского окружения и сцены, уничтожение границ между актером и зрителем также достигалось за счет использования гражданской одежды и бытовых предметов: характерно, что в текстах Иохами Грефа идет определенное осовременивание реалий: ассирийские воины стреляют из ружей. Зрители тем самым становились соучастниками действия, события из священной истории приобретали имманентность, а в ходе спектакля формировалась община избранных, носителей определенной идентичности. Подобная организация пространства характерна сегодня для камерных спектаклей.

Подводя итоги, повторим, что в период XVI–XVII вв. театр преимущественно осознается как инструмент проповеди. Религиозная дидактическая драматургия занимает важную нишу и на профессиональной сцене, что особенно характерно для французского и испанского театра XVII–XVIII вв. С другой стороны, в рамках полупрофессиональных театральных центров используются различные стратегии коммуникации со зрителем. При сходстве театральной теории и универсальном дидактическом содержании произведений католических и протестантских драматургов сами театральные практики оказываются принципиально отличными, что возвращает нас к вопросу о конфессионализации как проблеме истории культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Christoph Stymmelius Studentes, *Comœdia de vita Studiosorum*. In ædibus Iberiorici Nobilimi, 1662.
2. *Johann von Rist*. Die Aller Edelste Belustigung Kunst- und Tugendliebender Gemühter: Vermittelst eines anmuhtigen und erbaulichen Gespräches Welches ist dieser Ahrt, die Vierte, und zwahr Eine Aprilens Unterredung. Frankfurt: Schiele, 1666.

3. *Greff Joachim*. Das Leiden vnd Aufferstehung vnsers Herrn Jhesu Christi aus den vier Evangelisten durch D. Johan Bugenhagen Pomern vleissig zusammen gebracht vnd nachmals durch Joachimum Greff von Zwickau jnn Deudsch Reim verfasset. Wittemberg: N. Schirlentz, 1538.
4. *Melchior Neukirch*. Die Tröstliche Historia Lazari: Aus dem Eilften Capittel Johannis in Neun Predigten gefasset vnd erkleret Zu Braunßweigk in der Kirchen S. Petri. Helmstadt: Lucius, 1596.
5. *Rudolf Gwalther, Nabal*. Ein Züricher Drama aus dem 16. Jahrhundert / Ed. and transl. by Sandro Giovanoli. Bonn, 1979.
6. *Thomas Naogeorgus*. Iudas Iscariotes, tragoedia nova et sacta, lectu et actu festiua et iucunda Thoma Naogeorgo autore. S. l., 1552.
7. *Wilhelm Gnapheus*. Hypocrisis. De Hypocrisis falsa religione, ficta disciplina, et supplicio, deque Psyhes calamitate, et restituta illi per ueram poenitentiam salute Tragicomedia, Hypocrisis titulo inscripta. Autore Guilielmo Gnapheo Hagoense, illustrißimi Principis D. Alberti Marchionis Brandenburgensis, et primi Borußiorum Ducis consiliario. Basileae: apud B. Vuesthemerum, 1544.
8. Злополучный скиталец, или Жизнь Джека Уилтона. / пер. Е. Н. Бируковой. М., 1975.

АННОТАЦИИ

АБРАМОВА А. В. Петербургские историки-медиевисты на историческом факультете Новгородского государственного университета.

Доклад посвящен истории преподавания курса истории Средних веков на историческом факультете Новгородского государственного университета в «лицах». Ученые-историки, работавшие в Новгороде в 1930–1980-е гг., представляли ведущие центры вузовской и академической науки Ленинграда и внесли ценный вклад в формирование новгородской исторической школы.

Ключевые слова: медиевистика; Новгородский государственный университет; Ленинградский университет.

АБРАМОВА Е. Ю. Представления об экзорцистских практиках в XIII в. на примере конструирования образа святого Франциска.

Хронологические рамки доклада — XIII в. Географические рамки — Италия. Одна из самых заметных фигур этого времени — Франциск Ассизский. Он умер в 1226 г. Через три года после его смерти было написано первое житие святого. На протяжении всего века продолжали появляться различные версии жития, которые описывают разные происшествия из жизни святого, но можно встретить несколько схожих моментов, характеризующих экзорцистские практики этой эпохи. Конструируя образ святого Франциска как экзорциста можно выявить эти представления.

Ключевые слова: Экзорцизм; Франциск Ассизский; Италия в XIII в.; жития Франциска; экзорцистские представления XIII в.

АДАМОВА Н. Э. Святые, избранные и исключительные? Самоидентификация пуритан в раннестюартовской Англии.

В статье анализируются представления о «святости», «предопределении» и «исключительности», характерные для английских пуритан первой трети XVII в. Автор приходит к выводу, что, вопреки сложившимся стереотипам, в этот период учение о предопределении все еще не стало основой чувства превосходства над остальными, которое разовьется в пуританско-индепендентской среде ближе к середине столетия.

Ключевые слова: пуритане; предопределение; исключительность; Англия; святые.

БЕЛЬКОВА Е. А. Механизмы влияния семейства Медичи на политическую жизнь Европы в XV в.

Статья посвящена определению и исследованию механизмов влияния семейства Медичи на политическую жизнь Европы. Помимо традиционных способов воздействия (династические браки, подкуп, давление, физическое устранение конкурентов и т. д.), важным инструментом являлся также банк Медичи, благодаря которому семейство, выдавая кредиты влиятельным лицам, получало дополнительные рычаги давления на европейскую политику, тем самым расширив сферу своего влияния далеко за пределы Апеннинского полуострова.

Ключевые слова: Флорентийская республика; семья Медичи; банк Медичи.

БОРИСОВ Г. И. Денежно-весовые единицы в Lex Frisionum и их значения.

В исследовании ставится проблема терминов, применявшихся к различным денежно-весовым единицам в раннее Средневековье, и их значений. На основе изучения текста Lex Frisionum, черновик которого был записан во время leges-реформ Карла Великого ок. 802 г. показано отличие денежно-весовых единиц в трех частях Фризии и разные виды их материального выражения.

Доклад доказывает бытование собственных денежно-весовых единиц и правовых обычаев в регионах, подвергшихся частичной романизации или не прошедших ее вовсе.

Ключевые слова: История раннего Средневековья; история права; Leges-реформы Карла Великого, Lex Frisionum, Денежно-весовые единицы раннего Средневековья, нумизматика.

БОЯРИНЦЕВА У. С. Вопрос богопознания в трактате «О рае» Никиты Стифата: опыт прочтения через Дионисия Ареопагита.

В статье «Вопрос богопознания в трактате «О рае» Никиты Стифата: опыт прочтения через Дионисия Ареопагита» анализируется одна из доктринальных тем византийского богословия. Он рассматривается путем структурного анализа трудов Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина и Никиты Стифата, представленных в виде единой системы.

Ключевые слова: византийское богословие; Никита Стифат; богопознание; рай.

БУТУЧЕЛ Р. Язык и идентичность населения дунайских княжеств и Трансильвании в раннее Новое время.

Исследуется проблема соотношения языка и этнокультурной идентичности восточнороманского населения дунайских княжеств и Трансильвании в XVII – начале XVIII вв. в свете произведений социально-культурной и религиозной среды. Внимание уделяется роли языка в формировании представлений об идентичности.

Ключевые слова: народный язык; этнокультурная идентичность; восточные романцы.

ВАСИЛЬЕВА О. С. Категория «рабство» в социально-политических взглядах Иоанна Дунса Скота.

Статья посвящена анализу категории «рабство» в социально-политической теории Дунса Скота. «Несвободное» состояние монах-францисканец рассматривает, руководствуясь доктринами

католической церкви. Однако идеи Скота о возникновении зависимого состояния и неотъемлемых правах рабов представляют собой оригинальную теорию.

Ключевые слова: категория «рабство»; Дунс Скот; Францисканский орден; естественное право; позитивный закон.

ВАХРОМЕЕВА О. Б. Исследования И. М. Гревса в области тургеневедения.

Статья «Исследования И. М. Гревса в области тургеневедения» посвящена изучению биографии писателя. Биографическое исследование И. М. Гревс писал в очерковой манере на материале разнообразных источников. Ему удалось воссоздать образ великого русского писателя, раскрывая темы «Тургенев и Спасское», «писатель и природа», «Тургенев и женские образы», «писатель и религия», и др.

Ключевые слова: Рукописи И. М. Гревса; биография И. С. Тургенева; источники биографии.

ГАЙВОРОНСКИЙ И. Д. Христианский элемент образа власти в Средние века: от Константина Великого до Хлодвига.

На взгляд докладчика, наибольшее влияние на создаваемые средневековыми авторами образы правителей оказала именно христианская концепция власти, образ идеального христианского монарха. Предметом доклада станет эволюция христианского образа власти, начиная с его зарождения в сочинениях Евсевия Кесарийского и заканчивая эпохой Меровингов. Данный доклад не ставит задачу «открыть» какие-либо «новые», неочевидные закономерности в процессе складывания образа христианского правителя. Цель намеченного выступления — подогреть интерес аудитории конференции к выявлению различных элементов средневекового образа власти и влиянию различных культур и философий на формирование мира Средневековья.

Ключевые слова: образ власти; христианство; Меровинги; Евсевий Кесарийский.

ГОНЧАРОВА Е. С. К вопросу о расстановке политических сил вокруг Анны Болейн в 1528–1529 гг. (по материалам личной переписки).

В данной работе рассматривается политическое окружение Анны Болейн в 1528–1529 гг. На основе эпистолярных источников анализируется политическая роль этого окружения в происходящих событиях. Так же поднимается вопрос о роли министра Вулси в этом окружении и о перемене в его взаимоотношениях с Анной.

Ключевые слова: Англия XVI в.; Генрих VIII; политическая группа; Анна Болейн.

ГОРБУНОВА Ю. А. Вопрос о добродетели в трактате св. Мартина Брагского «Formula Vitae Honestiae».

Статья посвящена отражению в трактате св. Мартина Брагского проблемы добродетели правителя. Автор показывает, что к эпохе св. Мартина вопрос о добродетели был широко разработан как христианскими писателями, так и язычниками. Тем не менее, св. Мартин одним из первых применил учение о добродетели к правителю варварского королевства.

Ключевые слова: св. Мартин Брагский; Мир; добродетель; Formula Vitae Honestiae.

ГУРСКАЯ Н. В. Венеция: версии происхождения.

Одним из спорных моментов в истории Венеции является вопрос о времени и обстоятельствах образования венецианской цивилизации: древнее ли это государственное образование или это государство раннего Средневековья.

Ключевые слова: Западная часть Римской империи; Византия; метрополия; номинальные связи.

ДЕНЕЖКИН М. Г. Студенческая жизнь на материалах «Риторики» Бонкомпаньо да Синья.

В настоящей статье анализируются тексты первой книги «Античной Риторики» болонского магистра Бонкомпаньо да Синья. Это яркий и интересный источник по истории средневекового

студенчества, но его специфика требует от историка обращения к другим текстам, связанным с историей и культурой средневековых университетов.

Ключевые слова: Бонкомпаньо да Синья; средневековое студенчество; первые европейские университеты.

ДИКАРЕВА М. А. «Vita Secunda» Фомы Челанского: образ святого Франциска Ассизского в контексте орденских конфликтов.

Данная работа призвана осветить обстоятельства создания Второго Жития святого Франциска Ассизского, а также выявить роль, которую играл этот текст в закреплении в орденской среде протоеретических воззрений иоакимизма.

Ключевые слова: Франциск Ассизский; Фома Челанский; агиография; иоакимизм; ересь.

ДОЛКОВА Е. А. Особенности политико-правового статуса Валлийской Марки.

В статье рассматриваются характерные черты Валлийской Марки, представлявшей собой военно-административную территорию на западной границе Англии. Исследуется природа политико-правового статуса данной области, связанного с привилегиями англо-нормандских лордов Марки. Отдельное внимание уделяется праву Марки («Обычаю Марки») и его источникам.

Ключевые слова: Валлийская Марка; лорды Марки; Обычай Марки.

ДОМСКИЙ М. В. Поэма «Спаситель» (Heliand): как писалось «Саксонское Евангелие».

Правление Людовика Благочестивого ознаменовалось попытками популяризации христианства среди саксов. Одним из инструментов этой популяризации стала германская поэтическая традиция. Во взаимодействии эпоса и Писания родился библейский эпос саксов, крупнейшим памятником которого является поэма «Спаситель» (Heliand).

Ключевые слова: христианизация; библейский эпос; «Спаситель».

ЗАЙЦЕВА А. В. Функции дьявола в трактате Бартоло да Сассоферрато «Processus satanae contra genus humanum».

Трактат «Processus satanae contra genus humanum», авторство которого приписывается средневековому юристу Бартоло да Сассоферрато (1313/4–1357 гг.), посвящен тяжбе дьявола перед лицом Христа за возвращение ему древнего права на обладание человечеством. В статье рассматриваются исторические и культурные предпосылки создания образа дьявола как участника небесного суда.

Ключевые слова: Satanprozesse; образ дьявола; Бартоло да Сассоферрато; iustitia; небесный суд; ius antiquum.

ИГИНА Ю. Ф. Cinquedeя Лоренцо Каниджани из собрания Эрмитажа: опыт источниковедческого анализа.

Статья посвящена неизученному и неизвестному в научной литературе историческому артефакту — cinquedeя (тип итальянского клинкового оружия) конца XV в. – начала XVI в. из собрания Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Автором проведена комплексная оружейведческая, искусствоведческая и историческая экспертиза вещественного памятника, результаты которой вводятся в научный оборот впервые. На основе анализа декоративного оформления и геральдических изображений на клинке автор заключает, что чинкведея принадлежала Лоренцо Каниджани, представителю могущественного флорентийского рода, и была подарена ему одним из правителей династии Медичи. Декоративное оформление чинкведеи сближает ее с двумя мечами, подаренными в 1509 г. папой римским Юлием II германскому императору Максимилиану I и его внуку Карлу Бургундскому, будущему Карлу V, в связи с их посвящением в рыцари ордена св. Петра. Декоратором чинкведеи выступил мастер, принадлежавший к кругу Эрколе леи Фидели, знаменитого итальянского ювелира, работавшего при дворе герцогов Феррары и Мантуи.

Ключевые слова: оружие; чинкведея; Лоренцо Каниджани; Медичи; геральдика; аноблирование; герб; орден Святого Престола; рыцарство; знатность; патрициат; папские ключи и тиара; Флорентийская республика; полумесяц; бризура.

КАНУПА А. С. Становление внешней политики Венецианской республики (V – начало XIII вв.).

Венеция прошла путь от небольшого города-государства до превращения в мощную колониальную морскую державу, проводившую самостоятельный внешнеполитический курс. В докладе рассматривается процесс формирования основных направлений внешнеполитических интересов государства: отношения с Восточной и Западной Римскими империями, папской властью, а также участие в крестовых походах.

Ключевые слова: Венецианская республика; внешняя политика; Средневековье; Византия; Западная Римская Империя; крестовые походы.

КНЯЗЕВ П. Ю. Религиозный аспект «Декларации о причинах» Вильгельма III Оранского 10 октября 1688 г.

В статье рассматривается история создания и содержание декларации Вильгельма III Оранского, изданной им накануне его вторжения в Англию. Автор статьи рассматривает взаимосвязь религиозного и политического факторов в пропаганде сторонников Вильгельма, а также важнейшие события, затронутые в тексте декларации.

Ключевые слова: «Славная революция»; протестантизм; католицизм; Республика Соединенных провинций.

КОСТИН Н. О. Антропологические идеи Максима Исповедника.

В статье рассматривается антропологическая система одного из самых известных богословов Византии — Максима Исповедника. В свете его антропологических идей показана цельность учения философа как по отношению ко всему творению, так и к положению человека, его нравственной жизни.

Ключевые слова: Максим Исповедник; Византия; антропология; христианство.

КОСТЫРЯ М. А. Власть и общество в творчестве Питера Брейгеля Старшего.

В статье представлен взгляд на творчество Питера Брейгеля Старшего, в первую очередь, как на исторический источник. Автор предпринимает попытку нахождения некоей «объективной» информации об институтах власти и общества XVI в. Несомненно, что результат этой попытки обречен на коррекцию со стороны субъективного отношения художника, которое невозможно полностью исключить.

Ключевые слова: Западная Европа; XVI век; времена суток; нидерландское искусство; Брейгель.

КУРАКИН С. Е. Королевство Мерсия в системе англосаксонской гептархии в середине VII – начале IX вв.

Статья посвящена проблеме политического развития королевства Мерсия в середине VII – начале IX вв. На основе доступных материалов выясняются причины возвышения англосаксонского королевства, рассматривается эволюция системы управления Мерсией и зависимыми от нее территориями, изменение политико-правового статуса королей.

Ключевые слова: Мерсия; гептархия; бретвальда; англосаксы; раннесредневековая Англия.

ЛАПУНОВ А. А. Образ варвара в трудах Патриарха Фотия.

Тема варвара и варварства, уходящая корнями в античную литературу, нашла свое продолжение в трудах Патриарха Фотия. Старое противопоставление варваров и римлян византийцы заменили на полярные понятия — христиане и язычники. Однако, по мнению Фотия, дикость и жестокость варваров может быть усмирена христианской верой.

Ключевые слова: варвары; Патриарх Фотий; христианство.

ЛАПШОВ П. Н. Кутногорское горное дело по материалам изобразительных источников.

Горное дело в средневековой Чехии — важная страница истории этой страны. Кутногорское горное дело породило новые явления в экономике, социальных отношениях, оказало значительное влияние на политическое развитие, на развитие культуры и искусства.

Ключевые слова: горное дело; Кутна Гора; серебро; горное право; градуал.

ЛИХОМАНОВ К. В. Концепции «картины мира» и «модели мира» как часть методологии исследования культуры в научном наследии А. Я. Гуревича.

Данная статья посвящена тому, как возникла и как реализовывалась на практике концепция исследования «картины мира» через создание «модели мира» в творчестве Арона Гуревича. Выявлены основные истоки и черты этой концепции, а также прослежены практически плоды ее применения.

Ключевые слова: Арон Гуревич; картина мира; модель мира; методология исследования средневековой культуры; Категории культуры.

ЛУРЬЕ З. А. Катехизис на сцене: некоторые особенности сценографии школьного театра XVI–XVII столетий.

В статье анализируется эстетика и сценография протестантского и католического театра XVI–XVII вв. Школьный театр, в котором были задействованы педагоги со своими учениками, представлял собой наиболее распространенный вид публичного театра. По мере его развития изменялся уровень профессионализма и сценической эстетики. Театр иезуитов здесь активнее и успешнее заимствовал достижения профессиональной публичной сцены, тогда как протестантские постановки оставались на уровне любительских спектаклей, а сами постановщики рассматривали театр в большей мере как риторическое искусство. Эти особенности наряду с некоторыми другими наблюдениями отметил люте-

ранский гимнограф XVII в. Иоганн фон Рист, чьи мысли о профессиональном и непрофессиональном театре, являются ценнейшим источником по сценической культуре.

Ключевые слова: школьный театр; Иоганн фон Рист; риторская сцена; барокко.

МАНУКЯН Э. М. Сидоний Аполлинарий и Луп Труаский. Эпизод из истории взаимоотношений представителей церковной аристократии Галлии V в.

Данная статья посвящена истории дружбы и сотрудничества двух выдающихся представителей галло-римской церковной аристократии: епископам Сидонию Аполлинарию и Лупу Труаскому. Ставится особый акцент на роли личного фактора в складывании особых отношений между членами церковно-аристократического сообщества и влияния его на практическую деятельность и функциональность галльского епископата. Данное исследование проводится на анализе переписки Сидония и Лупа.

Ключевые слова: церковная аристократия в Галлии; епископское сообщество; Сидоний Аполлинарий; Луп Труаский; переписка; межличностные взаимоотношения; епископская деятельность.

МЕДВЕДЬ А. О. Шмалькальденская война в зеркале биографии Себастьяна Шертлина фон Буртенбаха.

Статья посвящена обзору событий Шмалькальденской войны через призму автобиографии Себастьяна Шертлина фон Буртенбаха — военачальника протестантского союза. Особое внимание в тексте уделяется описанию предводителя ландскнехтов боевых действий, отношений с правящей элитой Шмалькальденского союза.

Ключевые слова: Шмалькальденская война; Шертлин; автобиография; ландскнехты; Священная Римская Империя.

МИГУНОВА А. В. Корреспонденция как источник по истории Рупрехта Пфальцского.

Частная корреспонденция XVII в. как массовый источник может служить хорошей основой к реконструкции поведенческой

модели, социальных связей и мировоззрения европейской знати. В центре внимания переписка Рупрехта Пфальцкого за 1620–1661 г. с его родственниками и представителями различных социальных групп, с помощью которых предпринимается попытка воссоздать его социальный портрет.

Ключевые слова: Сословные отношения; XVII в.; Тридцатилетняя война; Английская гражданская война.

МИХЕЕВ Д. В. К вопросу о целях Португальской экспедиции 1589 г.

Автор обращается к вопросу о целях подготовки Португальской экспедиции 1589 г., явившейся ответом англичан на поход Непобедимой Армады. Отсутствие денег и слабость королевского флота вынудили Елизавету Тюдор обратиться при подготовке экспедиции за частными инвестициями, что привело к пересмотру ее первоначального плана и негативно отразилось на реализации ее первоначальных целей.

Ключевые слова: англо-испанская война; капер; Лиссабон; Елизавета Тюдор; Френсис Дрейк; дон Антониу.

МОКРОПолова А. Д. Христианизация Норвегии (по данным королевских саг).

Данная статья посвящена изучению процесса христианизации Норвегии. Особенность исследования — использование в качестве источника саг о норвежских королях. В результате сделаны выводы о высоком значении королевских саг как источников и их высокой информативности относительно процесса христианизации.

Ключевые слова: христианизация Норвегии; Святой Олав; саги.

НАУМОВ Н. Н. «Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: проблема жанра.

Доклад посвящен проблеме жанра нарративного источника середины XV в. — «Книги императора Сигизмунда». Представляясь на первый взгляд биографией, этот труд содержит также черты общеисторического и автобиографического произведения. Соче-

тание этих черт делает «Книгу» уникальным источником рубежа Средних веков и раннего Нового времени.

Ключевые слова: Эберхард Виндеке; Сигизмунд Люксембургский; нарративный источник.

НИКИТИН К. С. Функция библейских цитат в хронике Фредегара.

Доклад посвящен использованию открытых (эксплицитных) библейских цитат и образов в раннесредневековой хронике Фредегара. Таким образом раскрывается их функция в тексте памятника. Наряду с этим предпринята попытка объяснить относительно небольшое количество библейских реминисценций, связав это с особенностями жанра произведения и задачами, которые перед собой ставил франкский хронист VII в.

Ключевые слова: Хроника Фредегара; Библия; цитаты.

ПИКИН А. В. Римляне на службе варваров на Западе в конце V – начале VI вв.: вопросы внешнеполитического общения.

Статья посвящена месту римлян при дворах варварских королей и той роли, которую они играли в области внешней политики. Автор, анализируя некоторые биографии советников варварских королей, показывает, что римляне были хранителями традиции политического общения, однако роль их в принятии решений представляется спорной.

Ключевые слова: посольства; Лев Нарбонский; Кассиодор; Лаконий; варварские королевства.

ПОЛЯКОВ С. А. Политика королевской власти по отношению к церкви по материалам «Законов короля Кнута».

В начале XI в. несколько стран были объединены под властью одного человека — короля Кнута Могучего или Великого. В Англии крайне важной была поддержка церкви. Замечательный источник — Законы короля Кнута — помогает нам подробнее узнать о той политике, что король проводил по отношению к церкви.

Ключевые слова: Англия; христианство; законодательство; укрепление королевской власти.

ПОНОМАРЕВА М. А. «Спор между священником и рыцарем...» как исторический источник.

Статья посвящена анализу трактата «Спор между священником и рыцарем...», который был написан на рубеже XIII–XIV вв. в условиях ссоры Филиппа IV Красивого и Бонифация VIII. Поводом для ссоры послужил беспрецедентный налог на французское священство. «Спор...» представляет легистскую позицию по вопросу о праве короля облагать налогом церковь.

Ключевые слова: Политическая теория; Филипп IV Красивый; Бонифаций VIII; легисты; полемический диалог; источниковедение.

ПОПОВА Я. А. Код куртуазности: визуализация любви в «Кодексе Манессе».

В данной работе рассматривается проблема репрезентации куртуазной или «высокой» любви на миниатюрах «Кодекса Манессе». Художники изображали действительность, создавая «идеальные образы жизни» средневекового немецкого общества. Поэтому идеалы женской красоты и куртуазной любви, воспетые миннезингерами, нашли свое отражение в миниатюрах, выступающих носителями смысла. Символизм куртуазности является неотъемлемой частью изображений, проявляясь в различных формах: в сюжетах, жестах, цвете и геральдике. Миннезингеры сборника, будучи выходцами из различных слоев населения, нивелируются и являются полноценными участниками любовной символики.

Ключевые слова: «Кодекс Манессе»; куртуазная любовь; геральдика; иконография.

ПРОГУНОВА Ю. М. Административные функции англосаксонской аббатисы VII – начала VIII вв.

Управление монашеской обителью — малоисследованная сфера деятельности англосаксонских аристократок. Статья посвящена наставнической, хозяйственной деятельности аббатисы, контролю социальных связей монастыря, заботе о его статусе.

Ключевые слова: англосаксы; женская история; управление монастырем.

ПРОХОРЦОВА М. М. Библия Полиглота издательства Кристофа Плантена. История создания и художественное оформление.

Созданная для испанского короля Филиппа II, Антверпенская Полиглота является шедевром книгопечатания. Главное произведение издателя Кристофа Плантена известно своими уникальными шрифтами и гравюрами. Сотворцом этого впечатляющего многотомного издания и его графического оформления стал богослов Бенито Ариас Монтано. В статье кратко прослеживается история создания Полиглоты и детали ее оформления.

Ключевые слова: Кристоф Плантен; Полиглота; книгопечатание; книжная графика.

СИРОТИНА М. П. Институт куртуазной любви в системе средневековых отношений.

Автор статьи рассматривает явление куртуазной любви как социальный институт, имеющий политико-экономическую и нормативную основы. Вскрываются основные противоречия и «подводные камни» средневековой романтики.

Ключевые слова: куртуазность; куртуазная любовь; прекрасная Дама; рыцарство.

СЛЯДЗЬ А. Н. Константин Мономах и конец классической Византии.

Статья посвящена сравнительно непродолжительному царствованию Константина IX Мономаха (1042–1055), которое явилось своеобразным экватором, отделившим империю классической поры (с середины IX в.) от периода ее крушения и складывания новой, комниновской Византии (вторая половина XI – XII вв.).

Ключевые слова: Византия; Константин IX Мономах; Зоя Порфирогенита; Македонская династия; Константин Лихуд; Михаил Пселл; Иоанн Скилица; Михаил Агталиат; Кекавмен.

СЛЯДЗЬ А. Н. Трагическая судьба выдающегося византиноведа (к 140-летию со дня рождения В. Н. Бенешевича).

Статья посвящена выдающему палеографу, историку церковного права, профессору Петербургского (Ленинградского) университета, члену-корреспонденту Академии наук СССР В. Н. Бенешевичу (1874–1938).

Ключевые слова: В. Н. Бенешевич; византиноведение; палеография; церковное право.

СМОВЖЕНКО А. Г. Документы по ранней истории Парижского университета в издании Генриха Денифле «Chartularium Universitatis parisiensis» (1889–1897).

Работа посвящена анализу фрагмента четырехтомного издания Генриха Денифле «Chartularium Universitatis parisiensis» (1889–1897). Издание Денифле является первостепенным источником по истории Парижского университета, поскольку содержит все известные на тот момент документы, касающиеся данной темы, и до сих пор не потеряло своей актуальности. Полученные результаты могут быть полезными для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: Франция; источниковедение; университет; папство; хартии; Денифле.

ТЕРЕНТЬЕВА Е. А. Национальные церкви и религия в восприятии французских эрудитов и английских антиквариев (на примере наследия Андре Дюшена и Уильяма Кэмдена).

В статье анализируются различные аспекты изображения религии и национальных церквей Франции и Англии в трудах выдающихся ученых раннего Нового времени — французского эрудита Андре Дюшена и английского антиквария Уильяма Кэмдена.

Ключевые слова: Англия; А. Дюшен; историописание; раннее Новое время; религия; У. Кэмден; Франция; церковь.

ТИШУНИН Е. Г. Король и королевство в хронике Эдуарда VI.

Статья посвящена анализу первой части источника, известного в российской историографии как дневник Эдуарда VI. Собственноручно написанные юным королем записи, охватывающие период с 1547 по 1552 гг., в своем оформлении разделяются на 2 группы: «хроника», повествующая о событиях 1547–1550 гг., и «журнал», содержащий заметки 1550–1552 гг. В ходе анализа первой части источника устанавливаются ее общее содержание, стилистические особенности, проявление личности автора в источнике.

Ключевые слова: Эдуард VI; дневник Эдуарда VI; Тюдоры; Англия; XVI в.

УХОВ И. В. «Священное бракосочетание святого Франциска с госпожой бедностью» как исторический источник.

В средневековой литературе одним из неотъемлемых атрибутов Франциска Ассизского является бедность. Тогда же происходит очеловечивание Христа, через внимание к его нищете и сюжету распятия. Эти атрибуты Спасителя воспроизводятся в жизни Франциска, чем уравнивают человека и Бога в возможностях.

Ключевые слова: Франциск Ассизский; мистический брак; францисканство; госпожа Бедность.

УШАКОВА В. Г. Маски, атланты, капители: о некоторых аналогиях в декорации романских церквей Южной Италии и миниатюрах рукописей оттоновского периода.

Романская скульптурная декорация Апулии представляет собою очень развитый и богатый мир скульптурных форм, который производит впечатление самостоятельного и разработанного стиля, полного особенного обаяния и очень богатого образами и смыслами. Его генетика, однако, заслуживает особого внимания, о чем свидетельствуют многочисленные аналогии с оттоновскими иллюстрированными рукописями.

Ключевые слова: Апулия; Романская скульптура; Оттоновская книжная миниатюра; Норманнское завоевание Южной Италии.

SUMMARIES

ABRAMOVA A. Petersburg medievalists in Faculty of History of the Novgorod State University.

An author analysis of the studying medieval history at the Faculty of History of the Novgorod State University. The paper is based on the personal history those Petersburg medievalists, who was working in Veliky Novgorod and contributed to the study of medieval history in Novgorod State University from 1930 to the present days.

Keywords: medievalists; Novgorod State University; Leningrad University.

ABRAMOVA E. There are representations of the exorcist practices in the XIII century by the example of St. Francis.

Chronological is XIII century. Geographical is Italy. One of the most prominent figures of that time is Francis of Assisi. He died in 1226 and three years after his death, was written first life of the saint. Throughout the century, continued to appear different versions of the lives that describe different incidents in the life of a saint, but you can find some similarities that characterize exorcism's practices of this era.

Keywords: Exorcism's practices of XIII century; Francis of Assisi; Italy XIII century; exorcism; exorcis.

ADAMOVA N. Saint, Elect, Exceptional? Puritans' Identity in Early Stuart England.

The article deals with the concepts of "sainthood", "predestination" and "exceptionalism", typical for the outlook of English puritans in the early seventeenth century. The author concludes, contrary to the existing stereotypes, that during that period the doctrine of predestination still had not become the source for the feeling of superiority over the others,

which flourished in the Puritan-Independent community by the middle of the century.

Keywords: Puritans; predestination; exceptionalism; England; Saints.

BELKOVA E. The Medici's mechanisms of ascendancy over the political life of Europe in the XV century.

This article is devoted to determination and research the Medici's mechanisms of ascendancy over the political life of Europe. The bank of Medici was a very important instrument of influence equally dynastic marriage, bribery, pressing and murdering of competitors. It all gave the Medici power to increase their ascendancy outside of the Apennines.

Keywords: The Republic of Florence; The Medici's family; The Bank of Medici.

BORISOV G. Terms describing the monetary systems in Lex Frisionum.

In this article author deals with the problem of terms, describing different monetary units, and their actual meanings in the early Middle Ages. On the basis of Lex Frisionum, drafted about 802 during the Charlemagne's leges-reform, author shows the difference between monetary units in three main parts of Friesland and their pecuniary values. The article demonstrates the existence of local monetary units and legal practices within the regions lacking the Roman influence.

Keywords: History of early Middle Ages; History of Law; Leges-reforms of Charlemagne; Lex Frisionum; monetary systems of the early Middle Ages; Numismatics.

BOYARINTSEVA U. The knowledge of God in the treatise «On paradise» by Niketas Stethatos: reading through Dionysios the Areopagite.

The article deals with one of the central subjects of the Byzantine theological doctrine. The Byzantine concept of the knowledge of God is studied through structural analysis perspective of Dionysios the

Areopagite's, St. John of Damascus' and Niketas Stethatos' works, which are represented as an integrated system.

Keywords: the Byzantine theology; Niketas Stethatos; the knowledge of God; paradise.

BUTUCHEL R. Language and intenty of danubian principalities' population in early modern times.

The article investigates the relation between language and ethno-cultural identity of the Danubian Principalities population in XVII - early XVIII centuries on the material issued from socio-cultural and religious spheres. The focus goes to role of language in shaping identity representations.

Keywords: vernacular language; ethno-cultural identity; East Roman population.

DENEZHKIN M. Life of medieval students in «Ancient rhetoric» Boncompagno da Signa.

In this article analyzes texts of «Ancient rhetoric» Boncompagno da Signa, master of Bologna university. It is bright and interesting source for the history of medieval students, but its specific nature determined necessity of references to other sources, connected with history and culture of medieval universities.

Keywords: Boncompagno da Signa; medieval students; first European universities.

DIKAREVA M. Tommaso da Celano's Vita Secunda: the image of Saint Francis in the context of Franciscan conflicts.

This article focuses on the circumstances of Vita Secunda Sancti Francisci's creation. It also emphasizes the role played by this text in establishing Joachim di Fiore's protoheretical teaching in the Franciscan Order.

Keywords: Francis of Assisi; Thommaso da Celano; hagiography; joachimites; heresy.

DOLKOVA E. Features of the Political and Legal Status of the Welsh March.

The author investigates main features of the Welsh March, which denotes the territory between England and the Principality of Wales. Its particular status depended on privileges of Marcher lords, who had quasi-regal jurisdiction within their lordships. The law of the March and its sources are also analyzed in this article.

Keywords: March of Wales; Marcher lords; law of the March.

DOMSKY M. The Heliand: How was the Saxon Gospel written.

In the reign of Louis the Pious the popularization of Christianity among Saxons started. In order to get their attention to the newly imposed religion, the Germanic poetry was used as a tool. The most famous example of the Saxon Christian epic poetry is the Heliand.

Keywords: Christianization; biblical epic; Heliand.

GONCHAROVA E. To the question about the balance of political forces around Anne Boleyn in 1528–1529 (according to the materials of private correspondence).

In this work, we consider the political environment of Anne Boleyn in 1528–1529. Based on the epistolary sources examines the political role of the environment in the events. So the question is raised about the role of the cardinal Wolsey in the environment and about the change in his relations with Anna.

Keywords: England XVI; Henry VIII; political group; Anne Boleyn.

GORBUNOVA J. Question of Virtue in “Formula Vitae Honestiae” by St. Martin of Braga.

The article is devoted to reflection of problem of virtue of king in St. Martin's of Braga “Formula Vitae Honestiae”. The author approve that the problem of virtues was elaborate by St. Martin's epoch both Christians writers and pagan. But St. Martin was one of the firsts, who adapt the doctrine of virtue to barbarian ruler.

Keywords: St. Martin of Braga; Miro; virtue; Formula Vitae Honestiae.

GURSKAYA N. Venice: version of the origin.

One of the most controversial moments in the history of Venice is a question of time and circumstances of the formation of the Venetian civilization, whether in ancient or public education is a state early Middle Ages.

Keywords: Western Roman Empire; Byzantium; metropolis; nominal communication.

GUYVORONSKI I. Christian element of an image of the power in the Middle Ages: from Constantine the Great to Clovis.

By sight the speaker, most notably influenced on the images of governors, created by medieval authors, Christian concept of the power and an image of the ideal Christian monarch. Evolution of the Christian power's image, since its origin in Eusebius' of Caesaria compositions and its finishing in the Merovingian era, will become a subject of the report. This report doesn't set a task «to open» any «new», unevident regularities in the course of folding of an image of the Christian governor. The purpose of the planned performance — to fuel hype about identification of various elements of the Medieval image of the power and about influence of various cultures and philosophies on formation of the civilization of the Middle Ages.

Keywords: Christian monarch; Eusebius' of Caesaria; Clovis.

IGINA Y. Cinquedeas of Lorenzo Canigiani from the State Hermitage in St. Petersburg: an experiment of source studies.

The present article is devoted to unknown and unpublished cinquedeas from the Western European arms and armour collection of the State Hermitage in St. Petersburg. The results of expert examination, including art, weaponological and historical reviews accomplished by author are introduced into scientific use first time. Analysing the decoration of cinquedeas and the coat of arms etched on its blade the author attributes this artefact to Lorenzo Canigiani, a Florentine nobleman, the son of Matteo and the grandson of Giovanni Canigiani and a member of Florentine patriciate family which has belonged to the

Medici immediate surround. The cinquedeas was a gift of a one of the Medici family to Lorenzo Canigiani. The decoration of the cinquedeas is close similar to the famous swords donated in 1509 by Pope Julius II to Holy Roman Emperor Maximilian I and his grandson Charles of Burgundy, future Holy Roman Emperor Charles V. The cinquedeas was etched by unknown decorator of Ercole dei Fideli circle.

Keywords: arms; cinquedeas; Lorenzo Canigiani; Medici family; heraldry; Order of St. Peter; chivalry; coat-of-arms; emblem; Florentine republic; nobility; fleur de lis; tiara; crosskeys; crescent; patriciate.

KANUPA A. The formation of the foreign policy of the Venetian Republic (V – early XIII centuries).

Venice had developed from a small city-state to a powerful colonial power, which had been conducting independent foreign policy. This report examines the process of forming the main directions of its foreign policy interests: relations with the Eastern and Western Roman empires, the papal power, as well as participation in the Crusades.

Keywords: Venetian Republic; foreign policy; the middle ages; the Byzantine Empire; Western Roman Empire; the Crusades.

KNYAZEV P. Religious aspect of the Declaration of William III of Orange of 10 October, 1688.

The article deals with the history and the content of the Declaration of William III of Orange, published before his invasion of England in 1688. The author examines the connection between religious and political factors in the propaganda of William's supporters, as well as the events mentioned in the text of the Declaration.

Keywords: Glorious revolution; Protestantism; Roman Catholicism; Dutch Republic.

KOSTIN N. Anthropological ideas of Maximus the Confessor.

The article discusses anthropological system of one of the most famous theologians of Byzantium — Maximus the Confessor. In light of his anthropological ideas shows how the integrity of the teachings of the philosopher in relation to all of creation, and to the position of man, his moral life.

Keywords: Maximos the Confessor; Byzantium; anthropology; Christianity.

KOSTYRIA M. Power and society in the works of Pieter Bruegel the Elder.

This article takes a look at the work of Pieter Bruegel the Elder, in the first place, as a historical source. The author attempts to find some kind of «objective» information about the institutions of government and society of the XVI century. There is no doubt that the result of this attempt is doomed to correction by the subjective attitude of the artist, which can not be avoided.

Keywords: Western Europe; XVI century; power; society; Netherlandish art; Bruegel.

KURAKIN S. The kingdom of Mercia in the system of Anglo-Saxon Heptarchy in the middle VII and early IX centuries.

The article is devoted to the problem of political development of the Mercian kingdom. The study explains the causes of the growth of the Mercian political influence and also describes how Mercia managed subkings and subkingdoms and became dominant over the Southern England.

Keywords: Mercia; Heptarchy; bretwalda; Anglo-Saxons; Early Medieval England.

LAPSHOV P. Kutna Hora's mining based on graphic sources.

The mining of medieval Bohemia is an important page in the history of this country. Kutna Hora's Mining has generated a new proceedings in the economy, social relations, had a significant impact on the political development, the development of culture and art.

Keywords: mining; Kutna Hora; silver; mining law; gradual.

LAPUNOV A. The image of the barbarian in the writings of Patriarch Photios'.

Subject barbarian and barbarism, rooted in ancient literature, was continued in the works of the Patriarch Photios. The old opposition

between barbarians and Romans, Byzantines replaced by polar concepts — Christians and pagans. However, according to Photius, savagery and brutality of the barbarians can be pacified the Christian faith.

Keywords: Barbarian; Patriarch Photios; Christianity.

LIKHOMANOV K. The concept of «world view» and «world model» as part of the methodology of the study of culture in a scientific heritage Gurevich.

This article discusses how there and how to implement in practice the concept study «picture of the world» through the creation of a «world model» in the work of Aron Gurevich. The basic origins and characteristics of this concept, as well as traced almost the fruits of its application.

Keywords: Aron Gurevich; world; world model; research methodology of medieval culture; culture categories.

LURE Z. The Catechism on the stage: on stenography of the XVI–XVII centuries school theater.

The article analyzes the aesthetics and stenography of the Protestant and Catholic theater in the XVI–XVII centuries. School theater involving teachers and their pupils was the dominant kind of public theater. As it developed the level of professionalism and stage aesthetics also changed. The Jesuits were more active and successful in borrowing achievements of the professional public scene, while the Protestant stage remained amateur, and «rules of performance» considered theater more as a rhetorical art. These features, along with some other observations, were noted by a Lutheran hymnographer of the XVII century, Johann von Rist, whose thoughts about the professional and non-professional theater, are a valuable source of theatrical culture.

Keywords: school theater; Johann von Rist; rhetorical stage; Baroque.

MANUKYAN E. Sidonius Apollinaris and Lupus of Troyes. The Episode from a History of the Relationship between the Members of the Ecclesiastical Aristocracy in Fifth-century Gaul.

The article considers the history of friendship and partnership of two prominent members of Gallo-Roman ecclesiastical aristocracy: Sidonius Apollinaris and Lupus of Troyes. Much attention is given to the personal factor in the development of the special relationship between the members of ecclesiastical-aristocratic community as well as its influence on practical activity and functionality of the Gallic episcopate. The present research is based on the analysis of the Lupus and Sidonius' correspondence.

Keywords: ecclesiastical aristocracy in Gaul; episcopal community; Sidonius Apollinaris; Lupus of Troyes; correspondence; interpersonal relationships; episcopal activity.

MEDVED A. The Schmalkaldic War in the mirror of biography of Sebastian Schertlin von Burtenbach.

The article deals with the events of the Schmalkaldic War from a specific point of view of Sebastian Schertlin von Burtenbach's autobiography, who was the military leader of the Protestant Union. The special attention in this article is paid to the landsknechts leader's description of armed hostilities and the relations with the ruling elite of the Schmalkaldic Union.

Keywords: The Schmalkaldic War; Schertlin; Landsknechts; Holy Roman Empire.

MIGUNOVA A. Correspondence as a source for history of Prince Ruprecht of the Rhine.

Private correspondence of the XVII century, as a massive source can be a good basis for the reconstruction of a behavioral model, social connections and ideology of European nobility. In the center of attention is the correspondence of Prince Ruprecht of the Rhine, for the years 1620–1661, with his relatives and representatives of different social classes, using which an attempt to recreate his social portrait is made.

Keywords: Class relations; XVII century; the Thirty Years War; English Civil War.

MIKHEEV D. On the issue of the purpose of the Portuguese expedition (1589).

The author considers the question of the purpose of the Portuguese expedition (1589), which became the British response to the Armada campaign. Lack of money and weakness of the Royal Navy forced Elizabeth to seek in preparing of the expedition for private investment, which has led to a revision of its original plan and had a negative impact on the implementation of its original goals.

Keywords: Anglo-Spanish War; privateer; Lisbon; Elizabeth Tudor; Francis Drake; Don Antonio.

MOKROPOLOVA A. Christianization of Norway (based on kings sagas).

This article devoted to research of Christianization process of Norway. Peculiarity of investigation is using kings sagas as a source. Investigation demonstrate, that sagas contain much information about Christianization and Early Christianity in Norway.

Keywords: Saint Olaf; Christianization of Norway; sagas.

NAUMOV N. The «Kaiser Sigismunds Buch» of Eberhard Windecke: the problem of genre.

The paper is devoted to a narrative source composed in the middle of XV century. On the face of it, this seems to be a biography, but it has also features of historical and autobiographical composition. Due to such a multiple character, the «Kaiser Sigismunds Buch» is a unique work written at the cross-roads between the Middle Ages and the Early modern time.

Keywords: Eberhard Windecke; Sigismund of Luxemburg; narrative source.

NIKITIN K. The function of biblical quotations in the Chronicle of Fredegar.

The paper is dedicated to the usage of explicit Biblical quotations and images in the early medieval chronicle of Fredegar. Therefore, the paper reveals their role in the text of the source. Apart from that, the author attempts at explaining a relatively small number of Biblical reminiscences connecting it with the peculiarities of the genre and the aims of the Frankish chronicler of the VII century.

Keywords: Chronicle of Fredegar; Bible; quotations.

PIKIN A. Romans at the Barbarians Service at the West in the End of V – Beginning of VI centuries: Problems of Foreign Policy Communication.

This article is devoted to the place of Romans advisers of kings of gentes and their role in the international relations of barbarians' kingdoms. The author, analyzing some biographies of the Romans advisers of barbarian's kings, declares that the Romans were trying to keep traditions of political communication, but their role in decision-making is represented disputable.

Keywords: embassies; Leo of Narbon; Cassiodorus; Laconius; the Barbarian's kingdoms.

POLYAKOV S. Policy of royal power towards the Church based on matters of «The laws of king Cnut».

In the beginning of the XI century several countries were united under the reign of one person — King Cnut the Mighty or the Great. In England support of the Church was utterly significant. Remarkable source «The laws of king Cnut» helps us to know in detail about policy, that king conducted towards the Church.

Keywords: England; Christianity; legislation; consolidation of royal power.

PONOMAREVA M. «A Dispute between a Priest and a Knight...» as a Primary Source.

The article is devoted to an analysis of tract «A Dispute between a Priest and a Knight...», which was written on the verge of XIII and XIV centuries in terms of the quarrel between Philipp the Fair and Boniface VIII, aroused over the issue of royal taxation the French Church. The tract takes legists' stand in the question of such taxation.

Keywords: Political theory; Philipp the Fair; Boniface VIII; legists; combative dialogue; source criticism.

POPOVA YA. Miniatures of the «Codex Manesse»: history of research.

In this paper we consider the problem of representation of courtly or «high» love for miniatures «Codex Manesse». Artists depict reality, creating «ideal lifestyle» medieval German society. Therefore, the ideals of feminine beauty and courtly love, sung minnesingers are reflected in miniature, a bearer of meaning. Symbolism courtesy is an integral part of the image, appearing in different forms: stories, gestures, colors and heraldry. Minnesingers collection, being natives of the various segments of the population are offset and are full participants in the love symbolism.

Keywords: Codex Manesse; courtly love; heraldry; iconography.

PROGUNOVA J. Administerial duties of Anglo-Saxon abbess in the VII – early VIII centuries.

The administerial duties are scantily explored sphere of Anglo-Saxon aristocratic women's activity. The article is devoted to tutorship, domesticities, control of monastery's social relations and status by an abbess.

Keywords: Anglo-Saxons; women's history; rule the monastery.

PROKHORCOVA M. Polyglot Bible edited by Christophe Plantin. History of creation and decorative design.

Created for Spanish king Philipp II, Polyglot of Antwerp is a masterpiece of book-printing. The central work of an editor Christophe

Plantin is famous with its unique types and etchings. Another creator of this impressive voluminous edition and its graphic design became theologian Benito Arias Montano. In this article the history of creation of the Polyglot and some details of its design are briefly retraced.

Keywords: Christophe Plantin; polyglot; book-printing; graphic design.

SIROTINA M. Institute of the courtly love in the system of the medieval relations.

The author examines the courtly love phenomenon as a social institute, which had its political, economical and normative basis. Main pitfalls of the medieval romance are came out.

Keywords: courtesy; courtly love; fair lady; knighthood.

SLYADZ A. Constantine Monomachos and the end of the classical Byzantium.

This article is devoted to rather short reign of Constantine IX Monomachos (1042–1055). It was the equator, which separated the empire of a classical time (from the middle of the IX century) from the period of its crash and emergence of new, Comnenian Byzantium (later XI – XII centuries).

Keywords: Byzantium; Constantine IX Monomachos; Zoe Porphyrogenita; the Macedonian dynasty; Constantine Leichoudes; Michael Psellos; John Skylitzes; Michael Attaliates; Kekaumenos.

SLYADZ A. Tragic destiny of the outstanding byzantinist (to the 140 anniversary since birth of V. N. Beneshevich).

This article is devoted to outstanding paleographer, researcher of canon law, professor of the St. Petersburg (Leningrad) University, corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR V. N. Beneshevich (1874–1938).

Keywords: V. N. Beneshevich; Byzantine studies; paleography; canon law.

SMOVZHENKO A. The documents on the early history of the university of Paris in the edition of Henry Denifle «Chartularium Universitatis parisiensis»(1889–1897).

This work is dedicated to the analysis of a fragment of the four-volume «Chartularium Universitatis parisiensis» (1889–1897) by Henry Denifle. This source has a great importance for the history of the University of Paris as it contains all the documents related to the theme that had been known by the end of the XIX century. The work still has not lost its actuality. The information acquired during the analysis can prove to be useful for any further research in this field.

Keywords: France, source study; university; papacy; charters; Denifle.

TERENTEVA E. The national churches and religion in French erudites' and English antiquaries' interpretation (illustrated with the heritage of André Duchesne and William Camden).

This article gives an account of the interpretation of certain aspects of religion in the heritage of eminent Early modern scholars — André Duchesne and William Camden, as well as their view of French and English national churches.

Keywords: A. Duchesne; church; Early modern times; England; France; historical writing; religion; W. Camden.

TISHUNIN E. The king and the kingdom in Edward VI's chronicles.

Article is devoted to the analysis of the first part of the source which is known in Russian historiography as Edward VI's diary. The notes written personally by the young king covering the period from 1547 to 1552 are divided into two groups: «chronicles» (1547–1550) and «diaries» (1550–1552). In the analysis of the first part of the source is set it's main subject, stylistic features, manifestation of the author's personality.

Keywords: Edward VI; diary of Edward VI; Tudors; England; XVI century.

UKHOV I. «The sacred marriage of saint Francis with lady poverty» as primary source.

One of the integral attributes in medieval literature is poverty. At the same time humanization of the Christ happens. It goes through the attention to his poverty and the story of his crucifixion. These attributes of the Savior were reproduced in Francis's life. Because of this fact the possibilities of God and human are being equalized.

Keywords: Francis of Assisi; mystical marriage; franciscanism; lady Poverty.

USHAKOVA V. Masks, atlantes, capitals: some observations on Romanesque sculpture of southern Italy and Ottonian book illumination.

Despite the fact that so many questions in connection with Romanesque Apulian sculpture must remain unanswered, the sculptural decoration is of the greatest interest for the reconstruction of the history of Apulian art in the XII and early XIII centuries and its connections with Ottonian illuminated manuscripts.

Keywords: Apulia; Romanesque sculpture; Ottonian book illumination; Norman conquest of southern Italy.

VAKHRAMEEVA O. Graves' researches of I. S. Turgenev.

The article devoted to the study of the writer's biography. Biographical study I. M. Graves wrote in his manner on the material a variety of sources. He managed to recreate the image of the great Russian writer, revealing themes Turgenev and Spasskoe, the writer and nature, Turgenev and female characters, the writer and religion, etc.

Keywords: I. M. Graves' manuscripts; biography of I. S. Turgenev; the sources of the biography.

VASILEVA O. The category of «slavery» in the social and political views of John Duns Scotus.

The article presents an analysis of the category of «slavery» in the social and political theory of Duns Scotus. Servile status Scotus

considers being guided doctrines of the Catholic Church. However, the Scotus' ideas about the abuse of state and the inalienable rights of slaves are original theory.

Keywords: the category of «slavery»; Duns Scotus; Franciscan Order; Natural law; Positive law.

ZAYTSEVA A. Devil's functions in the treatise of Bartolus da Saxoferrato «Processus satanae contra genus humanum».

«Processus satanae contra genus humanum», which is believed to have been written by the medieval lawyer Bartolus da Saxoferrato (1313/4–1357), describes the legal action started by the devil who wants to restore the ancient law to possess the humanity. The author of the article examines historical and cultural background of the image of the devil as the participant of the heavenly judgment.

Keywords: Satanprozesse; devil's image; Bartolus da Saxoferrato; iustitia; aequitas; heavenly judgment; ius antiquum.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Анна Валерьевна. Магистрантка, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
mizunosenshi@mail.ru

Абрамова Екатерина Юрьевна. Студентка, Тюменский государственный университет.
kittynice42@gmail.com

Адамова Нина Эдуардовна. Старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет.
nina_adamova@mail.ru

Белькова Екатерина Александровна. Студентка, Иркутский государственный университет.
iamcatherine.b@gmail.com

Борисов Григорий Игоревич. Аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
grigorijborisov@gmail.com

Бояринцева Ульяна Сергеевна. Студентка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
ya.ubs-ubs@yandex.ru

Бутучел Родика. Аспирантка, Санкт-Петербургский государственный университет.
rodica_butucel@mail.ru

Васильева Ольга Сергеевна. Студентка, Псковский государственный университет.
vasilieva.o.c@gmail.com.

Вахромеева Оксана Борисовна. Доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.
voxana2006@yandex.ru

Гайворонский Игорь Дмитриевич. Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.

igorgaiv91@gmail.com

Гончарова Елена Сергеевна. Студентка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Elena-karilena@bk.ru

Горбунова Юлия Алексеевна. Аспирантка, Ивановский государственный университет.

julietvl@mail.ru

Гурская Нина Валентиновна. Кандидат исторических наук, преподаватель истории, МБУ СОШ №56, г. Тольятти.

nina.gurs@yandex.ru

Денежкин Максим Геннадьевич. Аспирант, Ивановский государственный университет.

denezhkinmihail@yandex.ru

Дикарева Марина Андреевна. Студентка, Российский государственный гуманитарный университет.

marinadikarewa@gmail.com

Долкова Елизавета Александровна. Студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Нижний Новгород.

dolkova_elizaveta@mail.ru

Домский Максим Витальевич. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Пермь.

heliand@yandex.ru

Зайцева Арина Витальевна. Студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

arinazajtseva@gmail.com

Игина Юлия Федоровна. Кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

iginayulia@hotmail.com

Канупа Анна Сергеевна. Студентка, Иркутский государственный университет.

antihonda@rambler.ru

Князев Павел Юрьевич. Студент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

pavkneazev@yandex.ru

Костин Николай Олегович. Студент, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М. В. Ломоносова.

wwwnyord@mail.ru.

Костыря Максим Алексеевич. Кандидат искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.

claver@mail.ru

Куракин Сергей Евгеньевич. Студент, Вологодский государственный университет.

link_zelda@mail.ru.

Лапунов Алексей Алексеевич. Студент, Санкт-Петербургский государственный университет.

alexlapunov@gmail.com

Лапшов Павел Николаевич. Аспирант, Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

pav9204@yandex.ru

Лихоманов Ким Владимирович. Аспирант, Саратовский технический государственный университет им. Ю. А. Гагарина.

AlisterOrm@gmail.com;

Манукян Эдуард Мгеревич. Аспирант, Ивановский государственный университет.

manukyan_33@mail.ru

Медведь Алексей Олегович. Магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет.

alexmedved1993@gmail.com

Мигунова Анастасия Викторовна. Студентка,
Санкт-Петербургский государственный университет.
rose78561@rambler.ru

Михеев Дмитрий Владимирович. Кандидат исторических наук,
доцент, Псковский государственный университет.
tankred85@mail.ru

Мокрополова Анастасия Дмитриева. Магистрантка, Казанский
Федеральный университет.
nastya1990@yandex.ru

Наумов Николай Николаевич. Аспирант, Московский
государственный университет им. М. В. Ломоносова.
nn-naumov@mail.ru

Никитин Кирилл Сергеевич. Студент, Московский
государственный университет им. М. В. Ломоносова.
istfaknikitin@gmail.com

Пикин Андрей Валентинович. Аспирант, Ивановский
государственный университет.
andrewvpikin@gmail.com

Поляков Сергей Аркадьевич. Магистрант, Национальный
исследовательский Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского.
sergej.polyakov@nm.ru

Пономарева Мария Андреевна. Студентка, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики».
heliumxxi@gmail.com

Попова Яна Андреевна. Магистрантка, Тюменский
государственный университет.
aquamarin602@gmail.com

Прогунова Юлия Михайловна. Аспирантка, Ивановский
государственный университет.
j_progunova@mai.ru

Прохорцова Мария Максимовна. Магистрантка,
Санкт-Петербургский государственный университет.
moon_witch@mail.ru

Сиротина Мария Петровна. Студентка, Пензенский
государственный университет.
aurgeon93@gmail.com

Слядзь Андрей Николаевич. Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет.
slyads@mail.ru

Смовженко Анна Германовна. Студентка, Санкт-Петербургский
государственный университет.
asmovzhenko@gmail.com

Терентьева Екатерина Анатольевна. Кандидат исторических
наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский
государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.
e.a.terenteva@bk.ru

Тишунин Евгений Геннадьевич. Студент, Санкт-Петербургский
государственный университет.
zhenyatishunin@yandex.ru

Ухов Илья Владимирович. Студент, Казанский (Приволжский)
Федеральный Университет.
dogadov230212@gmail.com

Ушакова Вероника Георгиевна. Студентка, Московский
государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Veronikaush24@gmail.com

LIST OF AUTHORS

Abramova Anna. Master's degree program student, Novgorod State University.

mizunosenshi@mail.ru

Abramova Ekaterina. Student, Tyumen State University.

kittynice42@gmail.com

Adamova Nina. Senior lecturer, Saint Petersburg State University.

nina_adamova@mail.ru

Belkova Ekaterina. Student, Irkutsk State University.

iamcatherine.b@gmail.com

Borisov Grigory. Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University.

grigorijborisov@gmail.com

Boyarinceva Uliana. Student, Lomonosov Moscow State University.

ya.ubs-ubs@yandex.ru

Butucel Rodica. Postgraduate student, Saint Petersburg State University.

rodica_butucel@mail.ru

Goncharova Elena. Student, Volgograd State Social-Pedagogical University.

Elena-karilena@bk.ru

Gorbunova Julia. Postgraduate student, Ivanovo State University.

julietvl@mail.ru

Gurskaya Nina. PhD, the teacher to History, School №56, Togliatti.

nina.gurs@yandex.ru

Guyvoronski Igor. Postgraduate student, Saint Petersburg State University.

igorgaiv91@gmail.com

Denezhkin Maxim. Postgraduate student, Ivanovo State University.
denezhkinmihail@yandex.ru

Dikareva Marina. Student, Russian State University of Humanities.
marinadikarewa@gmail.com

Dolkova Elizaveta. Student, National Research University “Higher School of Economics” — Nizhny Novgorod campus.
dolkova_elizaveta@mail.ru

Domsky Maxim. PhD, senior research fellow, National Research University “Higher School of Economics” — Perm campus.
heliand@yandex.ru

Igina Julia. PhD, Saint Petersburg State University.
iginayulia@hotmail.com

Kanupa Anna. Student, Irkutsk State University.
antihonda@rambler.ru

Knyazev Pavel. Student, Lomonosov Moscow State University.
pavkneazev@yandex.ru

Kostin Nicolay. Student, Northern (Arctic) Federal University.
wwwnyord@mail.ru.

Kostyria Maksim. PhD in Fine Arts, Associate Professor, Saint-Petersburg State University.
claver@mail.ru

Kurakin Sergey. Student, Vologda State University.
link_zelda@mail.ru.

Lapshov Pavel. Postgraduate student, National Research Saratov State University.
pav9204@yandex.ru

Lapunov Alexey. Student, Saint Petersburg State University.
alexlapunov@gmail.com

Likhomanov Kim. Postgraduate student, Saratov Technical State University.
AlisterOrm@gmail.com;

Manukyan Eduard. Postgraduate student, Ivanovo State University.
manukyan_33@mail.ru

Medved Aleksey. Master's degree program student, Saint Petersburg State University.
alexmedved1993@gmail.com

Migunova Anastasia. Student, Saint Petersburg State University.
rose78561@rambler.ru

Mikheev Dmitry. PhD, associate professor, Pskov State University.
tankred85@mail.ru

Mokropolova Anastasia. Master's degree program student, Kazan Federal university.
nastya1990@yandex.ru

Naumov Nikolay. Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University.
nn-naumov@mail.ru

Nikitin Kirill. Student, Lomonosov Moscow State University.
istfaknikitin@gmail.com

Pikin Andrey. Postgraduate student, Ivanovo State University.
andrewvpikin@gmail.com

Polyakov Sergei. Master's degree program student, National Research Saratov State University.
sergej.polyakov@nm.ru

Ponomareva Maria. Student, National Research University «Higher School of Economics».
heliumxxi@gmail.com

Popova Yana. Master's degree program student, Tyumen State University.
aquamarin602@gmail.com

Progunova Julia. Postgraduate student, Ivanovo State University.
j_progunova@mai.ru

Prokhortcova Maria. Master's degree program student, Saint Petersburg State University.

moon_witch@mail.ru

Sirotna Maria. Student, Penza State University.

ayreon93@gmail.com

Slyadz Andrey. Postgraduate student, Saint Petersburg State University.

slyads@mail.ru

Smovzhenko Anna. Student, Saint Petersburg State University.

asmovzhenko@gmail.com

Terenteva Ekaterina. PhD, senior lecturer, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications.

e.a.terenteva@bk.ru

Tishunin Evgeny. Student, Saint Petersburg State University.

zhenyatishunin@yandex.ru

Ukhov Ilia. Student, Kazan (Volga region) Federal University.

dogadov230212@gmail.com

Ushakova Veronika. Student, Lomonosov Moscow State University.

Veronikaush24@gmail.com

Vakhromeeva Oksana. PhD, associate professor, Saint Petersburg State University.

voxana2006@yandex.ru

Vasileva Olga. Student, Pskov State University.

vasilieva.o.c@gmail.com.

Zaytseva Arina. Student, National Research University "Higher School of Economics".

arinazajtseva@gmail.com

Научное электронное издание

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА**

Материалы XXXIV всероссийской научной конференции
«Курбатовские чтения» (25–28 ноября 2014 года)

Редактор *А. Ю. Прокопьев*
Корректор *Д. А. Подсадников*
Верстка, дизайн *К. В. Перепечкин*

